

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИУДАИКА

Том I

ББК Т3(9—Е)

Ответственный редактор Д.А.Эльяшевич

Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917—1991 /Отв. ред. Д.А.Эльяшевич; Петербург. евр. ун-т. — СПб., 1996. — 185 с. — (Петербургская иудаика. Т.1)

В монографии изучены репрессивные санкции советской цензуры, адресованные изданиям на иврите и идише, писателям и поэтам еврейской ациональности и еврейской теме в русской литературе и печати. Книга написана на основе большого массива ранее засекреченных документов из архивных фондов Главлита и других контролирующих инстанций.

Художник А.Рохлин

Технический редактор Е.Грилихес

**© Петербургский еврейский
университет, 1996.**

ISBN

В СОВЕТСКОМ ГАЛУТЕ

Книга, лежащая перед читателем, принадлежит к тому редкому типу публикаций, которые по праву можно назвать новаторскими. Речь в ней идет о проблеме, никогда ранее, за исключением работ самого А. В. Блюма, не поднимавшейся в научной литературе. Проблема эта — история цензуры еврейских изданий, еврейской тематики и произведений писателей-евреев в стране, «где так вольно дышит человек».

Многолетняя полная закрытость данной темы вполне объяснима. Любая диктатура отнюдь не стремится разглашать собственные тайны, показывать механизмы своего существования. Для того, чтобы спрятать концы в воду, подходят любые методы и, прежде всего, засекречивание информации. Десятилетиями лежали в спецхранилищах архивов и библиотек сотни тысяч дел, миллионы экземпляров печатных изданий. Они были смертельно опасны для «советской демократии». Поэтому она постановила считать их несуществующими. Среди этих материалов находились и документы, освещавшие историю цензуры еврейской печати и еврейского вопроса, все бытие евреев в СССР в целом. Ныне некоторые (но — не надо обольщаться! — далеко не все) источники получили возможность стать достоянием гласности. Именно на их основе и создана книга А. В. Блюма.

Для того, чтобы изложенный в этом исследовании интереснейший материал воспринимался более ярко, органично и целостно, необходимо предпослать ему хотя бы самый общий и краткий очерк семидесятилетней истории евреев в стране Советов — истории советского галута.

К роковому 1917 году шестимиллионное российское еврейство подошло в высокоразвитом, но, вместе с тем, сложном и противоречивом состоянии. Оно было особым

миром с хорошо организованными духовными, социальными и политическими институтами, миром и однородным, и разделенным на слои и группы, в чем-то единые, в чем-то несхожие и даже враждебные друг другу. Однако, несмотря на все внутренние противоречия, мир этот был живым целостным организмом, реально существующим и активно развивающимся. Суть всей последующей, советской истории мира российского еврейства — в медленном расставании с понятием «жизнь», в духовном умирании и исчезновении.

Самодержавие Романовых, «чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и Лаей», испустило дух под натиском Февральской буржуазной революции. Перед страной, перед народами, ее населяющими, открылись пути истинно демократического развития. Российскому еврейству буржуазная революция принесла избавление от гражданского неравенства, от гнета специального антиеврейского законодательства, создававшего более столетия и к началу XX века ставшего сложнейшим юридическим механизмом. Весна и лето 1917 г. отмечены невиданным ранее взрывом еврейской общественной и культурной активности. Были проведены партийные совещания и конференции, началась подготовка к Всероссийскому еврейскому съезду. В условиях отмены контроля и цензуры появились десятки новых обществ и объединений, издательств и периодических изданий. В это время стала достижимой идея национально-культурной автономии и национального представительства в органах власти и самоуправления. Любые, даже самые смелые проекты казались реальными и осуществимыми. Люди были опьянены свободой, ощущением присутствия при рождении новой жизни, новой эпохи российской истории, в которой они видели себя уже не объектом государственной ненависти и законотворческих экспериментов, а полноправными строителями общего дома и общего будущего.

Большевистский переворот перечеркнул все мечты и ожидания. Вместо зари свободы над страной взошла кро-

ваво-красная звезда самой страшной в истории человечества диктатуры, Она принесла неисчислимые бедствия всем народам. Но, быть может, наиболее трагичной в новых условиях оказалась судьба российского еврейства, обретенного на духовное вымирание, на национальную смерть. То, что не удалось многочисленным режимам и правителям на протяжении двух тысячелетий, с успехом было осуществлено в Советской России: всего за какие-нибудь 20–30 лет еврейство как нация прекратило в СССР свое существование. Евреев не стало, появились «люди европейской национальности» – оторванные от своих исторических корней, лишенные национальной религии, национальной культуры и национального будущего.

Уже эпоха Гражданской войны стала Голгофой для евреев России. Они оказались в центре противоречия, не имевшего решения. С одной стороны, большевистская идеология подрывала основы экономического существования еврейского населения, в силу исторических условий жившего преимущественно от индивидуального ремесленничества и мелкой торговли. В глазах коммунистов подавляющее большинство евреев было чуждым буржуазным элементом, с которым следовало беспощадно бороться. С другой же стороны, почти все, за редкими исключениями, противники большевиков считали еврейство причиной произошедшего несчастья, его движущей силой, «спинным хребтом революции». Ссылались при этом на значительное число евреев в большевистском руководстве, в ВЧК и иных подобных организациях. То, что для народа, столетия находившегося в угнетенном состоянии, исполнявшего роль мальчика для битья, относительно большой процент революционеров естественен, что разнообразные троцкие, урицкие, зиновьевы и володарские давно уже не имели ничего общего с еврейской массой и были открыто враждебны ей, в расчет не принималось.

Итог противоречия оказался страшным. За годы Гражданской войны произошло более тысячи антиеврейских

погромов. Они унесли около ста тысяч жизней. Украина и Белоруссия захлебывались еврейской кровью. Погромы устраивали все — петлюровцы, белополяки, разномастные банды, белое воинство Деникина, благородные офицеры которого не просто убивали, но и грабили, насиловали, пытали. Крупный вклад в еврейский мартиролог внесло казачество. Отличались погромной энергией и многие отряды Красной армии. В это же самое время в Москве и Петрограде советское правительство запрещало любые еврейские партии и организации, закрывало еврейские газеты и журналы, расправлялось с еврейской «буржуазной» интеллигенцией. В июне 1919 г. были распущены Центральный совет еврейских общин (ЦВаад) и советы местных общин, и тем самым похоронена идея национально-культурной автономии. Их место заняли образованные еще ранее еврейская секция ВКП(б) и еврейский отдел Комиссариата по делам национальностей, ставшие верными проводниками коммунизма «на еврейской улице».

На годы Гражданской войны приходится начало большевистских гонений на иудаизм и язык иврит. Первый, вкупе с другими конфессиями, был признан мракобесным учением, проклятым буржуазным наследием, отвлекающим пролетариат от выполнения его «исторической миссии». Вообще, религия представляла смертельную опасность для большевизма: она несла непреходящие нравственные ценности, (способные рассеять как дым всю ложь «классового подхода» и подобных ему измышлений.) Преследование же иудаизма означало на практике преследование евреев в целом, всего еврейского народа, поскольку само понятие «еврей» есть понятие сугубо религиозное. Тем самым создавались предпосылки национального не-бытия евреев в СССР, наступившего чуть позже.)

Что касается иврита, то абсолютное неприятие со стороны новых властей он вызывал по многим причинам объективного и даже субъективного свойства. Прежде всего, иврит прочно и совершенно обоснованно ассоци-

ировался с синагогой; он был священным языком ненавистной большевикам религии. Другим его пороком считалась связь с сионизмом, который сделал древний язык Библии языком еврейского национального возрождения. Больше~~чики~~^и причисляли политический сионизм — наиболее популярное и влиятельное среди российского еврейства политическое движение — к своим важнейшим противникам и положили много сил на его искоренение. Наконец, немаловажным был тот факт, что советскую политику в еврейском вопросе определяли, в основном, люди с бундовским прошлым, перешедшие на службу к большевикам, а Бунд всегда был непримиримым врагом иврита и противопоставлял ему идиш как язык народных масс. Совокупность всех этих условий привела сначала к вытеснению иврита из школы и общественной жизни, а более поздние времена — и к возведению самого факта его преподавания и использования в литературе и искусстве в ранг государственного преступления. МиФ о реакционной сущности иврита оказался одним из самых живущих в советской идеологии государственного антисемитизма: даже во второй половине 80-х годов, когда власти перестали обличать «мировой сионизм и его явных и скрытых пособников», подпольные кружки по изучению иврита продолжали оставаться предметом пристального внимания со стороны «компетентных органов»...

Травля иудаизма и древнего, но живого языка усилилась в 20-е годы. Однако новая экономическая политика на какое-то время приостановила процесс вынужденной духовной деградации российского еврейства: она дала средства к существованию огромной массе еврейского населения и тем самым позволила хотя бы в минимальной степени сохранить старые традиции общинной жизни и общинных институтов. Правда, период этот был непродолжительным и отличался внутренним драматизмом. Самым значительным деянием большевиков в то время стало искоренение вековой системы национального еврейского образования и воспитания. Был уничтожен

хедер — начальная школа, дававшая детям знания в области истории, традиций и обычаяев своего народа. Вместо этого открывались новые еврейские школы, в которых еврейским было только преподавание предметов на идиш, тщательно очищенном от гебраизмов. Таким образом, сознательно воспитывалось поколение, оторванное от своих корней, потерявшее историческую и духовную преемственность от прежних поколений — ту преемственность, которая всегда была залогом и единственным условием сохранения еврейского народа. И когда несколькими годами позже этот разрыв исторической цепи совместился с окончательно упавшим «железным занавесом», герметически отгородившим советских евреев от их зарубежных собратьев, духовное небытие российского еврейства стало свершившимся фактом.

Конец нэпа означал для еврейского населения СССР новую катастрофу: в конце 20-х годов в стране появилось около миллиона «деклассированных» евреев-«лишенцев». Перед ними был выбор: либо медленная смерть от нищеты и голода, либо попытка изменения привычных занятий, поиск новых сфер приложения своего труда, часто связанный с переездом в крупные промышленные и административные центры. Да и власти при всем желании не могли оставаться совершенно равнодушными к появлению такой массы остро нуждающихся людей. Она, эта масса, представляла для них потенциальную опасность. Тогда и заработала в полную силу идея «земельного устройства трудящихся евреев» на коммунистический лад, отдельные элементы которой возникли еще в середине 20-х годов.

Совершенно очевидно, однако, что причиной и побудительным стимулом начала биробиджанской эпопеи (а ей предшествовала попытка образовать еврейскую автономию в Крыму) было не только и не столько стремление советской власти дать какое-либо занятие огромной массе евреев. История свидетельствует, что один, пять или двадцать миллионов человек для этой власти ничего не значили. Задача здесь ставилась более трудная, в какой-то

степени, философская. Большевикам надо было найти обоснование для самого факта существования евреев как нации, ибо существование это входило в вопиющее противоречие с постулатами марксистско-ленинского исторического материализма. Еврейство на протяжении тысячелетий сохранялось лишь как духовно-религиозная общность, лишенная своей территории и национальной государственности. А такого, с коммунистической точки зрения, быть никак не могло. Возможно, в этом глубинном противоречии, суть которого в том, что евреи уже самим фактом своего существования опровергали марксистско-ленинскую сколастику, и была одна из глобальных причин последующего негативного отношения советского государства к евреям.

Конечно, система, не стеснявшаяся доказывать свою истинность и право на существование бесхитростным заявлением о том, что она вёрна, могла просто «не заметить» этого противоречия. В конце концов, противоречие это было не первым и не последним в философской пародии марксизма-ленинизма. Но уж больно разительным оно выглядело. Поэтому властям надо было во что бы то ни стало «привязать» евреев к некоей территории, дать им карикатурное подобие самоуправления.

Советская власть не была оригинальна в этом своем желании. Еще царское правительство прикладывало определенные усилия для поселения евреев «на земле». Правда, цели при этом преследовались иные, и о самоуправлении речи не шло. Да и в самом еврействе идея возвращения в свою страну, связанного с пришествием Мashiаха и конечным избавлением, на протяжении тысячелетий была краеугольным камнем религиозного мировоззрения. Принцип возрождения национальной государственности лег в основу политического сионизма Теодора Герцля. Это движение было настолько популярно и распространено среди всех слоев российского еврейства начала века, что никакие большевистские репрессии не могли искоренить его окончательно. Таким образом, проект

создания еврейской автономии в СССР убивал сразу несколько зайцев: он устранил философское «недоразумение» еврейства, давал выход скрытой, загнанной вглубь народа тяге к национально-государственному строительству и позволял найти применение огромной массе неустроенных и стремительно нищающих людей. Возможно, он соответствовал и стратегической установке на освобождение и укрепление восточных рубежей страны с целью их защиты от Японии. Немаловажной была также возможность привлечения крупных финансовых средств заграничных евреев, стремившихся помочь своим российским собратьям.

Биробиджанская эпопея изначально была обречена на неудачу. И не только потому, что евреев вместо солнечного и теплого берега Иордана попытались отправить в непроходимую тайгу Приамурья. Причина заключалась также и в том, что отличительной чертой евреев всегда был глубинный духовный индивидуализм, сопротивлявшийся любому внешнему насилию, каковым в данном случае несомненно являлась идея массового переселения. Кроме того, конец 20-х и начало 30-х годов были еще периодом относительной мобильности советской идеологии. В это время «линия партии» совершила некоторые — правда, затухающие — колебательные движения. По прошествии всего нескольких лет линия эта качнулась в другую сторону. В новых политико-идеологических условиях второй половины 30-х годов идея еврейского переселения была — временно — снята с повестки дня.

Однако биробиджанский проект оставил глубокий след в советской истории евреев. Прежде всего, его практическое осуществление вызвало заметное движение в еврейской общественной жизни. По всей стране открывались отделения Общества по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ). Они появились не только в крупных городах России, на Украине и в Белоруссии, но и в местах для евреев вполне экзотических: так, например, в Верхнеудинске существовал Центральный совет

ОЗЕТ Бурят-Монгольской АССР, в 1933 г. выпустивший однодневную газету «Озетовец Бурятии». Была развернута активная пропаганда в пользу переселения, проводились собрания, митинги, устраивались лотереи. Результат этих усилий оказался ничтожным: еврейское население Биробиджана даже в «пиковые» 1935—1936 годы не превышало 20 тысяч человек (в основном, выходцы с Украины), причем число возвращавшихся обратно лишь незначительно уступало в количественном отношении слабому ручейку новых переселенцев.

«Биробиджанизм» в 30-е годы определял всю государственную политику в области еврейского вопроса, которого, правда, в стране официально не существовало (это с юмором отметили И.Ильф и Е.Петров). «Биробиджанизм» сказывался и в культурной сфере, направляя, в частности, еврейское издательское дело. В огромных количествах печатались в то время на идиш и русском языках различные агитационные материалы, произведения советских еврейских писателей «социалистического реализма». Однако все это уже было последними всплесками еврейской общественной активности, в какой-то мере, агонией. Стремительно наступали новые времена, принесшие еврейскому народу в СССР полное духовное небытие.

Во второй половине 30-х годов в стране исподволь, на фоне фактического отказа от «марксистско-ленинского интернационализма» и заигрывания с идеей «старшего брата», то есть русского великодержавия, начинается политика государственного антисемитизма. Сначала малозаметная, она усиливается после заключения пакта Молотова-Риббентропа, официально закрепившего близкое генетическое родство сталинского режима и немецкого национал-социализма. Происходит полный разгром богатой еврейской общественной жизни в аннексированных Советским Союзом прибалтийских государствах и на территориях, отошедших к Украине и Белоруссии. Многочисленные евреи этих земель, неожиданно для самих

себя ставшие гражданами СССР, оказываются уравненными в абсолютном бесправии со всем остальным населением огромной страны. Наконец, наступает июнь 1941 года, знаменующий собой начало Катастрофы. По самым скромным и приблизительным подсчетам, в 1941—1945 годах на территории СССР и Польши германской армией и ее местными пособниками было убито четыре с половиной миллиона евреев. Общее число погибших в годы второй мировой войны евреев — погибших лишь за то, что они евреи — принято оценивать в 6 миллионов человек. История никогда не знала более страшного преступления. Тысячи книг и статей посвящены выяснению фактических деталей этого беспримерного геноцида и попытке философского, нравственно-религиозного осмысления Катастрофы. Однако убедительного ответа на вопрос «Как подобное могло произойти?» нет и никогда не будет.

Катастрофа означала не только гибель каждого конкретного человека — мужчины, женщины, ребенка — и почти половины всего еврейского народа в целом, не только полное крушение тех этических принципов, которыми так гордился цивилизованный мир. Она уничтожила еще целую ашkenазийскую цивилизацию — цивилизацию восточноевропейского еврейства, просуществовавшую ровно тысячелетие и большую часть этого времени бывшую еврейским духовным центром, хранителем национальной религии, истории и традиций. Цивилизация эта в одночасье прекратила свое существование в газовых камерах Освенцима, в Бабьем Яру, в бесчисленных лесах и оврагах Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Польши, России. И ей никогда уже не возродиться.

А для официальной советской истории и не менее официальной идеологии Катастрофы... не было. Не было геноцида, не было Бабьего Яра, шевелящейся земли над рвами и пепельно-серых холмов вокруг Освенцима. Там, «наверху» постановили считать все это несуществующим — и Совинформбюро сообщало о преступлениях гитлеров-

цев против мирного населения, а из отчетов областных комиссий, созданных для расследования злодеяний оккупантов и коллаборационистов, срочно вымарывали слово «еврей» и заменяли его на «местных жителей».

Трудно однозначно ответить на вопрос, в чем причина такой аморальной политики. Принято ссылаться на то, что она была продолжением линии государственного антисемитизма, что большую роль здесь сыграли личная юдофобия «гениального продолжателя дела Ленина», его тяжелое психическое заболевание и так далее. Все так, но, наверно, это лишь половина правды. Есть что-то иррациональное в ненависти сталинизма к евреям, и это что-то плохо поддается объяснению. Да и бессмысленно искать логику, четкие причинно-следственные связи в обществе всеобщего лицемерия и всеобщей лжи, единолично управляемом параноиком.

Вскоре после войны, когда не успели еще зарасти травой братские могилы, для остатков советского еврейства Катастрофа продолжилась. Наряду с полным запретом на любые упоминания о произошедшей трагедии, были развязаны уже ничем не прикрытые антисемитские кампании, инспирированные государством — сначала борьба с «космополитами», а затем и «дело врачей». В результате «несчастного случая» погиб С. Михоэлс, по приговору неправедного суда расстреляли ведущих представителей еврейской интеллигенции. Итогом всего этого должно было стать уже не духовное, а физическое уничтожение евреев: имеются свидетельства (правда, сегодня не подтвержденные еще документально), что после завершения «дела врачей» еврейское население европейской части СССР должно было быть — конечно, по «просьбе трудящихся» и ради его же собственной безопасности — переселено на Дальний Восток. Уже готовились вагоны и назначенным сопровождать их сотрудникам «органов» внушалось, что задача довезти до конечного пункта всех пассажиров не ставится... Не приходится сомневаться,

что только наконец нашедшая «отца народов» смерть помешала этому плану воплотиться в действительность.

Возможно, роковую роль в судьбе советских евреев в тот страшный период парадоксальным образом сыграло образование Государства Израиль. Советский Союз поначалу поддерживал борьбу представителей Всемирной сионистской организации и Ерейского агентства за отмену британского мандата на Палестину и создание там еврейского государства. Делал он это, конечно, не из-за симпатии к сионистам и остаткам еврейского народа, а исходя из собственных стратегических интересов. Сталинская дипломатия надеялась, что Израиль, благодаря наличию в Палестине сильных политических партий левой ориентации, станет верным сателлитом СССР. Это, по замыслу Кремля, должно было привести к уничтожению английского влияния на Ближнем и Среднем Востоке и проникновению туда Советов. Действительность, однако, оказалась иной: Израиль не захотел стать союзником Москвы ни по политическим, ни по этическим соображениям, а доминирование в регионе Великобритании сменилось ростом американского влияния. Такой поворот событий не мог не вызвать взрыва сталинской ярости, нашедшей выход в плане расправы с евреями собственной империи.

Однако возрождение еврейского государства помогло совершить чудо: советские евреи, затравленные и забитые, на какой-то, пусть очень краткий момент воспрянули духом. Когда первый посол Израиля в СССР Голда Меир в сентябре 1948 года посетила по случаю Рош Гашана (Нового года) московскую хоральную синагогу, ее встретила огромная толпа евреев, выкрикивавших приветственные лозунги. Многие плакали. Внутри синагоги висели транспаранты. На самом большом из них было написано: «Эрец Исраэль возродился!». В том же году дело дошло до того, что некоторые евреи — офицеры советской армии подали рапорты с просьбой отправить их в Палестину, где они смогут с оружием в

руках защищать молодое государство от напавших на него арабских полчищ.

Этот очень непродолжительный, но мощный всплеск национального самосознания, конечно же, бумерангом ударили по самим евреям. Единственным его следствием стало усиление вакханалии террора. Не могло быть и речи о массовом исходе евреев из страны «братьства народов» (с 1948 по 1951 годы из СССР в Израиль выехало пять глубоких стариков). Примечательно также, что подъем национальных чувств коснулся по преимуществу людей среднего и старшего поколения, еще помнивших иные времена и иные настроения. Еврейская же молодежь осталась, в целом, безучастной к происходящему. Лицемерно воспитанная на идеалах добра в стране торжествующего абсолютного зла, лишенная исторической преемственности от предыдущих поколений, загнанная, как стадо, в некую бессмысленную общность «советский народ», суть которой заключалась в нивелировке любых национальных особенностей и полном обезличивании, она жила другими мыслями и стремлениями. Сталинизм мог праздновать победу: уничтожение еврейства как нации в Советском Союзе фактически свершилось.

Следующие после смерти тирана 15 лет в советской истории евреев не были отмечены сколь бы то ни было яркими событиями. Прекратились массовые аресты и казни — и уже одно это было воспринято как величайшее благо. Возникали, правда, отдельные инциденты наподобие «дела хасидов-хабадников», но они, стараниями властей, оставались почти незамеченными. Все это время СССР поддерживал дипломатические отношения с Израилем, однако советская пресса пестрела чудовищными нападками на еврейское государство, и Кремль прилагал огромные усилия для дипломатической поддержки и вооружения воинственных арабских государств Ближнего Востока.

Трагическое зрелище представляло собой советское еврейство этого периода. Любая национально-еврейская

активность была строжайше запрещена, свирепствовала идеологическая цензура. Лишь при синагогах доживали свой век старики — носители традиций и еврейской духовности. Но они были столь дряхлы и немощны, что даже для КГБ не представляли особого интереса. Казалось, обильные посевы 20-х и 30-х годов созрели, и еврейство в СССР умерло окончательно.

Однако, как не раз бывало в еврейской истории, хранимой Божественным провидением, произошло еще одно чудо. В тот момент, когда деградация достигла предела, когда национальному бытию оставалось сделать всего полшага, чтобы превратиться в небытие, линия исторического развития круто переменила свое направление. В июне 1967 года на Ближнем Востоке разразилась Шестидневная война, в ходе которой израильская армия полностью разгромила многократно превосходящие ее по численности египетско-сирийско-иорданские войска, до зубов вооруженные Советским Союзом. К Израилю отошли огромные территории, включая Синайский полуостров, Голанские высоты и восточная часть Иерусалима, ставшего с тех пор единой и неделимой столицей еврейского государства, были уничтожены сотни самолетов и танков советского производства. Эта выдающаяся победа над агрессорами имела не только большое военное значение. Она доказала жизнестойкость Израиля, его непреклонную волю к жизни и свободному существованию в качестве мирового еврейского центра. Можно определенно утверждать, что только после этого военного и духовного триумфа тяжелейшее моральное наследие Катастрофы было преодолено окончательно.

Чудо же заключалось в том, что Шестидневная война произвела подлинный переворот в сознании советского еврейства. «Ам Исроэль хай! — Еврейский народ жив!» — отныне этот древний лозунг овладел мыслями и чаяниями многих евреев Советского Союза. Самое поразительное, что большинство среди них составляли уже не старики, а представители молодого поколения, полностью, каза-

лось бы, денационализированные и сами не подозревавшие, созиательная энергия какой силы таится в глубинах их души. Сбылось предсказание великого мыслителя Ахад-Гаама об Израиле как источнике духовных сил для европейской диаспоры. Настала пора национального возрождения.

Такой поворот внешних и внутренних событий вызвал прилив ярости у советского руководства. Дипломатические отношения с Израилем были разорваны. Внутри страны на полную мощность развернулась чуть задремавшая было политика государственного антисемитизма, неуклюже прикрытая лозунгом борьбы с «мировым сионизмом». Само слово «сионист», вновь, как и в «старые добрые времена», стало, по сути дела, приговором для человека, к которому оно относилось. Разнообразными партийными издательствами миллионными тиражами выпускались писания безграмотных авторов, разоблачавших «человеконенавистническую сущность сионистского движения и Государства Израиль», причем во всех этих творениях уже с первых страниц читателя сознательно заставляли понимать под сионистом любого еврея, а для наиболее непонятливых приводили соответствующие карикатурные иллюстрации. Подавляющее большинство подобных «исследований» ничем не отличалось от печатной продукции ведомства Геббельса, и партаппарат иногда вынужден был даже одергивать не в меру ретивых борзописцев.

Но ничего уже не могло остановить начавшийся процесс. В СССР появилось большое число евреев, стремившихся вырваться из коммунистического царства Молоха и принять участие в строительстве собственного национального государства. Требование, услышанное когда-то египетским фараоном — «Шалах эт ами! — Отпусти народ мой!» — было обращено теперь к советским властям. И поскольку легальной возможности для выезда из страны в тот период не было, наиболее отчаянные шли на незаконные действия. Так в 1970 году возникло извест-

ное «дело самолетчиков» — группы евреев, пытавшихся угнать гражданский самолет за пределы СССР.

В начале 70-х годов власти не могли уже больше сопротивляться внешнему и внутреннему воздействию и вынуждены были допустить выезд евреев из страны. В те времена процесс этот жестко регулировался, получить разрешение на выезд было чрезвычайно трудно. Вокруг решившихся уехать лицемерно создавалась атмосфера презрения и общественной ненависти, их объявляли предателями и «руконеподаваемыми людьми». Со вкусом и размахом устраивались спектакли исключения отезжающих из партии, комсомола, пионеров. Чиновники соответствующих ведомств творили откровенные издевательства, запрещая, например, брать с собой любые рукописные материалы, включая личные записные книжки — и люди были вынуждены учить наизусть адреса своих родственников, чтобы потом иметь возможность с ними переписываться. Но и с перепиской все тоже было очень непросто: стоокий и вездесущий КГБ держал ее под постоянным наблюдением, для остававшихся в «стране победившего социализма» людей она инстинктивно считалась опасной. Сложно даже представить, какая бездна нравственного падения государственной системы скрывалась в том, например, что маленький мальчик в письме из «далекого далека» к своему продолжавшему жить в СССР другу считал нужным спрашивать, разрешают ли ему родители переписываться с ним. Цинизм властей, 50 лет занимавшихся искоренением всего еврейского, шельмованием иудаизма, еврейской истории и традиций, заставивших людей забыть своих погибших бабушек и дедушек, родителей, братьев, сестер, а теперь вдруг объявивших тех, кто пожелал расстаться с этим «раем» предателями, беспримерен. И неудивительно поэтому, что преодолевших все мытарства и унижения советских евреев встречали за границей буквально как выходцев с того света, счастливчиков, умудрившихся родиться заново.

Пожалуй, на протяжении 70-х и 80-х годов наиболее значительным явлением в советской истории евреев стало движение отказничества. Его инициировали люди, которым по тем или иным причинам (чаще всего, по соображениям «сохранения государственной тайны») было отказано в праве на выезд из страны. Они устраивали демонстрации и митинги, которые немедленно разгонялись властями, шли под суд и в лагеря. Отказничество и сопреживание Израилю породили феномен подлинного духовного возрождения советского еврейства: во многих городах стали создаваться подпольные кружки по изучению иврита и европейской истории, группы исследования Катастрофы. Что принципиально важно, у молодежи проснулся интерес к иудаизму. Вся эта национальная активность самыми жестокими методами преследовалась Комитетом госбезопасности. Советская власть считала преступлением встречу субботы, изучение надгробных памятников на старых еврейских кладбищах, чтение изданных в Израиле книг, не говоря уже о простом посещении синагоги. Замеченные в столь «откровенно антисоветских поступках» отчисляли из институтов, увольняли с работы и подвергали иным видам общественного остракизма. Однако чудовищная государственно-политическая система в том своем виде доживала уже последние дни, процесс ее внутреннего гниения и разложения шел все убыстряющимися темпами.

На рубеже 90-х годов кровавая коммунистическая идеология, поглотившая миллионы безвинных жизней, рухнула, потянув за собой империю зла — Советский Союз. Над огромной страной робко занялась заря новой эпохи. В ней, в этой новой эпохе, бывшее советское еврейство пробует восстановить нормальные формы национального развития. Появились еврейские общественные организации, еврейская пресса. Большие усилия предпринимаются для восстановления системы воспитания и образования, являющейся залогом преемственности поколений.

Однако сегодня еврейство России и бывших советских республик еще только в начале пути к возрождению.

Раввинские авторитеты считают, что с основанием Государства Израиль перестал существовать двухтысячелетний галут — пребывание евреев в изгнании, в состоянии гонимой и бездомной нации. Осталась добровольная еврейская диаспора, живущая своей собственной жизнью и, одновременно, неразрывными духовными узами связанная с Эрец Исраэль — Землей Израиля. Хочется верить — нынешнее время дает к тому основания, — что исчез и советский галут, и будущее евреев в России будет лучше их прошлого.)

* * *

В 1982 году я должен был написать свою первую курсовую работу. Предварительно мне предстояло выбрать для нее научного руководителя. Им стал Арлен Викторович Блюм, на лекции которого всегда сбегалось много народа. С тех пор наши отношения — сначала преподавателя и студента, потом коллег по работе на кафедре — не прерываются. Мне очень приятно, что сегодня я, продолжая чувствовать себя учеником, могу написать предисловие к этой книге А.В.Блюма и способствовать ее выходу в свет. Уверен: она того заслуживает.

Дмитрий Эльяшевич

ОТ АВТОРА

Замысел этой книги возник во время весьма продолжительных занятий в различных архивах Петербурга и Москвы, когда автор этих строк собирал документы для книги по истории советской цензуры¹. Изучая массивы документов, подавляющее большинство которых хранилось до совсем недавнего времени под грифом «Совершенно секретно» (а некоторые из них, как это не покажется странным, засекречены до сих пор), я невольно стал замечать, что «еврейские мотивы» встречаются в материалах различных цензурных инстанций удивительно часто, занимая второе «почетное» место после, естественно, русских сюжетов, если говорить об их национальной окраске. Впрочем, это легко понять, учитывая, что «вечная проблема» всегда находилась в центре внимания — как общества, так и государства. Если в первом царили разноречивые чувства — от ненависти до сочувствия и сострадания, то второе на протяжении всей многовековой истории России выступало более или менее последовательно, подвергая еврейскую культуру, в том числе литературу и печать, всевозможным стеснениям и преследованиям.

Ценность обнаруженных источников несомненна: именно цензурные органы (Главлит и его местные инстанции), если говорить о советском времени, руководствуясь часто устными распоряжениями руководящих партийных идеологов, наиболее четко и последовательно проводили «линию партии», до поры скрытую от посторонних глаз. Они и позволяют сейчас более или менее полно реконструировать все извины и оттенки отношения к еврейской печати, литературе и еврейской теме вообще со стороны властей за 75-летнюю историю тоталитарного режима в СССР. И в то же время — сквозь призму цензурных

акций — отчетливо видно, когда именно возник государственный антисемитизм в стране и как он нарастал и набирал силу.

Автора в этой книге интересуют репрессивные санкции цензуры (и власти, разумеется), адресованные, во-первых, еврейским изданиям на национальных языках (иврит и идиш), независимо от их содержания, во-вторых, писателям, поэтам и ученым «неудобной» национальности, и, наконец, в третьих, еврейской теме в русской литературе и печати.

Литературные источники весьма немногочисленны, хотя нельзя сказать, что интересующая нас тема вообще не привлекала внимания ученых и публицистов. Однако они неизбежно наталкивались на стены секретности, возводимые вокруг нее. За редчайшими исключениями, ни один цензурный документ до сих пор не увидел света. Как справедливо пишет автор одной из немногих работ по истории русско-еврейской печати, «чрезвычайно важным и самостоятельным аспектом темы ... являются взаимоотношения этой печати и советской цензуры. К сожалению, скучность имеющихся по данному вопросу сведений, вызванная многолетней засекреченностью всех источников его освещавших, не позволяет еще сегодня говорить о нем с необходимой степенью подробности»².

Автор надеется, что его книга в какой-то степени прояснит этот вопрос. Изучен он явно неравномерно. Появление в последнее время ряда мемуаров и исследований, посвященных трагическим «роковым-сороковым», особенно документального исследования Г. В. Костырченко «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие» (М., 1994), позволяет судить об этих годах с большой полнотой. Но, замечу, собственно цензурные документы, как правило, оставались вне поля зрения авторов. Другие периоды в этом аспекте практически не освещены в литературе. Значительную помошь в осуществлении моего замысла оказал выход капитальной библиографии «Литература о

евреях на русском языке. 1890–1947», составленной В.Е.Кельнером и Д.А.Эльяшевичем (СПб., «Академический проект», 1995) и предваряемой обстоятельными вступительными статьями составителей. В частности, в статье Д.А.Эльяшевича дан сжатый очерк истории русско-еврейской печати в России, в котором обрисовано и цензурное положение этой печати в дореволюционное и в советское время (последнему посвящены всего 1–2 страницы — опять-таки в силу тех причин, на которые, как указывалось выше, сетует этот автор).

Хотя наша работа ограничена советским временем, необходимо сказать несколько слов о дореволюционной эпохе. Не следует впадать в некий «монархический романтизм» и создавать «обратную утопию», как это характерно для многих работ последнего времени. Еврейская тема и литература всегда вызывали настороженно-подозрительный интерес со стороны властей. Впервые цензура еврейских книг введена была в 1797 г., но в течение полувека касалась почти исключительно религиозных изданий³.

Ситуация изменилась в 60-е годы, когда необычайно интенсивно стало развиваться еврейское книжное дело. В конце прошлого — начале нашего века преследованиям и последующим закрытиям, конфискациям подверглись многие книги и периодические издания, причем не только русско-еврейские, но и напечатанные на иврите и идише. В первых власти первоначально видели нечто «положительное», поскольку они способствовали внедрению русского языка в еврейскую среду, что, в свою очередь, должно было привести к ее постепенной ассимиляции. Но очень часто такие журналы, как «Рассвет», «Сион», «Вестник русских евреев», «Восход» и другие, не «оправдав ожиданий», подверглись жестоким репрессиям. Основная причина — «выход» за рамки программы и критика государственного антисемитизма. Однако тот факт, что за предреволюционные полвека в России выходило свыше 40 изданий такого рода говорит все же сам за себя. После 1906 г. по судебным приговорам уничтожались

тиражи многих изданий, содержащих документы по «погромным делам» начала века. Жесточайшим преследованиям подвергались, разумеется, издания Бунда, «состав преступления» которых был отягощен национальной окраской. Во время Первой мировой войны, когда еврейское население западных областей было поголовно обвинено в «шпионаже», временно было запрещено издание литературы на иврите и идише, закрыты многие русско-еврейские журналы и газеты.

Вместе с тем, если не считать этого эпизода, отношение к еврейской литературе и печати, также как к ивриту, в конце XIX – начале XX вв. было, в общем-то, более или менее нейтральным, если, конечно, авторы не затрагивали политику государственного антисемитизма⁴.

* * *

Автор вполне отдает себе отчет в том, что его небольшая книга отнюдь не исчерпывает темы. Дальнейшее обследование архивов (особенно местных), несомненно, приведет к открытию новых фактов цензурных преследований, но вряд ли принципиально изменит общую картину тайно инспирированной репрессивной политики и практики.

Для изучения поставленных выше вопросов привлечены документы следующих архивов:

1. ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурга. Он сохранил в довольно полном виде фонд Леноблгорлита, который в наибольшей степени используется в нашей работе. Дело в том, что архив Главлита СССР с момента его основания в 1922 г. и до 1938 г. не сохранился, в то время как в петербургском архиве хранятся многочисленные циркуляры и распоряжения Главлита за эти годы.

2. ЦГА ИПД – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (бывший Ленинградский партийный архив), в котором

храняются секретные донесения Главлита и Ленгорлита, регулярно доставлявшиеся в Особый сектор Ленинградского обкома ВКП(б) в 30-е годы.

3. РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив в Москве). Особый интерес представляют в нем, с одной стороны, донесения Главлита в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (затем КПСС), а с другой — непосредственно документы этого управления, по которым выносились окончательные решения в цензурной сфере.

4. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (фонд Главлита СССР с 1938 по 1991 гг.).

* * *

Считаю своим приятным долгом поблагодарить моих друзей и коллег, которые своими советами и уточнениями не раз помогали мне во время работы над книгой, в первую очередь — Татьяну Валентиновну Ланину, Виктора Ефимовича Кельнера, Дмитрия Аркадьевича Эльяшевича.

Автор

ОТ «ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ» К «ВЕЛИКОМУ ПЕРЕЛОМУ» 1917—1929

События 1917 года первоначально весьма благотворно повлияли на цензурно-правовое положение еврейской печати, как и печатного слова вообще. 27 апреля 1917 г. Временным правительством был принят закон о печати, составленный в духе самых либеральных западноевропейских; предварительная цензура была, наконец, отменена вообще, последующая (карательная, судебная) практически не действовала. Благотворно сказалась и отмена всех законов, дискриминировавших национальные меньшинства в России. Освобожденные от прежних стеснений, многие еврейские издательства развернули интенсивную деятельность, печатая книги на русском языке, идише и иврите.

Октябрьский переворот также на первый порах мало затронул завоеванные свободы, при условии, конечно, лояльного отношения органов печати к советской власти. 1917—1919 годы можно считать самыми благоприятными для еврейского книжного дела, несмотря на выход 10 ноября 1917 г. устрашающего ленинского «Декрета о печати», учреждение в конце года «Революционного трибунала печати» и другие мероприятия репрессивного характера. Новая власть была занята откровенно террористической практикой в отношении так называемой «kadetskoy», «контрреволюционной» печати. Начавшаяся гражданская война отвлекла от создания института предварительной цензуры, которая в полном объеме была введена лишь спустя 5 лет, в 1922 г., когда был учрежден Главлит СССР¹.

В этих условиях беспрепятственно выходили десятки сионистских книг (впоследствии, в 60—70-е годы, все они

были конфискованы), журналы, газеты, альманахи. За два года (1917-1918) издано 133 русско-еврейских по-временных издания. Однако уже тогда «немногочисленные большевистские публицисты, проявлявшие активность в еврейской сфере... вели жестокую борьбу с сионистскими, а также прочими газетами, круг читателей которых был весьма широк»².

Своеобразие той недолгой эпохи проявилось в том, в частности, что этим публицистам еще нужен был противник, с которым следует бороться. Об этом свидетельствует первый известный нам цензурный эпизод советского времени, относящийся к январю 1918 г. Приговором Ревтрибунала печати была закрыта петроградская газета на идише «Тогблат», «типография и все имущество Товарищества «Тогблат» конфискованы в собственность государства Советской Республики», а издатель газеты Д. Коган и редактор И. Гринбаум привлечены к суду. Поводом для столь жестоких репрессий послужила всего навсего публикация в газете объявлений (на русском языке), что строжайшим образом было запрещено специальным постановлением Совнаркома: они были объявлены монополией государства.

Примечательно, однако, что этот приговор был опротестован ни кем иным, как самим комиссаром по еврейским национальным делам С. М. Димаштейном³, впоследствии, на посту председателя Центрального бюро еврейских коммунистических секций (евсекций), ставшим одним из главных гонителей сионистской и ивритской литературы. Обращаясь к народному комиссару юстиции, изложив суть дела, он неожиданно добавляет: «В виду того, что реквизиция единственной оборудованной еврейской типографии фактически лишает возможности всех наших противников пользоваться печатным словом, Еврейский комитет особенно заинтересовался судьбою этой типографии. Он считает приговор трибунала слишком суровым, поскольку «объявления в газете появлялись не в замаскированном виде, а вполне открытом, и просит отменить его. 31 января 1918 г., вняв, видимо, этой просьбе,

Ревтрибунал печати отменил пункты постановления о реквизиции типографии и аресте «виновных», но оставил, тем не менее, пункт, касающийся закрытия газеты⁴.

Однако тот же С.Диманштейн через год, когда была издана в Петрограде брошюра М.Горького «О евреях», гневно обличающая антисемитизм, потребовал у Ленина немедленного ее запрещения и изъятия, поскольку писатель поет в ней «неимоверные дифирамбы еврейскому народу, расхваливая его вовсю...»⁵. Но истинной причиной недовольства руководителя евсекции являлось высказанное в этой статье осуждение противников сионизма. Казалось бы, эти доводы должны были найти поддержку у Ленина, который, как видно из его беседы с Горьким в 1919 г., к сионизму относился крайне отрицательно, поскольку «все национальные движения реакционны», «наци — выдумка буржуазии», «сионисты же мечтают, как бы прибавить еще одно государство к уже существующим...»⁶. Все же Ленин не рискнул запретить брошюру — в это время он вел игры с Горьким, пытаясь отвлечь его от «несвоевременных мыслей», — но сам этот факт крайне выразителен. Добавлю, что эта работа Горького (как и многие другие его сочинения по еврейскому вопросу) после 1919 г. не переиздавалась и никогда не включалась в собрания сочинений.

Горький, как известно, был убежденным филосемитом, гневным обличителем российского антисемитизма, что не раз, как будет показано далее, приводило его к столкновениям с коммунистической цензурой. Хорошо известна история публикации его очерка «Владимир Ленин», написанного сразу же после смерти вождя и опубликованного полностью в неурезанном виде лишь в редакции журнала «Русский современник» в 1924 г. В дальнейшем он переделывался неоднократно, сообразно последним идеологическим веяниям и установкам. В частности, из всех последующих изданий исключался известный пассаж, где Ленин говорит Горькому: «Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью европейской крови».

Руководство евсекций решительно противопоставляло «сионистским изданиям» литературу на языке «еврейского пролетариата – идише. Центральное бюро евсекций при ЦК ВКП(б) с 1918 г. начало выпускать газету «Дер Эмес», первоначально выходившую крайне нерегулярно, с перерывами; тираж ее был крайне незначителен, несмотря на ряд принятых мер. Только к 1927 г. руководители евсекции решили закрыть небольшие газеты в «шолом-алейхемовских местечках» и «направить все силы на сохранение «Дер Эмес». Лишь к 1927 г. наблюдается «здоровый рост тиражей»⁷. На первом совещании еврейских коммунистических секций было принято решение «приобщить евреев через язык идиш к большевизму. Но не увлекаясь»⁸. Однако на практике последняя рекомендация позднее была полностью отринута.

Именно коммунистические евсекции, наравне с официальной цензурой, а часто и опережая ее, стали главными гонителями неофициальной еврейской печати. Согласно отчету Центрального Бюро за 1923 г., «еврейской буржуазии удалось создать себе важные опорные пункты и укрепить свои политические и идеологические позиции. В настоящее время совершенно легально выходит в Петрограде «Еврейский вестник», каждый номер которого есть по существу открытая проповедь сионизма, шовинизма и национальной солидарности и отрицание классовой борьбы и советской власти. Там же зародилось сионистское издательство «Кадима», уже приступившее к изданию сионистских книг и распространению старых»⁹.

В 1917 – 1923 гг. интенсивную деятельность развернули русскоязычные издательства, особенно петроградское «Кадима», основанное еще в 1906 г. Оно прославилось выпуском крупнейших работ по сионизму на русском языке – трудов М.Нордау, Теодора Герцля, Д.Пасманика, А.Идельсона и других. Вышли двухтомные «Избранные статьи» лидера «духовного сионизма» Ахад-Гаама (на иврите «один из народа»: псевдоним Ашера Гирша Гинцберга. 1856 – 1927). Выходили серии

«Дешевая еврейская библиотека», «Палестинская библиотека». В 1918 г. был издан сборник выступлений лидера поалей-сионизма Б.Борохова «Антисионистская концентрация».

Практически все издания «Кадимы» этих лет будут запрещены в пору репрессивных акций цензуры и окажутся в лучшем случае запрятанными в спецхраны библиотек, в худшем — уничтожены. В конце 1918 г. крупнейшему историку С.М.Дубнову удалось выпустить первый после революции том журнала «Еврейская старина», вышли тома его монументальной «Истории еврейского народа».

Хотя и в меньшей степени, насыщенной все же была деятельность московских издательств, особенно «Сафрута», выпускавшего почти исключительно сионистскую литературу. В 1918 гг. появились два сборника «Сафрута» — «Еврейская антология», включившая переведенные с иврита и идиша лучшие произведения поэтов, составленная В. Ходасевичем и Л.Яффе. Авторами переводов были Вяч.Иванов, Ф.Сологуб В.Брюсов, Ю.Балтрушайтис и другие крупные поэты. В нее вошли стихи Х.Н.Бялика, И.Л.Перецца, Д.Фридмана и других. Интенсивно работали также издательства на Украине (Одесса, Киев) и в Белоруссии (Минск).

В 20-е годы была выпущена масса изданий антиудаистской, антирелигиозной литературы, что вполне соответствовало духу разнужданной атеистической кампании, развернутой в эти годы; еврейская религия не составляла исключения.

Одновременно издавались десятки книг и брошюр, направленных на «разоблачение антисемитизма» — по нашим подсчетам, до 1930 г. их вышло не менее сорока. Как известно, сразу же после октябрьского переворота в течение всех 20-х годов провозглашалась политика приснопамятного «интернационализма» и «равенства всех народов». 27 июля 1918 г. вышел декрет Совнаркома «о пресечении в корне антисемитского движения», но

декретом устраниТЬ его было невозможНО. В связи с усилением бытового (так называемого «народного») антисемитизма во второй половине 20-х годов, особенно к закату НЭПа, на официальном уровне была развернута широкая кампания по борьбе с ним, выходили постановления ЦК партии и комсомола, книги, брошюры, появилась масса статей в журналах и газетах, разоблачающих это «позорное явление», которое, конечно, объявлялось «пережитком проклятого прошлого», «не имеющего корней в нашей советской действительности», но добилась в этом направлении мало успеха: к концу НЭПа бытовые его проявления приобрели массовый характер. Ужасающую картину рисуют недавно опубликованные донесения Информационного отдела ОГПУ¹⁰. В 1930 г. издание такой литературы оборвалось; более того, как покажет будущее, большинство таких книг будет изъято и запрятано в спецхраны.

В 20-е годы издано довольно много исследований по истории евреев в России, работал ряд научных центров, также впоследствии ликвидированных¹¹. В связи с введением НЭПа позволено было заниматься частной и кооперативной издательской деятельностью. Немало полезного по истории и культуре евреев выпустили частные и кооперативные издательства — братьев Сабашниковых, «Атеней», «Пучина» «Радуга» и др. Писатели и ученые могли тогда издать свои книги за собственный счет; например так поступил Ю.И.Гессен, выпустивший двухтомник «История еврейского народа в России» (Л., изд. авт., 1925—1927). Традиции богатой русско-еврейской книжной культуры, зародившейся в XIX в., на первых порах получили продолжение и развитие¹².

* * *

Примечательно, что именно в начале НЭПа, в связи с появлением частно-кооперативного книжного дела, 6 июня 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), установлено стро-

жайшая предварительная цензура, призванная, согласно первому постановлению о Главлите, «ликвидировать литературу, направленную против советского строя»¹³. Ослабив несколько «вожжи» в экономике, партия полностью сохраняла «командные высоты» в идеологии. На протяжении 70 лет, вплоть до ликвидации Главлита в 1991 г., ни одно произведение печати, вплоть до пригласительного билета, почтовой марки и наклейки на спичечном коробке, не могло выйти в свет без разрешения и одобрения Главлита и его местных инстанций.

Еврейская тема на первых порах не очень часто привлекала внимание Главлита, если не считать решительного запрещения всей ивритской литературы. Но и русскоязычные издания, а иногда и идишистские, порой вызывали его недовольство. Приведем лишь несколько эпизодов.

Так, уже в 1923 г. было закрыто московское издательство «Еврейский студент», о чём свидетельствует секретная переписка ГПУ.

«18 мая 1923 г. Секретно. В Петроградский Обллит.

Ставим вас в известность, что в Москве с 1921 г. существовало издательство «Еврейский студент», руководимое единолично Левиным Борисом Евсеевичем. В настоящее время это издательство закрыто. По имеющимся в ГПУ сведениям, издательство явно сионистского характера, а посему, в случае возбуждения ходатайства бывшим учредителем издательства Левиным, находящимся в настоящее время в Петрограде, при разрешении ему издательской деятельности, это обстоятельство нужно иметь в виду. Начальник отдела политконтроля ГПУ (Новик)»¹⁴.

Цензура рука об руку работала с органами тайной политической полиции, которая по своим агентурным сведениям предупреждала цензурные органы о готовящихся «нежелательных» акциях в издательском деле. Понятно, что после такого предупреждения издательство не возобновило свою работу в Петрограде.

В 1926 г. Главлит запретил издание серии «Библиотека еврейского рабочего», предупредив об этом ленинградское отделение: «В ответ на ваше отношение от 29 октября 1926 г. Главлит сообщает, что по согласованию с директивными органами (читай идеологическими структурами партии и органами все того же ГПУ. — А.Б.) издание «Библиотеки еврейского рабочего» отклонено. Зав. Главлитом РСФСР Лебедев-Полянский»¹⁵.

В том же годы подвергся репрессиям сборник «Еврейская летопись», четыре выпуска которого вышли в свет с 1923 по 1926 гг. под редакцией известного журналиста и руководителя издательства «Радуга» Льва Клячко. В нем публиковались ценнейшие исторические материалы, в частности, главы из «Истории еврейского народа» Ю.И.Гессена, статьи, посвященные истории еврейских погромов в России до революции и в годы гражданской войны, религиозному движению и т.л. На обложке 4-го, оказавшегося последним выпуска «Еврейской летописи», был напечатан проспект 5-го, но издан он не был. Историограф, говоря о причинах его запрещения, высказывает предположение: «Этот интерес к «клерикальному», возможно, и привел к ликвидации «Еврейской летописи» после 1926 г., поскольку объявленный пятый выпуск так и не увидел свет»¹⁶. Это предположение сейчас получило документальное подтверждение благодаря обнаруженному в партийном архиве секретному донесению ГП, адресованному будущему члену Политбюро, а тогда секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) Н.М. Швернику:

«Частным издательством «Радуга» выпущен 4-й сборник «Еврейской летописи». По своему содержанию это ни что иное, как апологетика «еврейства» сионистского направления. В свое время (в 1923 г.) выход «Еврейской летописи» был прекращен, что делает совершенно непонятным появление данного издания вновь с сохранением своего прежнего внутреннего облика, притом с санкции Гублита. За 4-м сборником предполагается выпуск 5-го.

В виду этого Политконтроль ОГПУ в Ленинграде считает необходимым возбудить вопрос о полном прекращении выпуска в свет указанного издания. Начальник Политконтроля (Новик)»¹⁷.

Таким образом, «Еврейская летопись» буквально с первого выпуска привлекла внимание «славных органов». Получив столь грозное указание (второе, судя по всему, — первое по неизвестным причинам не было принято во внимание), ленинградская цензура поспешила исправить «свои ошибки» и запретила выпуск 5-го выпуска этого интереснейшего издания. Слово «сионизм», «обвинение» в котором, надо сказать, было явно надуманным, становится, как мы видим, политическим жупелом уже в 20-е годы и занимает в лексике цензурных и иных охранительных документов ведущее место. Показательно, что выпуски «Еврейской летописи», хотя и не попали в спецхран, все же находились под подозрением даже в начале объявленной спустя 60 лет «перестройки». Так, в экземплярах Российской национальной библиотеки на них имеется такая резолюция: «Копированию не подлежит. 18. II. 1986 г.» (подпись неразборчива), означавшая запрет на ксерокопирование.

* * *

К интересующей нас теме приложил руку и Главрепертком (Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром при Главлите РСФСР), созданный 9 февраля 1923 г. особым постановлением Совнаркома. «Зрелищные искусства», в силу большого эмоционального воздействия на зрителя, нуждались в особой опеке. Одной из первых жертв Главреперткома стала опера выдающегося еврейского композитора Михаила Арнольдовича Мильнера (1886—1953) «Ди химельн бренен» («Небеса пылают), либретто которого написано им на идише совместно с М. Риверсманом по рассказу С. Анского «Дибук». Сам композитор получил прекрасное образование

в Петербургской консерватории, где занимался у А. К. Лядова, наряду с М. Ф. Гнесиным прославился как один из выдающихся мастеров еврейской музыки и знатоков еврейского музыкального фольклора. В 20-е годы он писал музыку к спектаклям «Габимы», был долгие годы музыкальным руководителем ГОСЕТА.

Опера Мильнера вызвала настоящий переполох в цензурных ведомствах - не спас и «язык еврейской революционной улицы». Судя по контексту публикуемых далее документов, она прошла предварительный контроль в Евсекции и, видимо, не вызвала особых претензий секретаря Центрального бюро Евсекций Абрама Мережина (1880 – 1937, репрессирован, погиб в лагере). Он, скорее всего, выступил в поддержку оперы (к сожалению, самого отзыва обнаружить не удалось): в отзыве цензоров чувствуется скрытая полемика с ним.

В апреле 1923 г. начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский посыпает в Петроградский Гублит следующее распоряжение:

«Прилагая при сем заключение политредактора Репертуарного комитета по поводу отношения Евсекции (т. Мережина) относительно либретто оперы Мильнера «Небеса пылают», Главлит находит либретто насаждать клерикальным, вредным, которое вряд ли смягчит музыка.

В виду того, что переделка либретто сопряжена с переделкой музыки, что возможно в более длительный срок, Главлит, не отменяя постановления Главного репертуарного комитета относительно допущения 2-х постановок, все же предлагает больше указанного количества постановок не разрешать до переделки либретто.

Относительно Ваших замечаний о самой постановке просим прислать [их] в Репертуарный комитет».

Само же «Заключение политредактора Главного репертуарного комитета по поводу отношения т. Мережина (Евсекция ЦК РКП)» содержало следующие претензии:

«Независимо от направления, которое получило дело с либретто Мильнера, считаю нужным сделать замечания по поводу замечания (так! – А. Б.) т. Мережина.

1) Не с мыслью композитора нужно считаться больше всего, а с фактами и образами, которые он выявляет в данном случае в своем либретто, которое было предъявлено нам на просмотр.

2) Лилит отрывает Иойне от талмуда (это хорошо). Он, как пишет т. Мережин, стремится к земной красоте (прекрасно). Этот образ отражается в его бодрящем пении (откуда из либретто взял т. Мережин пение? Но и это хорошо). Дальше? Ушедши от своей соблазнительницы, последняя предательски его убивает... Разве это не образ самого настоящего злого духа (черта), созданный воображением клерикалов, главные функции которого состоят в том, чтобы соблазнять людей, и что следующие за ним терпят гибель?.. И разве эта мысль не проводится в finale в последних заключительных словах «Ребе» (в самом конце)? Ребе, увидев мертвого Иойне, чувствуя, что «черт его давно путает», говорит (или поет): «Чего я страшился, настигло меня...», затем идут молитвы: «Великий бог, всемогущий бог...» и т.д. «Да возвеличится и освятится имя великого...», и т.д. В знак траура порывает одежду и садится на землю по обряду еврейскому, именуемому «Шива» (или «Шив'а» - погребальный обряд — А.Б.).

3) Каждый здравомыслящий человек поймет, что единственную мораль, которую, на основании образов, выявленных в либретто, можно сделать, — это следующая: «Не давать соблазнять себя злому духу» (Лилит), учи Талмуд и жди «Мешиэха». Иначе ты не для жизни. Тебя ждет участь Иойне. Разве это не клерикальный взгляд на вещи?»

Петроградская цензура полностью согласилась с доводами «московского специалиста» и пошла еще дальше, запретив печатание либретто. 16 мая 1923 г. в Главлит был послан «Отзыв о либретто «Небеса пылают»:

«Трудно судить о музыке этой оперы, но судя по тому, что в пьесе на каждом шагу религиозные гимны, псалмы и т.д., можно думать, что значительная часть мотивов относится к религиозной музыке.

Либретто еще больше подчеркивает ее мистический, религиозный, клерикальный характер. Главные действующие лица «святой» цадик Ребе, его любимый ученик Иойне; ученики и почитатели цадика, которые поют религиозные гимны и рассуждают о спасении Израиля. Святой цадик собирается спасти Израиль, но злые духи Асмодей и Лилит мешают ему в этом. Лилит удается отвлечь Иойне от изучения Талмуда, он гибнет, а с ним и дело освобождения Израиля.

Трудно сказать, какова основная мысль этого произведения. Сам собой напрашивается вывод, что Иойне погиб потому, что пошел на призыв Лилит и бросил изучение «желтых томов». Не хочет ли автор сказать, что в отпадении европейской молодежи от «заветов отцов», изучения Талмуда и священных преданий кроется гибель евреев? Эта вещь настолько проникнута религиозным фанатизмом и клерикальным духом, что разрешить ее к печатанию совершенно невозможно.

Зам. зав. Литературным подотделом» (подпись неразборчива). На полях резолюция: «Запретить печатание либретто. Постановку разрешить только 2 раза на основании постановления Главлита»).

«Соглашаясь с вами в оценке оперы Мильнера «Небеса пылают», — отвечала Москва, — просим вас сообщить свое заключение относительно постановки, если таковая состоялась, и о дальнейшей судьбе этой оперы». На это в начале июня был послан такой ответ: «Петрообллит сообщает, что постановка оперы «Небеса пылают» состоялась 2 раза, в 3-й была запрещена. Никто из представителей Петрообллага на пьесе не присутствовал, за незнанием европейского языка. Сейчас опера запрещена, как к изданию, так и к постановке»¹⁸.

Мотивы запрещения как мы видим, сводились к «проповеди» в опере клерикализма и мистицизма, что, независимо от конфессии, всегда вызывали адекватную реакцию цензурных органов. Но, вместе с тем, чувствуются и специфические мотивы — особенно в отзыве ленин-

градской цензуры - вызванные ситуацией того времени, борьбой за отторжение еврейской молодежи от иудаизма, ее ассимиляцию.

Опера М.А.Мильнера «Небеса пылают», в результате этих решений, была поставлена всего два раза (16 и 23 мая 1923 г. в помещении Большого Драматического Театра, декорации и костюмы В.Щуко и А.Бенуа); затем снята с репертуара как «реакционная».

* * *

Особую бдительность тогда же начал проявлять Иностранный отдел Главлитта, ведавший допуском зарубежных изданий в СССР. В тоталитарных государствах книги, журналы, газеты и иные печатные издания приходят к читателю не по мере их появления в свет — тем более за рубежом — а по мере их разрешения властями. Интервал между первым и вторым актами единого культурного процесса может быть различным — в прямой зависимости от смягчения или, напротив, ужесточения режима.

Это полностью относится к судьбе русско-еврейских изданий, в изобилии выходивших в 20-е годы, в основном в Берлине, а затем Париже — главных очагах русской эмиграции. Хорошо известно, что сотни и тысячи евреев, среди которых немало было издателей, писателей, журналистов и общественных деятелей, теснейшим образом связанных с российской культурой, разделили судьбу эмигрантов первой волны и внесли немалый вклад в зарубежную (а в сущности единую) российскую культуру¹⁹. Многие издатели продолжили за границей давнюю традицию — издание на русском языке книг и периодических изданий национальной тематики. Однако односторонним и более или менее цельным в этом смысле было в это время лишь издательство С.Д.Зальцмана, перенесшего из Одессы в Берлин свое книжное дело и ориентировавшегося почти исключительно на эту тематику и национальных авторов: он опубликовал в эмиграции

избранные произведения Х.Н.Бялика, работы В.Жаботинского, переиздал «Еврейскую антологию «Сборник молодой еврейской поэзии», выпустил ряд произведений Шолом-Алейхема, И.Л.Переца и других писателей. Другие же зарубежные издательства, основателями которых выступили представители еврейской интеллигенции (З.И. Гржебин, А.Вишняк, И.В.Гессен, А.Каган, Я.Блох и другие) уделяли внимание еврейской тематике наряду с другой, хотя первая порой и занимала в продукции издательств «Слово», «Геликон», «Петрополис», «Границы» довольно заметное место²⁰. В Париже русско-еврейское книжное дело нашло поддержку в издательствах «Дом книги», «Я. Поволоцкого» и некоторых других.

Не менее активно участвовали представители еврейской интеллигенции в основании и редактировании ряда эмигрантских журналов и газет на русском языке, в частности, знаменитых «Современных записок», выходивших в Париже с 1921 по 1940 гг.

В 20-е годы, в связи с введением НЭПа, сложилась довольно своеобразная ситуация кажущегося сближения двух культур. В книге «Идеология национал-большевизма» М.Агурский справедливо пишет, что в 20-е годы (я бы сказал, что только в первой их половине) «...эмиграция не была отделена от Советской России железным занавесом; между ними существовала широкая двусторонняя связь. То, что печаталось в эмигрантских изданиях, становилось достоянием советской прессы, хотя бы и в форме критики»²¹.

Да, это так, хотя и не стоит преувеличивать степень «вегетарианства» (по словам А.А.Ахматовой) той эпохи. За кулисами кажущегося благоденствия шла далеко и хорошо рассчитанная игра, направленная на раскол эмиграции. Потаенные документы Главлита свидетельствуют, что с первых же его шагов стала создаваться жесткая, а затем вообще непроницаемая система заграждений на пути проникновения зарубежных изданий, на русском языке в особенности. Для Иностранных отдела Главлитта

(Иноотдела) была разработана особая инструкция, предписывающая не допускать к ввозу в СССР «...все произведения, носящие определенно враждебный характер к советской власти и коммунизму», «проводящие чуждую и враждебную пролетариату идеологию», литературу, враждебную марксизму, книги идеалистического направления» и даже «детскую литературу с восхвалением старых бытовых условий»...²². Замечу все же, что акцент на национальной тематике в этих инструкциях не ставился (это будет еще впереди - в конце 40-х годов), да и сама цензурная практика Главлита, если не считать преследований «сионистской литературы», была более или менее единой и одинаково жесткой в отношении ко всем эмигрантским изданиям (исключение - заигрывание власти на первых порах с некоторыми сменовеховскими и евразийскими журналами и газетами).

И все же советская цензура не обошла своим вниманием «вечный вопрос», о чем свидетельствует, в частности, уникальный документ — «Секретный бюллетень Главлита» за март-апрель 1923 г., напечатанный на машинке и предназначенный высшим чинам партийной иерархии: **«Совершенно секретно.** Настоящий бюллетень разослан следующим товарищам: 1. Тов. Ленину. 2. Тов. Троцому. 3. Тов. Сталину» и другим — всего 12 лицам²³.

В разделах бюллетеня - «Положение книгоиздательского дела в Германии», «Характеристика зарубежных издательств», «Отзывы о зарубежных газетах и журналах», «Сведения о важнейших русских литераторах, эмигрировавших за границу» - имена еврейских издателей, журналистов и писателей встречаются постоянно.

Так, в частности, донося партийному руководству о книжном деле в Германии, цензоры сообщают:

«...Из издательств, имеющих определенную политическую физиономию и поддерживающих те или иные органы и группировки, следует отметить: издательство Зальцмана, реакционное сионистское издательство, имеющее солидный сионистский журнал «Сафрут»; издательство

«Мысль» (С. Кучеров, Гольденберг) по характеру тесно связано с «Голосом России» и теперь с газетой «Дни». Постоянным цензурным репрессиям подверглось крупное берлинское издательство «Слово», основанное И. В. Гессеном в Берлине, в репертуаре которого немало книг на еврейские темы. Оно вошло в специальную «Справку об издательствах, издания которых не пропускаются в РСФСР Главлитом», начинавшуюся так: «Главлитом в области регулирования книжного рынка, помимо индивидуального рассмотрения книг, ведется работа по исследованию характера каждого отдельного издательства и, в связи с выяснением политической физиономии издательства, определяется соответствующее к ним отношение». «Физиономия» «Слова» явно пришла не по душе цензуре: «Главлитом, — говорится далее, — не пропускаются целиком все издания издательства «Слово» в Берлине в силу того, что «Словом» руководит Иосиф Гессен, организовавший издательство на коммерческой основе с целью финансировать правокадетскую газету «Руль»... ²⁴.

Столь же негативную оценку получило берлинское издательство «Файгенфельд и К», о котором сказано: «Новое крупное издательство. Кроме коммерсанта Файгенфельда, в издательство входят: издатель антисоветского журнала д-р Бейленсон, некий Хаакия и О. Зелюк, который, по-видимому, будет играть руководящую роль в издательстве. Это — типичный нэпман с большими связями в Советской России. В Париже ему принадлежит издательство «Франко-русская печать».

В литературе достаточно полно освещена драматическая участь известного издательства З. И. Гржебина, уделявшего значительное внимание еврейской тематике. Уехав в Берлин, Гржебин в 1920 г. заключил контракт с Госиздатом РСФСР на поставку книг в Россию. Однако вскоре Госиздат в одностороннем порядке ликвидировал договор с ним, что нанесло Гржебину громадный материальный ущерб, ибо его продукция была ориентирована на читателя «метрополии» и часто издавалась по заказам

Госиздата. После этого цензура приняла решительные меры: специальным циркуляром Главлита 28 апреля 1923 г. предписывалось «принять срочные меры к недопущению в дальнейшем ввоза из-за границы в РСФСР книг издательства Гржебина и распространению их в РСФСР»²⁵.

Среди берлинских изданий неоднозначную оценку цензуры получил альманах «Одиссея. Кн. 1», выпущенный «Книгоиздательством писателей» в 1923 г.: «В сборниках участвуют писатели, более или менее благожелательно настроенные к сов — власти: Г.Алексеев, А.Толстой, В.Лидин, О.Савич, А.Дроздов и Г.Магнитский²⁶. Общий характер сборника очень выдержан: все рассказы повествуют о многострадальной и авантюристической одиссее русской белогвардейской интеллигенции. Рассказы корректны к совласти, аполитичны и циничны (!). Казалось бы, отношение к сборнику сформировалось более или менее снисходительное, и он мог быть пропущен в СССР, тем более, что среди авторов находились писатели (например А.Н.Толстой), «сменившие» к этому времени «вехи» и вернувшиеся из эмиграции. Но нет: «С одной стороны, как художественно отражающие разложение, гибель, духовный маразм белогвардейщины, они (то есть рассказы писателей.-А.Б.) были бы полезны и назидательны для русского читателя, но, с другой стороны, быть может, помимо воли авторов проникающие в их творчество беспринципность, уныние, болезненное отношение к национальным вопросам (в частности, к еврейскому), потеря всяческих нравственных устоев и полнейшая неспособность ориентироваться в современной общественности делают весь сборник явлением упадническим и разлагающим».

Еврейская тема действительно звучит почти во всех рассказах, вошедших в «Одиссею», главным образом в рассуждениях персонажей, которым, кстати, авторы вовсе не сочувствуют, о «жидах, сделавших революцию». Полностью посвящен еврейской теме рассказ О.Савича

«Золотой век» — о трагической судьбе старого еврея Симона Израилевича, оказавшегося в Берлине и потерявшего двух сыновей: один сражался на стороне Белой Армии, другой — ушел к большевикам и был потерян для него. В рассказе много рассуждений о трагической участи евреев в годы революции и Гражданской войны: «Потому что не настал золотой век, потому что жестоки сердца...» Сборник «Одиссея» не был пропущен в Россию: с одной стороны была отдана дань «интернационализму», а с другой — не стоило, с точки зрения властей, «педалировать» тему погромов и преследований по национальному признаку: первая примета получившей (см. далее) в 30-е годы практики полного замалчивания еврейского вопроса в печати.

В разделе «Русская печать во Франции» главлитовского бюллетеня фигурирует еженедельник «Еврейская трибуна», основанный известным публицистом и общественным деятелем, членом кадетской партии и депутатом Государственной Думы Максимом Моисеевичем Винавером (1862—1926), выходившем в Париже с 1920 по 1924 гг. О нем говорится: «Еженедельник, посвященный интересам русских евреев, издается и на французском языке (раньше выходил и на английском). Издается при ближайшем участии Винавера, редактор — Ю. Делевский, секретарь редакции — правый эсер Руднев. Одно из заданий журнала — обелить в глазах европейской публики евреев от обвинения в симпатии к большевизму. Политическая программа - левокадетская. Сотрудничают в журналах: Миркин-Гецевич (Мирский), Познер, а также случайные гастролеры - Милюков, французский эллинист Соломон Рейнак, особенно резко клевещущий на Россию в предисловии к книге Мирского»²⁷.

Примечательно, что «Еврейская трибуна» попала в поле зрения В.А.Дуцмана, составителя «Обзора иностранной и русской прессы», изданного в 1922 г. ограниченным тиражом Разведывательным управлением Штаба РККА. Во многом этот обзор перекликается с глав-

литовским бюллетенем — не исключено, что источник был общим — но кое-что и уточняет. По поводу «Еврейской трибуны» в нем указано: «Орган еврейской эмигрантской интеллигенции и по политическим взглядам примыкает к левым кадетам. В связи с расколом кадетской партии произошло также размежевание и среди сотрудников «Еврейской трибуны». От нее ушли такие сотрудники как Пасманик, Слиозберг, Родичев, Карабчевский, В.Д.Набоков, гр.Нессельроде и др. Новейший круг сотрудников ограничивается лишь приемлющими «новую тактику». В настоящее время ближайшими сотрудниками состоят: Бор.Мирский, М.Винавер, А.Вольский, П.Рысс, Дионео (Шкловский), С.Поляков и другие сотрудники «Последних новостей» и «Голоса России»²⁸.

Столь же негативным было отношение к другому изданию, основанному в Париже М.М.Винавером, - газете (затем журналу) «Звено», литературному приложению к милюковской газете «Последние новости». В ней увидели свет многие произведения крупнейших писателей русского зарубежья — И.А.Бунина, Д.С.Мережковского, З.Н.Гиппиус и многих других. Об этом издании и Винавере, хозяине популярного литературного салона «русского Парижа» с большой симпатией пишет Н.Н.Берберова в книге воспоминаний «Курсив мой». По словам Глеба Струве, газета «играла немаловажную роль в парижской литературной жизни... отражая текущие события, чего не могли делать «Современные записки»²⁹.

Среди авторов русских книг, которые были запрещены к ввозу в Россию, постоянно встречаются имена еврейских писателей. Из множества книг, задержанных на таможне, упомянем одну — известную работу М.О.Гершензона «Судьбы еврейского народа», увидевшую свет в 1922 г. в берлинском издательстве «Эпоха». «Книга, — спекулятивно и несправедливо гласит главлитовская резолюция, — написана в религиозно-мистическом духе и проводит идею единства нации без классов и избранности еврейского народа».

В разделе «Сведения о виднейших русских литераторах, эмигрировавших за границу» упомянут Б. С. Мирский, не раз привлекавший внимание цензуры своим активным участием в литературной и общественной жизни зарубежья: «Мирский Борис Сергеевич (Миркин-Гецевич) — приват-доцент по международному праву Петроградского университета. До революции сотрудник петроградских газет и журналов: «Вечерний час», «Новости», «Сатирикон» и др. Осенью 1918 г. сотрудничал в киевской газете «Наш путь». В 1919 г. редактировал в Одессе газету «Южное обозрение». В январе 1920 г. уехал в Париж. Работает ближайшим сотрудником «Последних новостей», «Еврейской трибуны», «Свободных мыслей». Издал ряд литературных работ. Закончил книгу «Критика религиозной и социалистической эсхатологии (первохристианство и большевизм»). Работал над докладом для Общества Лиги наций. Кончил книгу «Россия и евреи». К Соввласти явно враждебен. Принадлежит к активнейшей части правых кадетов. Группа П. Н. Милюкова».

Судя по этой характеристике, цензура (явно не без помощи ГПУ) располагала секретными сведениями, полученными, скорее всего, из агентурных разработок: указываются, в частности, еще не вышедшие книги и доклады, над которыми работал Мирский в момент составления бюллетеней Главлита в 1923 г.

* * *

Помимо русскоязычных изданий запрету подвергся ряд книг на идише, иврите и других языках, посвященных еврейскому вопросу и напечатанных за границей. В частности, не разрешены были к ввозу «Зихронот» (Воспоминания) одного из крупнейших писателей и общественных деятелей Семена Акимовича Анского (псевдоним Шломе Зейнила Рапопорта, 1862—1920), изданные в 1922 г. в Варшаве (позже вошли в 10—11 тома его

собрания сочинений — Варшава-Нью-Йорк, 1925). Они получили такую характеристику Главлита: «Воспоминания автора об эмиграции, жизни русских революционеров до и после революции 1905 и 1917 годов. Автор объявляет себя противником большевизма и в соответствующем духе освещает события февральского переворота и Октябрьской революции».

Запрещен был также фундаментальный трехтомный труд историка Мартина Филипсона «Новейшая история евреев», изданный на немецком языке в Берлине в 1922 г., — под таким предлогом: «Книга представляет известный интерес только в отношении обилия фактов, характеризующих историю мученичества евреев в различных государствах. Автор принадлежит по своему мировоззрению к буржуазно-либеральному направлению, доказывает значительность религии, как объединяющего фактора для евреев».

И уж, конечно, криминалом в глазах цензоров иностранного отдела Главлита являлось не только содержание, но и язык книг сам по себе — все тот же гонимый иврит. Обе книги на этом языке, поступившие на контроль в 1923 г., были запрещены к провозу в СССР. Первая из них — труд Давида Неймарка «Тайлдойс гафилософис беисраэль» (История европейской философии), вышедший в издательстве Штибелля (Варшава, 1921, ранее, в 1907—1910 гг. на немецком языке вышел трехтомный труд под тем же названием), поскольку «...автор в довольно обширном труде доказывает, что только «учение Израиля» способно устоять против всяких кощунственных и богохульных учений и что задачей новой европейской философии является борьба против материализма».

Вторая — «Тайлдойс хаеихудим бэрэц Исраэль» («Летопись евреев в Палестине») Александра Зискинда Рабиновича (род. в 1854 г.), изданная в Яффе, где в то время жил автор, в 1921 г. В отзыве говорилось: «Давая краткий очерк истории евреев в Палестине, начиная с древнейших времен, автор находит, что 20-вековое упорство

свреев в их стремлении восстановить иудейское царство может теперь под покровительством Великобритании осуществится».

Нужно иметь в виду, что в разделе «Отзывы о новых зарубежных книгах» все издания были разнесены по трем «разрядам»: «разрешенные», «запрещенные к ввозу в РСФСР» и «разрешенные только для индивидуального пользования». До 1926 г. книги и периодические издания на еврейском языке и соответствующей тематики на русском еще проникали, хотя и с большим трудом, в Россию. Так, по статистическим данным Ленобллита за 1925 г. о поступивших номерах периодических изданий, за год было «просмотрено: древнееврейских — 24. Запрещено — 22. Допущено — 2; еврейских (на идише) — 79, запрещено 68, допущено — 11». Для сравнения укажем, что из русских 502 номеров журналов и газет запрещено 80³⁰.

Однако и этот жалкий ручеек вскоре, по мере приближения к «году великого перелома», пересыхает. Это относится ко всем без исключения зарубежным изданиям, особенно эмигрантским. В 1 квартале 1927 г. ленинградским отделением Главлита единственная привезенная из-за границы русская книга была запрещена. Это и понятно: человеку, рискнувшему на такой опрометчивый шаг, уже начали грозить большие неприятности.

Крайне затруднена была подписка на иностранные газеты и журналы. Многие номера их не приходили вовсе, а дошедшие были варварски изрезаны ножницами. Тогда еще находились люди, протестовавшие против цензурного произвола, о чем свидетельствует «Ругательное письмо» (оно так и озаглавлено!) жителя Ленинграда Л. Я. Израилевича, проживавшего на улице Чайковского, посланное им в иностранный отдел Главлита 3 октября 1929 г.³¹.

Написано оно в саркастически-юмористическом тоне, хотя такой юмор вряд ли в это время поощрялся, и начинается так: «Я собирался было жаловаться на неправильные, по моему мнению, действия Иностранныго от-

дела Главлит, но в последний момент решил, что я фактически имею право не жаловаться, а даже ругаться. Как вам известно, в настоящее время подписатьсь на какой-либо иностранный журнал почти так же легко, как простоить полчаса на голове. Тем обиднее, что начав получать после поистине геркулесовых трудов иностранные журналы, я вдруг встретился с грандиозными пропусками в доставке их...»

Сообщив далее о выписке им некоторых американских изданий, в частности журнала «Asia», он приводит ряд курьезных мест и фраз из недоставленных ему номеров журналов (каким-то чудом ему удалось все же узнать о их содержании), которые, по его мнению, послужили причиной запрета, заканчивая свое письмо так: «Я пробовал выяснить в Леноблгорлите эти смехотворные, на мой взгляд, причины запрещения журналов. Долго уговаривали меня «завтраками» — раз в две недели, после чего в конце концов заявили, что этого сделать нельзя, так как у них нет ... работников для производства необходимых «вырезок». Смешняки из Обллита предлагали вернуть мне ... деньги за недопущенные журналы. Как будто бы дело действительно в деньгах... Я считаю, что всякий получающий иностранную литературу ни на секунду не колеблется уплатить все производственные, накладные, резервные, амортизационные суммы, необходимые для содержания сотрудника,ющего ловко управляться ножницами. Надеюсь, что этот болезненный вопрос будет разрешен в благоприятном смысле для получающих иностранные журналы. С приветом Л.Израилевич».

Предположительно автором этого послания мог быть Лев Яковлевич Израилевич, автор 8 книг, изданных в Ленинграде с 1928 по 1932 гг., в основном научно-популярного характера («Как делаются кинотрюки», «Самодельные волшебные фонари», «Что Эдисон дал технике» и др.). После 1932 г. не вышло ни одной его книги, сведения о нем обрываются, и, возможно, в годы наступившего

Большого террора его самоубийственное, в сущности, послание в Главлит, всегда работавшего рука об руку с органами политической полиции, сыграло роковую роль в его судьбе.

Это красочное и уникальное в своем роде послание, выполненное чувства собственного достоинства осталось, разумеется, без ответа. Хотя в это время, хотя и с трудом, еще позволялась выписка иностранных журналов и газет, но многие номера их не приходили вовсе, а дошедшие были варварски изрезаны ножницами. Начиналась эпоха тотального террора; выписка всех иностранных изданий, независимо от языка и тематики, запрещена. Тем более — выписка изданий на еврейском языке или соответствующей тематики. Чудом просочившиеся издания неизменно попадали в спецхраны крупных библиотек, но и они подвергались нещадной «купюризации». Послание Л.Я.Израилевича кажется, последний случай протеста против цензурного произвола, воцарившегося более чем на полвека³².

* * *

Если литература на идише и русском языке запрещалась или разрешалась в зависимости от ее содержания и политической направленности, то совершенно иным сформировалось отношение к ивритской печати. Язык как таковой был через два года после октябрьского переворота объявлен был вне закона, хотя бы на нем писались и печатались произведения не только лояльные к советскому режиму, но порой и его прославляющие. В глазах власти иврит был «проводником клерикальных, сионистских идей», способным отвлечь «еврейские массы» от задач коммунистического строительства.

На первых порах коммунистический режим относился к этому языку все же более или менее безразлично, что позволило выпустить на нем до 1920 г. около 200 изданий. В конце 1919 г., в связи с в связи с гонениями на

сионизм и массовыми арестами его деятелей, обвиненных в «контрреволюционной деятельности», издание книг, журналов и газет на иврите было запрещено, так же как и преподавание иврита в школах. [Если не считать отдельных прорывов в 1-й половине 20-х годов, литература на иврите прекратила свое официальное существование.] В этих условиях группа ивритских писателей во главе с Бяликом вынуждена была эмигрировать. Репрессии продолжались все 20-е годы: многие сионисты были сосланы, заключены в лагеря; часть ушла в подполье³³. Совершенно механически между сионизмом и ивритом ставился знак равенства. В 1926 г. вынужден был покинуть страну единственный театр, использовавший иврит, — «Габима». Зловещую роль в судьбах иврита играли все те же коммунистические Евсекции, в руководстве которых преобладали ортодоксальные коммунисты, делавших ставку на идиш, ибо только он, по их мнению, отражал чаяния «еврейского пролетариата», в противоположность ивриту, который был объявлен языком раввинов и клерикалов, а также ревнителей идей сионизма. Они питали к древнему языку просто зоологическую ненависть, часто шагая «впереди прогресса». Руководители Центрального бюро Евсекции запрещали отдельные произведения даже в том случае, когда официальная цензура склонна была их разрешить; исключение — приведенная выше история с оперой Мильнера «Небеса пылают», но она все же ставилась на идише. Каждый раз книги и другие издания на иврите посыпались на «консультацию» в ЦБ евсекций, и мнение его становилось решающим. В этих условиях издание литературы на иврите практически прекратилось. Появился ранний еврейский «самиздат» — гектографированные журналы на иврите, затем переписывавшиеся сторонниками иврита: харьковский «Из бури», орган находившегося в подполье центрального комитета сионистов, «Заполнение пробела» (1925 г.) и ряд других³⁴.

Попытки напечатать ивритские сборники «гутенберговским способом» заканчивались полным провалом: цензура неизменно запрещала их³⁵. Сведения об этом, по причинам засекреченности цензурных архивов, почти не проникали в печать и сами документы не были знакомы исследователям. Лишь однажды заключение «политического редактора» (так назывались в те годы цензоры) стало известно историкам. Речь идет о киевском сборнике «Гааш» («Наступление»), включившем три поэмы на иврите Мили (Шмуэля) Новака. Не решившись дать разрешение на его издание, киевская цензура обратилась в Москву к вышестоящим инстанциям, приложив свое мнение:

«Сборник из трех поэм представляет попытку на древнееврейском языке передать веяния нашей коммунистической модернистской поэзии. Влияние в них Блока и Маяковского несомненно. Стих этого документа звонкий, местами резкий. «Сказание об Октябре» — панегирик Октябрю с сильным отвращением к миру прошлого и его морали... «Послание» — отражение оборотной стороны революции, ужасов контрреволюции». Казалось бы, содержание сборника и его направленность безупречны... Но вот заключительные строки этого «мнения», надолго предопределившие к ивриту как таковому: «Для кого предназначаются эти стихи? — задает риторический вопрос киевский цензор, и отвечает: «Ясно, что в другой обстановке, в Палестине, этот сборник был бы одним из материалов агитации КПП, ибо там значительная часть рабочих говорит по древнееврейски. В обстановке же нашей действительности этот сборник будет предметом филологически-литературного сmakования клерикально-буржуазной части еврейского общества. Ясно, что это издание нежелательно»³⁶. Несмотря на такой сокрушительный отзыв, книга Новака все же вышла в 1923 г.: в этом сказалось некоторая неопределенность, двусмысленность отношения режима к древнееврейской литературе на первых порах, в самом начале Нэпа.

Публикатор этого документа справедливо замечает: «Формально не было в Советском Союзе постановления, объявлявшего этот язык вне закона, однако в действительности он был на нелегальном положении», приводя далее недоуменное восклицание одного из ивритских писателей: «Запретить иврит? Этот указ поражал отсутствием логики, противоречащим Октябрю!». Его недоумение вполне понятно: ведь почти все писатели, как правило, молодые люди, писавшие на древнееврейском языке, были безусловными приверженцами революции, сбросившей «оковы». Да и самого «указа», запрещающего иврит, никогда не было: более того, во всех советских Конституциях, начиная с первой, 1918 года, предусматривались санкции за «любое ограничение, прямое или косвенное» прав народов, населяющих Россию, в том числе и священное право пользоваться своим языком.

Но своя «логика», если, конечно, искать ее в наступившем абсурде, все же была. Иврит изначально объявлен был языком «реакции». Как писал в 1922 г. известный историк, будущий президент Израиля Залман Шазар (1963–1973), «многие годы громоздят измышление, что «иврит — реакция». Не потому, что тот или иной писатель, пишущий на иврите, является реакционером, не потому, что те или иные наши требования приносят вред. Нет! Сам язык в своей основе негоден. И в тех самых кругах, которые преследует тень Эрец-Исраэль, царит семикратный страх перед ивритом... Страх перед «чудовищем» — вот лакмусовая бумажка в том, что касается иврита. Страх перед «чудовищем» воцарился, приговор вынесен и война объявлена ... Артисты «Габимы» преследуются неотступно. Запрещаются книги на иврите и изымаются на почте»³⁷. Это — отрывок из отклика Шазара на интервью, данное Горьким Шолому Ашу. Горький, находившийся тогда в полудобровольной эмиграции, не раз выступал в защиту гонимого языка, но голос его был одинок и не принимался во внимание. Именно к нему обратились участники нелегальной конференции учителей

иврита (преподавание на нем было запрещено, начиная с 1919 г., а в 1928 г. прошла волна их арестов), сообщая, что в СССР нет ни одного журнала и ни одной газеты, ни одного издательства на иврите, что запрещен ввоз книг на этом языке из-за границы, «...все, что написано на иврите, все творения ивритских классиков, даже то, что написано на иврите Шолом-Алейхемом, изъято из библиотек», а каждый, желающий прочитать такие книги, должен заручиться предварительно специальным разрешением Евсекции³⁸.

Последние книги на иврите, вышедшие тогда в СССР, — харьковский сборник «Цильцелей шома» (по названию древнего музыкального инструмента), изданный в 1923 г., и «Берешит» («Вначале»), появившийся в 1926-м. Последний сборник, хотя и имеет издательскую помету «Москва — Ленинград», на самом деле напечатан в Берлине; второй, полностью подготовленный к печати, скорее всего, не был разрешен цензурой³⁹. С 30-х годов начинается и продолжается свыше 50 лет полоса полнейшего запрета ивритской печати.

По свидетельству писателя Авраама Каира, «издалека очень трудно понять чувство сиротливости и бедствия литературы на языке, потерявшем связь с родной почвой и нашедшем последнее прибежище в надписях на памятниках еврейских кладбищ... Все вокруг было бесконечно странно и даже самое далекое существование иврита казалось нереальным... Шло время, но ни одной печатной строчки не попадалось мне на глаза... Порой, когда я писал стихи на иврите, странные сомнения закрадывались в мою душу: не создал ли я сам этот язык в своем воображении?»⁴⁰.

Тем не менее, даже в таких условиях «язык великого Бялика» вдохновил группу молодых ленинградских поэтов, решивших продолжить традиции ивритской поэзии. Ими была создана в середине 1920-х годов «Группа еврейских писателей», в которую входили И. Саарони (И. Матов), Н. Шварц, Хаим Ленский и другие. Публикуемые

далее документы отчетливо рисуют исполненную драматизма картину почти самоубийственной борьбы этих поэтов за право писать и печатать свои произведения на древнееврейском.

В марте 1927 г. руководитель этой группы обратился в Ленгублит с такой просьбой: «Заявление. Прошу разрешить устройство литературного вечера древнееврейского языка, имеющего быть 3 апреля в помещении по Стремянной ул., д.18, в 8 часов вечера. 14 марта 1927 г. И.Матов». На заявлении «разрешительный» штамп Ленгублита: к тому времени не только произведения печати, но и любые «массовые выступления» и «зрелищные мероприятия» — лекции, доклады, вечера, вплоть до танцевальных, — дозволялись только всеохватной цензурой.

Однако вечер не состоялся. 13 мая в Ленгублит поступило предписание «старшего Помпрокурора Ленинграда» Жукова: «Ко мне поступило заявление уполномоченного Ленинградской группы еврейских писателей, которое указывает, что им от вас 26 марта 1927 г. получено разрешение на устройство литературного вечера на гебрейском языке, а 19 апреля перед началом вечера явилась милиция, заперла дверь и не впустила публику в зал, так как якобы Гублитом разрешение на устройство вечера было аннулировано на основе телеграммы из Москвы. В порядке ст.70 Положения о судоустройстве предлагаю дать объяснение по этому поводу».

Ответ начальника ленинградской цензуры предельно лаконичен и снабжен грифом «Сов. секретно»: «Сообщаем, что разрешение на устройство гебрейского вечера было выдано Ленгублитом и Гублитом же впоследствии аннулировано по директиве Секретариата Губкома ВКП(б)»⁴¹. Ленинградский законник, видимо, был вполне удовлетворен таким ответом (продолжения переписки с ним в архивном деле нет), понимая прекрасно, что выше закона, чем «закон партии», не существует; последнее слово, как свидетельствуют и другие документы, в «сомнительных

случаях» всегда оставалось за идеологическими структурами.

Тайная подоплека дела выясняется благодаря тому, что «гебрейские поэты» на этом не успокоились, решив обжаловать самоуправство, как они полагали, цензоров в самом Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета, возглавляемого тогда «всесоюзным старостой» М.И.Калининым. В июле 1927 г. Ленгублит получил «срочное и секретное» предписание заместителя начальника Главлит Мордвинкина:

«Президиум ВЦИК препроводил нам выписку из заявления группы еврейских писателей. Нам указывается, что Ленгублит якобы занимает недостойную позицию в вопросе о преследовании древнееврейского языка. Главлит предлагает Ленгублиту в самом срочном порядке дать исчерпывающие объяснения как по существу всего вопроса, так и поводу конкретного случая, указанного в заявлении».

К предписанию приложена «Выписка из заявления группы еврейских писателей», адресованного Президиуму ВЦИК:

«1. Ленинградским Гублитом запрещено издание сборника «Ткуфосейну» (без объяснения мотивов). Главлит утвердил это запрещение, несмотря на то, что против содержания никто не возражал и отговаривается (устно) какими-то «политическими мотивами». А Заведующий Отделом Народов Западной культуры Совнацмена [Палатник]⁴² откровенно заявил, что все пишущие на древнееврейском языке — контрреволюционеры, независимо от содержания произведений.

Евсекция Губоно [еврейская секция губернского отдела народного образования] отказалась в разрешении устройства литературного вечера, но мы нашли защитника в лице тов. Стецкого⁴³ (агитотдел Севро-Западного Бюро ЦК ВКП(б) и после утверждения цензурой программы было получено официальное разрешение Гублита 26 марта 1927 г. (разрешение прилагается). Но перед началом

вечера (10 апреля 1927 г.) явилась милиция, заперла двери и не впустила публику в зал. В гублите отговаривались получением какой-то телеграммы из Москвы.

3. Нам удалось сговориться с правлением Дома печати об устройстве в помещении Дома вечера по утвержденной цензурой программе, была заметка в газете (вырезка прилагается). Но за час до начала нам было заявлено об отмене вечера, ибо представитель Отдела печати Губкома ВКП(б) тов. Дергачева нашла, что для древнееврейского языка, аналогично церковнославянскому, нет места в Доме печати.

4. На основании Вашего письма (возможно, самого Калинина, но оно не обнаружено.-А.Б.) мною сегодня снова было подано заявление в Гублит о разрешении вечера, и снова был получен отказ (заявление с резолюцией прилагается). Между прочим, ваши слова — «Говорить и писать на древнееврейском языке в советских законах препятствий не имеется» — местные власти растолковывают как о письме и разговоре частным образом, но не о печатании и публичных выступлениях, поэтому просим более точных разъяснений, а театр «Габима» для них является единственным исключением, без которого не обходится ни одно правило⁴⁴. Ленинградская группа еврейских писателей. И.Матов. Ленинград., ул.Белинского, 13»⁴⁵.

На сей раз ответ ленинградских цензоров (все-таки начальство!) более пространен и красноречив сам по себе: «Секретно. В Главлит. 15 июля 1927 г. Ленинградский Гублит сообщает: в Ленинграде еврейских писателей, как организации, не существует, а работает отдельная группа. Группа эта зарекомендовала себя крайне отрицательно. Отношение Евсекции ЛГОНО (Отдела народного образования. — А.Б.) и Отдела печати Губкома ВКП(б) к ней недоброжелательно. Ленинградский Союз писателей отказался принять эту группу в число своих членов. Отношение Гублита к печатанию произведений еврейских писателей определяется качеством подаваемого материала,

примером этого качества может служить посланная Вам на заключение рукопись «Питериада», автор Шварц⁴⁶.

В остальном отношение Гублита к этой группе определяется указаниями, исходящими от директивных органов. Одновременно сообщаем, что по имеющимся в Гублите сведениям, руководители этой группы, в частности, податель заявления И.Матов, находятся под арестом. Зав. Ленгублитом Энгель»⁴⁷.

Хотя в особых комментариях этот документ не нуждается, обратим все же внимание на два примечательных факта. Во-первых, на в высшей степени показательное и отнюдь не случайное уподобление древнееврейского языка церковнославянскому представителями партийных органов: и тот, и другой в их глазах являлись проводниками «религиозного мракобесия», употреблявшимися во время богослужения: первый в православных храмах, второй - в синагогах, что в условиях воинствующего атеизма делало их табуированными за пределами храмов. Такое уподобление вовсе не было изобретением обкомовской дамы Дергачевой, а являлось, по-видимому, общим местом партийной пропаганды. Так, например, еще в 1922 г. старый большевик и «ведущий правовед» И.П.Трайнин, отвечая на упоминавшееся уже интервью Горького Шолому Ашу, опубликовал в журнале «Жизнь национальностей» статью с выразительным названием «От дерзания буревестника к болоту обывателя». Отметив «любовь Горького к мертвящему душу ветхому гебраизму», а «древнееврейский язык понятен лишь одиночкам-«гебраистам», он демагогически вопрошал писателя: «Что сказал бы Горький, если бы в государственных московских и петроградских театрах для рабочих стали ставить пьесы на латинском или древнеславянском языках?»⁴⁸. В случае же с ивритом ситуация осложнялась еще и тем, что в глазах власти он нерасторжимо связывался с движением сионизма.

Во-вторых, снова обратим внимание на тот универсальный довод — указания «директивных органов», —

который каждый раз приводят цензоры. Перед ним сразу же замолкают все иные инстанции, в которые обращаются с протестом руководители литературной группы ивритистов. Да и обосновывать запрет, как мы видим из последнего документа, особенно нечего, поскольку органы ОГПУ уже «разобрались» с членами этой группы. Как раз в 1927 г. на нее обрушилась волна репрессий, почти все члены «Группы еврейских писателей» были арестованы и сосланы. Немалую роль в этом сыграло их скровенное желание - не дать окончательно угаснуть «тлеющим углем иврита». Одним из них Аврааму Караву, Иосифону Саарони (И.Матову – руководителю группы) и другим – удалось в конце 20-х начале 30-х годов эмигрировать в Палестину⁴⁹.

Судьба других сложилась трагичнее: они сгинули в лагерях ГУЛАГа. Погибли Н.Шварц, автор запрещенной поэмы «Питериада», талантливейший Хаим Ленский. Родившийся в 1905 г. в Слониме, он в 1925 г., после ряда приключений и одного кратковременного ареста, приезжает в Ленинград, находит там единомышленников, таких же молодых поэтов, как и он сам, поклонников иврита. Как вспоминает один его современник, Ленский праздновал победу, когда «гебрейская группа» получила ответ Калинина, уверявшего, что в СССР иврит не преследуется, хотя и является «мертвым языком»⁵⁰.

Хаим Ленский был влюблён в русскую поэзию: переводил Пушкина, Лермонтова, А.К.Толстого. Оставшись после арестов и отъезда друзей почти в одиночестве, Ленский писал уехавшему Саарони: «Вытащите меня отсюда! Не бойтесь: если мои стихи не годятся - руки прокормят меня. Ведь рельсы нужны и для железных дорог в Эрец-Исраэль»⁵⁰. Иногда ему удается переслать друзьям свои стихи, которые изредка печатаются в газетах и журналах Палестины. В конце 1934 г., в связи прокатившейся по Ленинграду волной арестов, вызванных убийством Кирова, он был арестован и просидел сибирских лагерях до 1939 г. В ленинградской тюрьме им написаны пронзительные строки:

... И тогда близну снеговой пелены
В муках брызгами крови усеяv,
Он припомнит о пасынке чуждой страны,
О последнем поэте евреев.

Из Мариинского лагеря в Сибири Ленский написал письмо Горькому, в котором рассказал, что единственным его «составом преступления», за которое он осужден на пятилетнее заключение, является неизбывная любовь к ивриту, языку Библии, языку Бялика, которым Горький всегда так восхищался⁵¹. Получил ли это письмо Горький — неизвестно, но даже в положительном случае вряд ли он стал бы в годы начавшегося Большого террора ходатайствовать за гонимого поэта. После освобождения в 1939 г., он на правах ссыльного вынужден был поселиться в Малой Вишере, хотя в Ленинграде оставались его жена и маленькая дочь (пресловутый «сотый километр», за пределами которого и могли только жить освобожденные из лагеря). Кончина его загадочна до сих пор. По некоторым сведениям, он был снова арестован в 1942 г.: «Рассказывают, что когда колонна заключенных проходила по мосту через какую-то речку, охранник спихнул Ленского с моста. Так или нет погиб этот гениальный поэт, неизвестно, но он, как и любимый им Пушкин, тоже запнулся на роковой цифре «37»... ⁵². Имя Ленского широко известно в Израиле: выходят его книги, пишутся исследования. Русскому читателю он стал известен в переводах только в 1990 г.

* * *

Древний язык стал подвергаться примерно с середины 20-х годов ostrакизму и запрету не только в чисто литературных произведениях, но и в изданиях, вне которого они не могли существовать, — богослужебных книгах, молитвенниках и т.п. Об этом также свидетельствуют многочисленные документы из архива цензуры. Так, например, в 1925 г. Главлит запрашивает свое ленинградское отделение: «В связи с запрещением вами молит-

венника на еврейском языке в издании Гинзбурга, просим уведомить нас: принято ли во внимание то обстоятельство, что религиозные общины не имеют прав юридического лица и посему выставляют какого-либо персонального издателя, что, по-видимому, имело место в данном случае». Ответ был вполне успокаивающим: «Это нами предусматривалось. Гражданину Гинзбургу было отказано именно потому, что он просил разрешения лично от себя, мотивируя свое право на издание только тем, что у него имеется книжный магазин, что, конечно, не было достаточным основанием, чтобы разрешить вещь явно вредную». Заключительные слова этой фразы раскрывают истинную подоплеку дела, которое заключается вовсе не в том, кто именно имеет право издавать молитвенники - религиозная община или конкретное лицо - а в негативном отношении цензуры к изданию молитвенников на древнееврейском языке как таковых.

Вполне понятно, что «Молитвенник на праздник Пасхи. Агада», представленный Гинзбургом, попал в «Сводку рукописей, запрещенных Главлитом», которая рассыпалась по всем цензурным инстанциям⁵³. Вместе с ним в той же «Сводке...» указаны и другие книги на иврите: «Еврейский календарь на 1926/27 год», также представленный Гинзбургом, и «Воззвание к 8 ноября» в издании «Поалей-Цион».

В архиве Ленгублита хранится также масса предписаний Политконтроля ГПУ, «сверхцензуры», наблюдавшей за выпускаемой печатной продукцией, вплоть до пригласительных билетов. Все они снабжены грифом «Совершенно секретно» и очень часто касаются запрета на печатание различных объявлений и пригласительных билетов на празднества в ленинградских синагогах, вечера духовной музыки и т.п. Так, 13 ноября 1926 г. Ленгублитом получено было такое предписание: «Политконтроль ОГПУ сообщает, что разрешение на печатание пригласительного письма синагоги Хасидской — выдавать не следует». К нему приложен пригласительный билет, напечатанный на иврите с переводом на русский: «Покорнейше просим

пожаловать на торжество по случаю окончания книги Талмуда в Синагогу Хасидскую, Лермонтовский пр, 2, имеющее быть в среду 24 ноября в 7 часов вечера. Староста талмудистов»: на полях резолюция — «Отказать».

Та же участь постигла «Программу духовного концерта в Синагоге Петроградской стороны». Резолюция — «разрешения не выдавать». Запрещено было Политконтролем ОГПУ выдать также разрешение на печатание приглашения на торжественное богослужение в синагоге Кагал Исроэль (Лиговка, 55), с приложением программы и трогательным примечанием: «Вход свободный. Убедительнейшая просьба не опаздывать»⁵⁴. Конечно же, власти в то время преследовали и другие вероисповедания, всячески стремясь ограничить их влияние, но в отношении иудейского большую, а порой и единственную роль играл «отягчающий фактор» — попытка издания даже скромных приглашений на крамольном иврите.

* * *

В 1927 г. намечается политика свертывания Нэпа: «мавр сделал свое дело»... Мерами политического и экономического принуждения сводится на нет деятельность кооперативных и частных издательств. В 1929 г. все они были закрыты, в том числе и еврейские; крупнейшее издательство «Кадима» не прошло перерегистрацию (обязательное ежегодное правило) еще в 1923-м.

Так закончилась эпоха Нэпа; в дальнейшем иврит был окончательно загнан в подполье. Отмечу все же, что явно антисемитские мотивы в цензурных отзывах и решениях пока отсутствуют — они появятся позднее. Исповедуя на первых порах «интернационализм», коммунистический режим в эти годы интересовался преимущественно не национальной, а политической и идеологической окраской тех или иных книг и органов печати. Тем не менее, уже тогда началось преследование древнееврейского языка и литературы; антисионистские мотивы постоянно звучат в цензурных характеристиках.

ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

«Год великого перелома» (точнее — пересиба) обозначил переход к невиданной в истории эпохе единомыслия, вернее единобезмыслия. Все частные и кооперативные издательства к 1929 годам были удушены мерами политического и экономического характера, крайне ужесточены цензурные правила, началась полоса откровенного, не стесняемого никакими законами и правилами, террора.

Постепенно на нет была сведена академическая работа по изучению истории евреев в России, столь интенсивная в 20-е годы, практически была свернута работа ряда научных центров в Ленинграде и Москве; затем они были ликвидированы, как, например, Еврейское историко-этнографическое общество.

Окончательно решен вопрос с литературой на иврите, которая, по словам «старой» «Литературной энциклопедии», «в настоящее время имеет своей базой почти одну Палестину. Вся она — под знаком сионизма, еврейского фашизма. Тиражи книг и газет на древнееврейском языке ничтожны» (1930, т:4, с.579). Именем «фашиста» был заклеймен тогда гениальный Х.Н.Бялик причем в официальной советской газете на идише «Дер Эмес» так сказать, вместо «некролога» в 1934 г., когда пришло известие о его смерти: «...После Октябрьской революции, в тот час, когда сионизм стал одним из главных столпов гибущего империализма-фашизма, Бялик превратился в активного лидера фашистской интервенции против Советского Союза. Бялик возглавил фашистскую подстрекательскую кампанию против так называемой «инквизиции» в Советском Союзе. Путь от «Сказания о погроме» до Гитлера — это печальный и постыдный путь самого важного буржуазно-национального поэта, Хайма Нахмана

Бялика»¹. Тем не менее, в своей речи на 1-м Всесоюзном съезде писателей в том же году М. Горький, всегда поклонявшийся поэту, назвал его «почти гениальным» и предложил переиздать его произведения, но безуспешно.

В эти годы покровительством властей пользовались, как и прежде, исключительно идишитские издательства и периодические издания. В начале 30-х годов было создано специальное издательство «Дер Эмес», просуществовавшее до конца 40-х годов и закрытое на волне антисемитской кампании, развязанной в то время. В основном оно выпускало литературу на идише, но иногда — и на русском языке (произведения Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер Сфорима и других писателей). Выходил ряд журналов на идише — «Дер Штерн», 1924—1941; «Форпост», 1931—1939; «Советише литератур», 1938—1941 и др. Активно печатались тогда поэты, писавшие на этом языке (С. Галкин, Д. Бергельсон, И. Фефер, Л. Квитко и другие), стоявшие на «платформе советской власти» и придерживавшиеся утвержденного свыше «метода социалистического реализма», что не помешало их физическому уничтожению в начале 50-х годов.

Главной издающей организацией до 1937—1938 гг., то есть до начала Большого террора, стал ОЗЕТ (Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР), пропагандировавший в своих книгах так называемый «биробиджанизм». Вышла масса книг на русском и идише, посвященных пропаганде Еврейской автономной области.

* * *

Историки расходятся между собой во мнении, когда же именно начался в СССР официальный, инспирированный сверху антисемитизм (что касается бытового, то здесь они более или менее едины: он всегда существовал — то в смягченном, скрытом виде, то, в связи с конкретной исторической ситуацией, принимая довольно

жесткие формы). Одни склонны считать, что все-таки до 1948 г., когда была развязана откровенная антисемитская кампания, — разгром Антифашистского комитета, убийство Михоэлса и закрытие еврейских театров и издательства «Дер Эмес», дело театральных критиков и так называемых космополитов, расстрелы крупнейших еврейских поэтов, всего, что логично привело затем к «Делу врачей», — антисемитизм со стороны властных и идеологических структур открыто не провозглашался. Другие полагают, что он начался в 1943 г., когда в недрах ЦК возникло секретное распоряжение об ограничениях в продвижении евреев на руководящие посты. Третьи относят его с пактом Риббентропа-Молотова 1939 г. о ненападении. Национальный состав выведенных из ЦК и уничтоженных в 30-е годы его членов также заставлял предполагать, что тут дело не обошлось без втайне объявленной «линии партии». В те годы был популярен вопрос-анекдот: «Скажите, в чем сходство и разница между Моисеем и Сталиным? Ответ: оба вывели евреев, но Моисей — из Египта, а Stalin — из Политбюро».

Ответ на поставленный выше вопрос в известной мере может быть уточнен благодаря обнаруженным в архивах секретным донесениям цензурного ведомства, действовавшего по непосредственным указаниям высшего идеологического руководства партии.

Еврейская тема начинает звучать актуально в этих донесениях, начиная с 1936 г., в разгар людоедских процессов против «двухрушников», «врагов народа» и «вредителей», — совпадение, вряд ли нуждающееся в комментариях...

Внимательно следила цензура за освещением темы еврейского переселения на Дальний Восток и создания там Еврейской Автономной области с центром в Биробиджане. Этот искусственный проект, как известно, в сущности провалился², но идеологические структуры и цензурные органы всячески скрывали это, распространяя версию о «массовом энтузиазме» евреев. Так, например,

согласно «Сводке конфискаций и запрещений № 8» Главлита, разосланной в начале 1936 г., «в журнале «Трибуна» (орган ЦК ОЗЕТА) в статье С. Е. Чуцкаева цензором сняты цифровые данные об уходе из Биробиджана евреев-переселенцев, как по отдельным годам, так и за время с 1928 по 1934 гг. (за это время, сообщается в статье, покинуло Биробиджан 71% переселенцев)»³.

В том же главлитовской сводке фигурирует и такое сообщение: «В пьесе: Лев З. «Герман Фридберг» (Авторизованный перевод Б.Х.Черняка. М., ЦЕДРАМ, 1936) снято следующее место: «Все евреи всегда ломают комедию. Что, Ленин не ломал разве?»⁴.

Действие пьесы происходит в нацистской Германии 1 мая 1933 г., через 2 месяца после прихода Гитлера к власти, а реплика эта принадлежит штурмовику. Ясно, что цензора не устроил здесь намек на происхождение Ленина. В 30-х же годах началась знаменитая «история Шагинян», писавшей долгие годы свою эпопею «Семья Ульяновых». Цензурным камнем преткновения всегда становились запутанные национальные корни «вождя пролетариата» по материнской линии. Первая часть эпопеи — повесть «Билет по истории» — была опубликована в журнале «Красная новь» (1938, № 1), что вызвало даже особое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 г. Произведение Шагинян было объявлено в нем «политически вредным и идеологически враждебным», предложено было книжку журнала изъять, а главного редактора, правоверного критика В. В. Ермилова «снять с поста». В самом постановлении не упомянуты подлинные мотивы репрессий против редакции и автора, но через 4 дня, 9 августа, Президиум ССП прояснил их, откликнувшись на этот документ специальным постановлением «О повести М. С. Шагинян «Билет по истории». В нем, объявлялось «суровое порицание» писательнице за попытку создания «искаженного представления о национальном лице Ленина»⁵.

Однако в повести, говоря о деде Ленина, отце его матери, М.Шагинян пишет: «Отец, украинец Александр Дмитриевич Бланк, окончил Петербургскую медико-хирургическую академию...» Интересно, что в последующих изданиях слово «украинец» выброшено: он фигурирует уже без всякой национальности. В данном случае, очевидно, властей не устроило упоминание писательницы о немецких корнях Ленина по той же линии (дед Ленина был женат на немке): ведь это был последний «антифашистский год» в предвоенное время; через год, когда был заключен пакт «Риббентроп-Молотов» и объявлена «советско-германская дружба», это обстоятельство, видимо, прошло бы незамеченным.

Эта традиция продолжалась десятилетия (подробнее см. в главе «Оттепель» о скандале, устроенном ЦК в связи с попыткой М.Шагинян в 60-е годы опубликовать в романе-хронике «Семья Ульяновых» найденный ею в архиве Синода документ о крещении доктора Абеля Бланка — деда Ленина по материнской линии: вождь пролетариата должен быть вне подозрений). Хотя, добавим мы, из других «многочисленных кровей», которые текли в его жилах, тайны никогда не делалось.

Справедливости ради отметим все же, что в начале 30-х годов цензура изредка еще пыталась искоренять проявления антисемитизма в печати: действовала инерция «интернационализма» 20-х. Так, 6 июля 1931 г. Б.М.Волин, сменивший как раз в это время Лебедева-Полянского на посту начальника Главлита, издал циркуляр, в котором призвал усилить «политконтроль выпускаемой продукции», пригрозив цензорам «партийной и уголовной ответственностью за пропуск в печать антисоветских материалов или материалов, искажающих советскую деятельность». Говоря о случаях, когда цензоры «теряли классовую бдительность», он сослался на «примеры, которые приведены М.Горьким в статье об антисемитизме»⁶.

По-видимому, речь идет здесь о статье Горького «Об антисемитах», опубликованной в «Правде» за две недели

до этого, 24 июня), в которой он резко выступил против появившихся в литературе последних лет антисемитских мотивов («...в стране Советов, где так героически и так успешно создается основа всемирного братства народов, — гнусное пятно антисемитизма не должно иметь места. И особенно не место ему в литературе»). Между прочим, он несправедливо обвинил в этом грехе Бориса Пильняка, к творчеству которого всегда относился несколько подозрительно. Понятно, что начальник Главлита с удовольствием использовал это «указание» вернувшегося в СССР Горького, поскольку против Пильняка как раз в это время — в связи с публикацией за границей его романа «Красное дерево» в 1929 г. — была развязана в прессе инспирированная свыше разнужданная кампания.

Последние случаи борьбы цензуры с антисемитизмом зафиксированы в цензурных документах 1936 г. Приведем такой курьезный эпизод, попавший в «Сводку Главлита»: «В журнале «Книга и пролетарская революция», № 4, снято сообщение, в котором рекомендуется антисемитская книжка: «Букинистический магазин МОГИЗа приобрел недавно любопытную и крайне редкую брошюру «Памятная книжка христиан породою из евреев». СПб., типография Штаба внутренней стражи, 1846». Содержание брошюры — смесь примитивной солдатской «словесности» с миссионерским богословским туманом. Тут и «Символ веры», и «Десять заповедей», и «Наставление воину Христову»⁷.

Непонятно, что же именно «антисемитского» нашли надсмотрщики за печатью в этой совершенно безобидной, крохотной книжечке... Скорее всего, она предназначалась для обращения в православие кантонистов, но никаких выпадов против евреев и иудаизма в ней нет, а лишь утверждается, что в Ветхом завете содержатся пророчества о приходе Мессии и доказывается, что им стал именно Иисус Христос.

Не менее курьезен эпизод с «Государственной племенной книгой крупного рогатого скота», вышедшей в

1936 г., в которой по распоряжению Главлита, были «...сняты клички скота: «Самоед», «Жид», «Жидочек». Цензором было доложено Краевому комитету ВКП(б), который предложил изменить наименования и выявить виновных для привлечения к ответственности»⁸.

***

Однако именно в 1936 г. происходит смена ориентиров: еврейская тема объявлена несуществующей, и цензура рьяно стала выполнять новую установку идеологического аппарата ЦК. Первый инцидент такого рода, как следует полагать, произошел в связи с «неудобной» цитатой, почерпнутой из Плеханова. В «Сводке важнейших запрещений и конфискаций Главлита» за 1936 г. указывается: «В журнале «Под знаменем марксизма», № 7, по указанию цензора была вычеркнута следующая цитата из Плеханова: «... В городах развязными господами положения являются пьяные солдаты и учиняют погромы, иногда заканчивающиеся избиениями евреев... Круг замыкается и, по-видимому, недалека та минута, когда он окончательно сомкнется»⁹.

По-видимому, этот «вычерк» (купюра на цензорском жаргоне) был сделан в статье К. Егорова «О стихийности и сознательности в рабочем движении» (с. 43–63), посвященной разбору и критике взглядов Г. В. Плеханова. Тем более, автор рискнул процитировать это место из цикла «Год на родине», посвященного критике большевистской политики в период между февралем и октябрём 1917 г. и, к тому же, опубликованного в 1-м томе собрания сочинений «первого русского марксиста», вышедшем в Париже в 1921 г. Тогда это уже само по себе считалось криминалом, но и сам «еврейский акцент» этого фрагмента был оценен, как крайне нежелательный.

Последний труд, посвященный антисемитизму в царской России, вышел двумя изданиями в 1933 и 1934 гг. — фундаментальная работа погибшего в годы Большого

террора А.С.Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса» с предисловием А.В.Луначарского.

После этого любые упоминания в печати о еврейских погромах, хотя бы и относящихся к «проклятому прошлому», неизменно подвергались изъятию и запрету. В начале 1937 г. внимание Главлита привлек рассказ А.И.Куприна «Гамбринус», написанный им в 1906 г. В «Сводке... № 6/28» Главлита по этому поводу говорится: «В книге Куприна «Сочинения», т.1, — вреден «Гамбринус». Сказано — «Утром начинался погром. Люди, которые однажды, растроганные чистой радостью и умиленные светом грядущего братства, шли по улицам с пением, под символами завоеванной свободы, — те же самые люди шли теперь убивать, и шли не потому, что им было приказано, и не потому, что они питали вражду против евреев, с которыми часто вели тесную дружбу, и даже не из-за корысти, которая была сомнительна, а потому, что грязный, хитрый дьявол, живущий в каждом человеке, шептал им на ухо: «Идите. Все будет безнаказанно: запретное любопытство убийства, сладострастие насилия, власть над чужой жизнью». — Этой мотивировки погромов — не от провокации, а от внутренней извращенной психики масс, — нельзя принять. К тому же на погром шли не те же массы, что шли в революцию. Кадры погромщиков вербовались царской охранкой из люмпен-пролетарских отбросов и наемных черносотенцев. Все, кроме первого предложения, — снято»¹⁰.

Таким образом чудесный и трогательный рассказ Куприна, который так нравился Л.Н.Толстому, что он часто читал его в кругу своей семьи, был исковеркан самым безжалостным образом. «Утром начинался погром...», но кого именно?

Погром доложен был быть обязательно «черносотенным»: ни в коем случае в публикациях не должны фигурировать «простые трудящиеся люди» — рабочие и крестьяне. Мелочность и бдительность цензуры дошла в этом смысле до того, что в верстке «Голубой книги» М.М.Зо-

щенко, готовившейся к печати в 1935 г., была сделана такая примечательная купюра и замена в сцене, описывающей одесский погром в 1905 г. Вместо — «...обороняли целый квартал и сдерживали натиск озверелой пятитысячной толпы» напечатано: «...озверелой черносотенской толпы»¹¹. Убрана, как мы заметим, количественная характеристика погромщиков, что заставляло предполагать массовый характер этого трагического события, а также перенесена ответственность с «масс» исключительно на «черносотенцев». «Купюризации» был подвергнут даже сам М. Горький, когда в том же, 1935-м, году журнал «Колхозник» (№ 6) опубликовал его ранний очерк «Погром», впервые напечатанный в 1900 г. в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая». Написан он был на основе впечатлений автора от еврейского погрома в Нижнем Новгороде в 1884 г., в слободе Кунавино, свидетелем которого был он сам. Показателен характер сокращений: выброшена последняя сцена очерка, в которой изображена сцена усмирения погромщиков, когда они из «зверей» сразу же превращаются в кучку трусливых и жалких людышек. Не менее примечателен тот факт, что в дальнейшем очерк «Погром» (даже в собраниях сочинений, претендовавших на «академизм») неизменно печатался по искаженному тексту журнала «Колхозник»¹². Кстати, этот номер журнала первоначально, по замыслу Горького, должен был быть целиком посвящен еврейскому вопросу в дореволюционной России. Но эта идея уже противоречила наметившимся к 1935 г. идеологическим установкам. Редакция журнала ограничилась публикацией очерка «Погром», да и то с купюрами, отказавшись включить в номер другое произведение Горького, — «Сказку VII» из его цикла «Русские сказки», начинавшуюся словами: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были евреи — обыкновенные евреи для погромов, для оклеветания и прочих государственных надобностей».

Еврейских погромов не было, оказывается, в России никогда, даже в далеком XVII веке... Известный историк и знаток еврейского вопроса на Украине С.Я.Боровой в недавно вышедших «Воспоминаниях» (М., – Иерусалим, 1993, с.189) рассказывает о своей безуспешно попытке издать в 1936 г. подготовленные и переведенные им «Еврейские хроники XVII века», посвященные ужасающей катастрофе, которую довелось испытать евреям на Украине в то время, в пору так называемой «хмельнитчины». По его словам, «...книга была набрана в конце 1936 г. Но наступил 1937-й роковой год. Я успел еще получить верстку этой книги, но сменилось руководство издательства (Соцэкгиза, предполагавшего выпустить этот труд. – А.Б.), на короткий срок во главе издательства оказался Бела Кун. Набор был уничтожен, но у меня сохранилась верстка этой книги, которая уже никогда не увидит свет». По словам его ученика и автора предисловия М.Соколянского, «переплетенный второй экземпляр верстки «Хроник» С.Боровой бережно хранил и давал читать только самым близким друзьям» (с.11).

Историк не сообщает об истинных причинах запрета своей книги, лишь намекая, что выходу ее помешал арест Бела Куна. Возможно, он догадывался о них, но не решился высказать столь опасную мысль в мемуарах. Подоплека обнаружена недавно в главлитовской сводке «Задержаний и конфискаций» за начало 1937 г.: «Задержана книга «Классовая борьба на Украине в XVII веке. Еврейские хроники» – ввиду того, что эти летописи односторонне освещают крестьянское движение на Украине и содержат описания еврейских погромов в XVII в. со стороны украинских крестьян, холопов и казаков»¹³. До революции, надо сказать, также были случаи запрета описаний погромов, но запрещение не имело столь тотального характера и касалось лишь публикации сведений о случаях потакательства или равнодушия правительства во время таких эксцессов. К публикации исторических сведений, относящихся к далекому прошлому, власти

были более или менее равнодушны. Это, кстати, использовал Х.Н.Бялик, знаменитая поэма которого «Ba-Ir ha-Harego», созданная под свежим впечатлением кишиневского погрома, была разрешена лишь потому, что ужасы кровавой резни были отнесены якобы к эпохе Хмельницкого.

Автор современной (и весьма спорной, надо сказать) статьи «Знак беды?», противопоставляя «раннего» Василия Гроссмана позднему и стремясь доказать, что в начале творческого пути писателя еврейская тема вовсе не занимала, несколько простодушно заявляет: «У раннего Гроссмана мы встречаемся с евреями, но не с «еврейской темой». Фон многих его рассказов гражданская война («В городе Бердичеве», «Четыре дня»). Говорится, что города, где происходит действие, не раз переходили из рук в руки. Но заметьте: нет ни одного упоминания о еврейских погромах. Хотя известно: за годы гражданской войны погибла десятая часть украинских евреев — около 150 тысяч. Бабель пишет об этом страдая, Гроссман как бы не замечает (поздний Гроссман бы заметил). Конечно, Бабель сам воевал, для него гражданская война была кровавой реальностью, для Гроссмана — историей. Но это — никак не объяснение»¹⁴.

Вот последнее замечание верно.

Дело не в том, что Бабель сам был наблюдателем этих событий, а для Гроссмана они были историей: не такой уж, впрочем, и «историей»: в годы гражданской войны ему было 14—15 лет, жил он на Украине, в том самом «городе Бердичеве», и не мог не знать о кровавых зверствах — как «белых», так и «красных»; в 1924 г. и 1926 гг. вышли два альбома с воспроизведением леденящих душу фотографий и документов, посвященных резне евреев на Украине в 1918—1921 гг. (Островский З.С. Еврейские погромы). Объяснение в том, что в это время (в 1934 г., когда печатались первые рассказы Гроссмана) на тему любых погромов, хотя бы и «белых», было наложено идеологическое табу. Рассказы же Бабеля

из цикла «Конармия» начали публиковаться в 1923 г. (отдельное издание вышло в 1926-м), когда еще позволялось касаться этой темы, хотя уже в конце 20-х Бабель был обвинен критикой в «очернительстве», «поклете на Красную Армию» и прочих грехах; командовавший Первой конной Буденный выступил тогда в «Октябре» со статьей с примечательным названием «Бабизм Бабеля». Такие «просчеты» объяснялись его «связью с мелкобуржуазной местечковой средой еврейского гетто» («Литературная энциклопедия», т.1, 1930, с.293). В 1937 г. писатель был арестован и погиб в лагере в 1941-м. Имя его как «врага народа» было вычеркнуто из памяти на четверть века, все его произведения запрещены. Но если предположить, что судьба Бабеля сложилась бы счастливее, то с полной уверенностью можно сказать, что при публикации его произведений цензурой непременно вычеркивались бы все сцены резни и погромов, причем неважно, от кого они исходили — от белых или красных: их не было никогда.

* * *

Если нельзя было публиковать исторические документы о погромах в XVII в. (не говоря уже о более близких временах), то уж тем более запрещалось касаться случаев проявления современного антисемитизма, тем более в пролетарской среде. Так в январе-феврале 1937 г. цензоры Ленинградского Горлита, приставленные к так называемым «многотиражным» заводским газетам, то и дело вычеркивали из представленных на предварительный просмотр статей все упоминания такого характера. Приведем лишь некоторые фрагменты ежедекадных «Сводок и вычерков и конфискаций Ленгорлита» за январь-февраль 1937 г., присланных в Ленинградский Обком партии:

«Газета «Леснойпорт», № 2 от 8.1.1937. В статье «Что творится в ремонтном цехе» снято выражение, что среди

рабочих процветает антисемитизм, так как в доказательство не приводится ни одного случая. Как обвинение, не подтвержденное ни одним фактом, было цензором снято».

Газета «Монтажник» — завод «Гидравлика», от 6.2.1937. В заметке «Позорное явление» редакция неверно и безграмотно освещает имевшие у нас случаи антисемитизма: «Товарищеский суд, состоявшийся в мае 1936г., показал, что в этом доме существует национальная вражда по отношению к евреям и татарам. Суд постановил: Постникову и Пономареву оштрафовать на 10 рублей каждую». Редакция восклицает: «Казалось бы, что после решения суда (штраф в 10 руб.) вражда должна прекратиться? Однако, случилось наоборот». Статья была переделана¹⁵. Последняя фраза редакции особенно замечательна...

* * *

Хотя, как говорилось выше, сионистское движение было к концу 20-х годов разгромлено окончательно — в лучшем случае сионистам удалось эмигрировать в Палестину, в худшем — попасть в лагерь и там погибнуть, — самое слово «сионизм» продолжало оставаться жупелом, и применялось, как и всегда, крайне произвольно и спекулятивно.

Цензура продолжала выискивать в печати малейшие проявления «сионистской пропаганды». Она была найдена даже в такой невинной книжке, как «методическое пособие в помощь наглядному обучению математике «С.И.Меламеда «Своими силами и средствами»: «В таблице геометрических фигур, — мотивирует свое «вмешательство» цензор, — был помещен националистический сионистский знак. — Вычеркнуто»¹⁶. Должно быть, цензору, впавшему к 1937 г. в «парадоксальное состояние» (термин академика И.П.Павлова) параноидальной «бдительности», в комбинации двух треугольников померещился магендовид...

Ленинградский цензор Д.Чевычелов, написавший в 1937 г. подробный донос на сотрудников знаменитой «маршаковской группы» — ленинградского отделения «Детиздата» (Т.Г.Габбе, Л.К.Чуковскую, А.И.Любарскую, З. М.Задунайскую и других) не преминул отметить, что сам руководитель, С.Я.Маршак, в молодости «писал сионистские стихи»¹⁷. Это должно было окончательно скомпрометировать в глазах начальства замечательный коллектив детских писателей и редакторов (тем более, что большая часть сотрудников были евреями по национальности); группа была разогнана, многие сотрудники арестованы¹⁸. Что же касается самого Маршака, то известно, что в юные годы он действительно испытал влияние сионизма, к которому относился чрезвычайно сочувственно. Начиная с 1904 г., он в течение 12 лет систематически печатал свои стихи в «Еврейской жизни», «Еврейской мире» и других русскоязычных журналах и газетах (свыше 40 стихотворений на библейские и иные темы, так или иначе затрагивающие вечные еврейские вопросы).

А.Колганова, опубликовавшая недавно некоторые из них, справедливо считает, что «вынужденная затаенность, молчание по поводу еврейских сюжетов (чисто внешнее, но отнюдь не творческое) привели к тому, что в литературных кругах начало бытовать мнение об отречении Маршака от еврейства в целом», хотя на самом деле это далеко не так¹⁹. В дальнейшем, буквально до последнего времени, эти стихи, за единичными исключениями, не входили ни в библиографии поэта, ни в его собрания сочинений. По причинам вполне естественным, сам Маршак никогда не афишировал свои «увлечения молодости», что способствовало появлению легенды о нем как о поэте и человеке, «равнодушным» к судьбам своего народа.

Проводя на практике политику полной ассимиляции евреев и уничтожения национальной культуры, партийные идеологи тщательно скрывали это, лицемерно утверждая о наступившем при социализме «расцвете всех на-

ций» и их «полном равноправии». Примечательна в этом смысле купюра в статье, автор которой переусердствовал, радостно назвав вещи своими именами. В «Сводке важнейших задержаний и конфискаций, произведенных организациями Главлитта» за 1937 г. указывается: «В журнале «Форпост», № 1, на еврейском языке (издательство «Дер Эмес»), в статье Брахмана «Советская еврейская нация» вычеркнуты следующие места:

а) «Придя к власти, большевистская партия выполнила гениальные указания Маркса, которые Ленин и Сталин развили в борьбе против еврейского национализма: уничтожение еврейства, смерть еврейской «нациии», как необходимое начало расцвета еврейских масс ...»;

б) «Большевизм и сюда проник, он не только уничтожил старое еврейство...»²⁰.

* * *

В стране в это время воцаряется и торжествует не столько идеократия (власть идей), сколько логократия — власть слов. На некоторые слова накладывается идеологическое табу; во всяком случае, их рекомендуется употреблять в печати как можно реже и ни в коем случае не акцентировать на них внимание. Так происходит со словами «еврей», «еврейский»... Началась и продолжалась в течение более четырех десятилетий своего рода «игра в молчанку». Эти слова исчезают из лексики, причем не только из официально утвержденной в средствах массовой информации, употреблявшей весьма прозрачные и окрашенные идеологически «псевдонимы» в период развязанных позднее кампаний («космополиты», «агенты Джойнта», «сионисты» и т.п.), но и лексики либеральной интеллигенции: слова эти звучали для нее «неприлично» и двусмысленно, произнося их, невольно понижали голос.

В этом смысле примечательна цензурная история, приключившаяся в 1938 г. с первым изданием очень популярной среди детей повести Дины Леонтьевны Бродской

«Марийкино детство» (сама она погибла в блокадном Ленинграде 3 января 1942 г.). В декабрьской сводке Ленинградского Облгорлита, включавшей «важнейшие вычерки и запрещения», об этой повести говорится: «Марийкино детство» Д.Бродской (Ленинградское отд. Детиздата). Предварительная цензура. Сделано 8 вычерков и исправлений. Наиболее характерные: «Хоть Соломон Абрамович и еврей, — рассказывала Поля подругам, — а говорит с тобой, как брат родной» (с.9). — «Увидев Марийку с бабушкой, мальчишки бондаря бросали им вслед щепки и арбузные корки. — Ой, Манеле-шманеле! Скажи кукуруза! — кричали они... Марийка привыкла к тому, что на улице так уж повелось. Русские мальчишки дразнят евреев.» (с.16). «И мальчишки черноглазого Джрафара, сынишку чистильщика сапог, тоже дразнят обидным словом — армяшка-бяшка».

«В деле интернационального воспитания советского ребенка, — заключает цензор свой отзыв, — указанное выше может принести вред. Конфискация у буржуев драгоценностей (в 1918 г.) изображена в таком виде (разговор служанок): «Чего? Какой там обыск? — спросила Поля. — »Неделя бедноты», большевики ходят по богатым квартирам и забирают золото и меха. Получается, что не организованная конфискация, а что-то вроде грабежа». Цензор Лесохин.

Принятые меры — исправлено»²¹. В результате этой операции в издании 1938 г. и во всех последующих все упоминания о евреях вычеркнуты, кроме имени погибшего отца Поли — часовщика Соломона Михельсона и одного крайне примечательного места, которое каким-то чудом избежало цензорских ножниц. Возвращаясь, расстроенная и недоумевающая, девочка спрашивает у своей бабушки: «Бабушка, за что это они? Почему? — Но бабушка бормотала что-то непонятное: Евреи... великий народ... У них нет своей страны. Разбросаны по всему свету... И как Марийка ни приставала, она больше ничего не могла добиться. По дороге домой Марийка думала о

том, почему это так несправедливо устроено. Все над тобой смеются, хотя ты ничего не сделал дурного» (с.17).

Сцена эта относится, кстати, к предреволюционным годам: но все равно — антисемитизма в России «не было никогда»..

* * *

В результате массовых репрессий в годы Большого террора расстрелянными и арестованными оказались не только люди, но и книги. Как известно, в спецхраны библиотек отправлялись десятки тысяч книг — и не только принадлежавших перу репрессированных авторов, но и содержащих упоминания их имен. Еженедельно, а то и чаще, выходили приказы-циркуляры Главлита со списками арестованных книг.

Пока мы все же не обнаруживаем целенаправленного, избирательного изъятия книг с еврейской тематикой или по национальному признаку их авторов (это будет еще впереди — в конце 40 — начале 50-х годов, когда будут изыматься книги арестованных членов Антифашистского еврейского комитета и «врачей-вредителей»). Такие книги попадали тогда в проскрипционные «Списки книг, подлежащих изъятию из общественных библиотек и книготорговой сети» так сказать «под сурдинку», вместе с тысячами иных книг, содержащих произведения «врагов народа» или только упоминающих их имена. Среди них — ряд книг, вышедших на рубеже 20—30-х годов, когда еще можно было публиковать произведения, разоблачающие антисемитизм. В 1936 г. была запрещена брошюра ленинградского писателя Леонида Радищева (1905—1973; в конце 30-х годов был арестован и долгое время находился в заключении) «Ступени. (Против антисемитизма)», изданная «Молодой гвардией» в 1929 г. в серии «Жгучие вопросы». Писатель собрал случаи проявления массового антисемитизма на заводах и фабриках, так заключив их описание:» Фактов этих — тяжелых

и жгучих очень много. И все то, что приведено здесь, грозно свидетельствует о том, что антисемитизм проникает во все слои общества, отравляя молодое поколение. Темное царство шевелится».

Мотивы запрещения книги еще как-то можно понять в связи с арестом писателя, что автоматически означало изъятие всех его книг из библиотек. Но как тогда объяснить следующий факт: почему в самом конце 1988 г., когда писатель был уже реабилитирован и все его книги возвращены в «общие фонды» библиотек, исключение составила лишь одна эта книга? Она фигурирует в «Сводном списке книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети», вышедшем 27 декабря 1988 г., уже в самом конце эпохи «перестройки и гласности», включавшем всего 500 книг (вместо прежних десятков тысяч), последнем, так сказать, «бастионе» спецхрана. В конце 30-х годов подверглась изъятию и другая книга Л. Радищева — «Яд. Об антисемитизме наших дней», вышедшая в издательстве «Прибой» в 1930 г. Не спасло книгу и то, что автор, в духе времени, объявляет антисемитизм «наследием проклятого прошлого», «пережитком в сознании людей», и даже публикация в книге «протеста актива трудящихся евреев» против присылки им из-за границы мацы: «...кампания, поднятая еврейскими клерикалами по сбору мацы является политическим шантажом и спекуляцией на наших временных трудностях... мы не продадим нашу пролетарскую совесть за несколько фунтов мацы». Однако, как и в предыдущей книге, писатель приводит множество фактов, свидетельствующих о проявлениях антисемитизма не только среди рабочих и крестьян, но и интеллигенции. До выхода книги, еще в рукописи, писатель показал ее в 1928 г. Горькому, который откликнулся адресованным Л. Радищеву письмом, назвав в нем антисемитизм «явлением определенно контрреволюционным» (это общее место всех выступлений такого рода в то время). Письмо было опубликовано Радищевым в 1932 г. в журнале «Октябрь» и после этого

никогда не перепечатывалось²². Изъятию подверглись и другие книги 20-х годов, разоблачающие антисемитизм, — как в историческом аспекте, так и современных его проявлениях.

Запрету подлежала тогда одна из последних книг этой тематики (после 1931 г. выпуск их совершенно прекратился) сборник «Против антисемитизма» (М., издательство «Жизнь и знание», 1930). В него вошли статьи и очерки М. Горького, Ларисы Рейснер, рассказы Исаака Бабеля, Бориса Пильняка и других писателей. Как и во многих других случаях, санкция на его запрет была испрошена Главлитом в 1940 г. в Управлении агитации и пропаганды ЦК ВКП(б): «Прошу вашего согласия, писал тогда начальник Главлита Садчиков, — на изъятие из книготорговой сети и библиотек общественного пользования ... сборника «Против антисемитизма». Наряду с ценными материалами об антисемитизме, как, например, речь тов. Ленина в сборнике имеются статьи Б. Пильняка»²³.

Главным аргументом запрета выдвинуто помещение в сборнике рассказов и очерков расстрелянных и Пильняка и Бабеля, книги которых были к тому времени изъяты, как и все книги «разоблаченных врагов народа». Однако, как показывает просмотр ряда других книг на еврейскую тему, включенных тогда в списки Главлита, они вовсе не содержали «криминальных» имен. Следовательно: запрещены они были исключительно из-за своей тематики (в самих же цензурных мотивировках это, разумеется, тщательно маскировалось). Кстати, заодно была изъята «ценная» «Речь о погромной травле евреев» Ленина, записанная им на граммофон в 1919 г. и воспроизведившаяся на граммофонных пластинках вместе с другими 16 речами в 20-х годах (она посвящена исключительно «проклятому прошлому: «..позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев...»); впоследствии эта речь — одна единственная — была исключена из состава пластинки.

Целые десятилетия находился под спудом сборник В.Ф.Ходасевича «Из еврейских поэтов», выпущенный в 1922 г. издательством Гржебина в Берлине. Поэт пишет в предисловии к нему: «Творчество поэтов, пишущих в настоящее время на древнееврейском языке, оказалось для меня наиболее ценным... Переводам с древнееврейского я уделил наиболее времени и труда. Они появлялись в разных альманахах и периодических изданиях. Под общей моей редакцией с Л.Б.Яффе напечатана книга «Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии. Издательство «Сафрут», М., 1918». Оба сборника регулярно включались в списки запрещенной литературы, и не только, по-видимому, из-за того, что они составлены эмигрантом, произведения которого запрещены, но и за «специфическую тематику». В глазах цензуры усугубляло вину автора и составителя то, что он ориентировался на поэтов, пишущих на древнееврейском, в частности, Х.Н.Бялика, что послужило дополнительным криминалом.

* * *

Последний сюжет этой главы: отношение цензуры к еврейской тематике накануне войны с Германией — после заключения пресловутого пакта о ненападении Молотова-Риббентропа в сентябре 1939 г. Как справедливо и точно пишет автор статьи «Советские евреи во второй мировой войне» Реувен Эйнштейн, «...советско-германский пакт был заключен в самый критический момент в истории советского еврейства... очевидно, значительно больше евреев, чем неевреев, критически относились к самому пакту и его влиянию на жизнь в Советском Союзе. Они не могли не тревожиться, читая, например, в газете «Безбожник» от 5 мая 1940 г. статью корреспондента, который незадолго до этого посетил Германию. В ней доказывалось, что наступление нацистов на еврейскую религию было главным достижением Третьего рейха; поэтому дол-

гом советских атеистов было помогать новым политическим союзникам в их борьбе против религии»²⁴. О «странных, непонятных для нашего поколения 22 месяцах между заключением с Гитлером договора о ненападении и началом войны» писал в свое время известный летчик-испытатель, герой войны и писатель Марк Галай в повести «Первый бой мы выиграли»: «Многое представлялось нам необъяснимым, диким, противоестественным... Фашистов перестали называть фашистами — ни в печати, ни в мало-мальски официальных докладах и речах найти это слово стало невозможным ... Да, нелегко было понять, что к чему!»²⁵.

Эти же мотивы звучат и в повести Григория Бакланова «Июль 1941 года», особенно в сцене, происходившей в предвоенном московском ресторане, когда два вылещенных немецких офицера демонстративно покидают ресторан с возгласом: «Постой, Курт! Здесь сидит еврей. Пойдем отсюда». Странное впечатление на евреев (и не только на них, конечно) произвели слова Молотова о «близоруких антифашистах» и телеграмма Сталина о «дружбе, скрепленной кровью».

Совершив чисто «оруэлловский» поворот на 180 градусов, «министрство правды», важным департаментом которого было цензурное ведомство, стало спешно изымать из обращения книги антифашистского содержания, в изобилии издававшиеся в СССР в период между 1933 и 1939 гг. В спецхранилищах оказались десятки книг такого рода. Запрещена была, например, книга Н. Корнева «Третья империя в лицах» (М., 1933), поскольку «автор очень остро говорит об изуверстве германского фашизма и не прочности той базы, на которой держится фашизм. В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике». В книге говорилось, в частности, и о погромной антисемитской кампании в Германии, о зоологическом антисемитизме Геббельса, Розенберга и других идеологов фашизма, распространении в Германии «Протоколов сионских мудрецов» и иной литературы подобного же толка.

Дошло до того, что вошли в список запрещенных книг «Избранные статьи и речи» Эрнста Тельмана (М., 1935), вождя немецких коммунистов, который сидел в это время в берлинской тюрьме Моабит, — опять-таки за «слишком резкие» характеристики фашистских главарей.

Вольфганг Леонгард в книге, точно озаглавленной «Шок от пакта между Гитлером и Сталиным», частично основанной на собственных впечатлениях, пишет о коренной и мгновенной перестройке всей советской пропаганды после 23 августа: «Особенно бросались в глаза изменения, уже на следующее утро после заключения пакта последовавшие в кинопрограммах, а вскоре за тем — и в репертуаре театров. Сразу со всех экранов были сняты известные антифашистские кинофильмы «Професор Мамлок» (по театральной пьесе Фридриха Вольфа) и «Семья Оппенгейм» (по роману Лиона Фейхтвангера). Он же, посещая регулярно Всесоюзную библиотеку иностранной литературы — для чтения, в основном, книг немецких писателей, настроенных антифашистски и живших в эмиграции (в том числе и в Советском Союзе), — заметил, что многие их произведения были сняты с полок²⁶. В свете приведенных выше главлитовских циркуляров в этом, конечно, не было ничего странного: они были спрятаны в спецхраны на долгие годы. В годы войны с Германией их забыли вернуть в так называемые «общие фонды», и некоторые антифашистские книги продолжали оставаться под запретом. Да и что тут удивительного: известны случаи, когда люди, посаженные накануне войны «за антигерманские настроения», продолжали сидеть в лагерях до конца 1941 г. и даже дольше.

В январе 1940 г. начальник Главлита СССР Садчиков отправил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) донесение, в котором обратил внимание на «слишком большую засоренность отдельных томов Большой Советской Энциклопедии» и даже «поставил вопрос» о необходимости изъятия и переиздания отдельных томов. В частности, он обратил внимание на том 36, в котором «на

стр. 8 в тексте объяснения слова «Ласкер Эммануил» напечатано: «После установления в Германии фашистской диктатуры Л. приехал в 1935 г. на постоянное жительство в Москву»²⁷. Лишь начало войны с «дружественной страной» и резкая смена курса предотвратили невиданную в истории акцию — перепечатку целых томов энциклопедии.

Не менее показательны манипуляции с текстом рассказа Аркадия Гайдара «Голубая чашка», производившиеся цензурой накануне войны. Самих документов обнаружить не удалось, но сравнение первого издания рассказа в 1936 г. с переизданием его в 1940-м отчетливо демонстрирует смену ориентиров. Вот некоторые примеры. Издание 1936 г.: «Есть в Германии город Дрезден, и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей»...» 1940-й: «Есть за границей какой-то город, и и вот из этого города убежал от буржуев один рабочий...». 1936 г: «Дура, жидовка! — орет Пашка. — Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта (дочь рабочего-еврея, бежавшего от фашистских погромов в СССР. — А.Б.) дуру по-русски хорошо понимает, а жидовку еще (ничего, скоро поймет! — А.Б.) не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое «жидовка»? А мне и сказать совестно. Подождал — и вижу: на глазах у нее слезы. Значит, сама догадалась... Я и думаю: «Ну, погоди, приятель Санька, это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!». 1940-й: «Дура, обманщица! Чтоб ты в свою заграницу обратно провалилась! А Берта по-русски хорошо понимает, а дуру и обманщицу еще не понимает никак. Подходит ко мне и спрашивает: «Это что такое дура?» А мне и сказать совестно... Я и думаю: «Ну, погоди, приятель Санька, с твоим-то буржуйством мы и сами справимся!».

Комментарии, как говорится, здесь излишни... Единственным, впрочем, комментарием могло бы послужить четверостишие Дона Аминадо (псевдоним Аминодава Пейсаховича (или Аминада Петровича в принятом «пере-

воде») Шполянского (1887–1957), лучшего поэта-сатирика русского эмигрантского зарубежья):

В смысле дали мировой
Власть идей непобедима:
От Дахау до Нарыма
Пересадки никакой²⁸.

* * *

В романе И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» советский журналист уверяют американского коллегу, едущего на открытие Турксиба, что в советской стране нет никакого антисемитизма, ибо для этого нет социальных корней. Американец недоумевает: «Но ведь в России есть евреи? Значит, есть и вопрос?» «Нет, — отвечает журналист. — Евреи есть, а вопроса нет»²⁹. Наивный американец не мог понять, что в условиях тоталитаризма любой «вопрос» мог быть объявлен несуществующим, ситуация, поразительно напоминающая деятельность «Министерства правды», в котором работает главный герой романа Джорджа Оруэлла «1984». История переписывается в нем каждый день в соответствии с последними указаниями Старшего Брата. Исчезнувший человек объявляется «не лицом»: «Он не существовал. Он никогда не существовал»³⁰. По аналогии можно было бы сказать, что в те годы в СССР пропадали и объявлялись несуществующими не только отдельные «нелица», но и целые «ненации». Разумеется, евреи не были исключением: проводимая в конце 30-х годов Сталиным имперская политика великороджавия, постоянные заигрывания с «великим русским народом» привели к существенному ограничению культурных и политических прав многих народов. Но игра на традиционных, увы, предрассудках в отношении евреев дала наиболее впечатляющие результаты. Цензура, этот надежный и испытанный инструмент проведения идеологии, играла в этом далеко не последнюю роль.

«СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ»...

Эта знаменитая начальная строка стихотворения Давида Самойлова, хотя относятся к периоду войны («военные и фронтовые»), может быть приложима ко всему десятилетию. Первая половина 40-х — небывалый в истории геноцид, организованный фашизмом, вторая — как будто подхваченная Сталиным эстафета: разнужданная, оголтелая антисемитская кампания, приведшая к арестам и расстрелам выдающихся деятелей еврейской культуры, чуть не закончившаяся массовым истреблением в начале 50-х. Природный антисемитизм Сталина, о котором не раз пишет в своих мемуарах его дочь Светлана Аллилуева, в годы Отечественной войны все-таки отступил на второй план, а практические его проявления отложены «до лучших времен». Противостояние немецкому фашизму, решившему «окончательно решить еврейский вопрос», игры с союзниками, страшные поражения начала войны — все это заставило в какой-то степени снять табу с темы.

Впервые, после долгого запрета, позволено было 24 августа 1941 г. виднейшим представителям культуры — Илье Эренбургу, Сергею Эйзенштейну, Перецу Маркишу, Самуилу Маршаку, Давиду Бергельсону и другим — открыто заявить о своей принадлежности к еврейскому народу, обратившись к братьям евреям всего мира, и сказать об ужасах и бедствиях, «которые принес фашизм человечеству и с особенным остервенением — еврейскому народу...»¹. В этом же году создается Еврейский антифашистский комитет во главе с Михоэлсом, в который входят и все крупнейшие поэты и прозаики, писавшие на идише.

Литература на этом языке в годы войны переживает значительный подъем. Выходит довольно много книг;

позволено было обратиться к традиционным, героическим по-преимуществу библейским образам, открыто выражать свои национальные чувства и даже говорить о солидарности евреев всего мира перед лицом тотального уничтожения, о героизме, проявленном евреями на фронтах войны². Но вот что примечательно: такой относительный либерализм идеологического руководства и, соответственно, цензуры, свойствен лишь первым годам войны. Как только наступает перелом и советская армия переходит в наступление (1943 г.), так сразу же меняется и общая тональность публикаций, и отношение контролирующих органов к теме. В этом году ЦК рассыпает на места негласную «рекомендацию»: ограничить выдвижение евреев на руководящие должности. Еще раньше, в 1942 г., в дни Сталинградской битвы, как оказалось, у руководства Управления и агитации ЦК не было более «актуальной» задачи, как поднять вопрос «О подборе и выдвижении кадров в искусстве», причем опять-таки злополучная национальная тема вынесена была на первый план: в учреждениях искусства, по их уверениям, непропорционально представлены «нерусские люди (преимущественно евреи)³. В результате тогда же началась масовая этническая чистка в сфере искусств (театр, музыка, кинематография), «освежение кадров» в издательствах и редакциях крупных газет. Жертвами этой чистки оказались преимущественно «лица еврейской национальности». В публикациях исчезают упоминания о героях войны с еврейскими фамилиями. В статистических данных о национальном составе награжденных боевыми орденами и медалями эта «неудобная нация» исчезает (тогда как, по данным 1943 г., евреи занимали 4-е место по числу награжденных — после русских, украинцев и белоруссов)⁴. Очевидно, определенные указания были тогда же получены и цензурными инстанциями: во всяком случае, их практика показывает, что вновь началось постепенное замалчивание этой темы, вначале не очень открыто, а по

мере приближения к победе, все более и более ясно и определено.

Одним из первых случаев цензурного вмешательства (по крайней мере, известным мне) следует, видимо, считать запрет на публикацию статьи Клары Блюм в журнале «Интернациональная литература». 11 августа того же, 1943 г., начальник Главлита СССР Садчиков обратился в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с особой докладной запиской, приложив к ней отчет цензора «о его важнейших вмешательствах в журнал». В нем говорилось:

«О 4-м номере журнала «Интернациональная литература»

Предложено снять статью Клары Блюм. В ней говорится о попытке истребления фашистами еврейского народа. Статья короткая (2 стр), но автор сумел сказать в ней много лишнего и неправильного. В частности, указанная доля евреев - красноармейцев в героических действиях Красной Армии в процентном отношении больше, чем процент еврейского населения к общему населению СССР. Но «...именно потому, что евреи любят мир, именно потому, что они всеми своими нервами против насилия и против пролития крови, они стоят в передних рядах в войне против фашистских зверств, и к величайшим достижениям своим в области философии, поэзии, музыки и социологии присоединяются такие же великие достижения и в пятой области, а именно военной»⁵.

Понятно, что статья была «снята». Однако нужно иметь в виду, что идеологическому руководству сообщалось лишь о случаях «важнейших цензурных вмешательств»: очевидно, этот случай был отнесен именно к таковым.

Не менее показательна и красноречива «жизнь и судьба» литературных произведений Василия Гроссмана в цензуре. Как известно, судьба евреев волновала писателя постоянно, а с течением времени все больше и

больше, начиная с первых его литературных опытов (упоминавшегося ранее раннего рассказа «В городе Бердичеве»). В годы второй мировой войны, эта тема, в силу известных причин, под пером Гроссмана приобретает еще более трагическое звучание. И сразу же включается механизм подавления — два бесчеловечных режима, ведущих между собой беспощадную войну, в этом смысле протягиваю друг другу руки.

«... Еще шла война, — вспоминает друг писателя Семен Липкин, — когда очерк Гроссмана «Украина без евреев» вызвал злобу начальства и был с большим трудом напечатан во второстепенном издании»⁶. По-видимому, речь идет о публикации в газете на идише «Эйникайт» (1943, 25 ноября и 2 декабря), которая была оборвана скорее всего за косвенные и глухие, по причинам вполне понятным, обвинения в адрес местного населения, сведома и не без участия которого порой проходили акции по массовому уничтожению евреев на Украине. На русском языке очерк вышел почти спустя полвека (рижский журнал «Век»). Как сообщают публикаторы, нашедшие рукопись очерка в архиве писателя, Гроссман первоначально предложил его журналу «Красный воин», но безуспешно: «последний раз слово «еврей» мелькало на его страницах в 1928 г.»⁷.

С большим трудом проходил в цензуре в 1945 г. очерк «Треблинский ад», напечатанный все же тогда в «Знамени», написанный Гроссманом на основе рассказов чудом уцелевших узников, крестьян соседних деревень и других свидетелей. В дальнейшем он не включался ни в один из сборников Гроссмана. Анна Берзер вспоминает: «После «Знамени» «Треблинский ад» вышел еще раз. У меня хранится это издание, подаренное мне когда-то, в конце его жизни. Крошечного формата тоненькая книжечка, на серой, плохой, сейчас пожелтевшей бумаге. Переплет — тоже бумажный. Сверху над черной чертой черным курсивом написано — Василий Гроссман. В середине тоже черно и даже страшно — «Треблинский», а

«ад» — белыми буквами на черном фоне. Художник передал что-то от этой вещи. Посредине эта тетрадочка проткнута какой-то скрепкой - одной. Так выглядит эта книга, похожая на домашнее издание. Но это не так. На ней написано - «Военное издательство. 1945 год». Говорили тогда, что книга была выпущена специально к Нюрнбергскому процессу⁸.

Тема Холокоста становится табуированной буквально на следующий день после победы: не то, чтобы вообще запрещено было касаться ее в печати (это будет впереди!), но «рекомендовано» — пресловутая анонимно-партийная формула «есть мнение» — говорить об этом как можно меньше. Коснулось это и литературы на идише. Одним из исследователей подмечен интересный феномен: писатели, пытаясь найти выход из ситуации, географически переносят место действия за пределы СССР, главным образом, в Польшу: «Карбонес» («Жертвы») Дер Нистера, «Милхоме» («Война») Переца Маркиша, «Аф тойт ун аф лебен» («Вопрос жизни и смерти» — драматическая поэма, посвященная восстанию Варшавского гетто) С.Галкина⁹. Касаться же не менее трагических событий на Украине и в Белоруссии «не рекомендовалось».

Хорошо известна драматическая судьба знаменитой «Черной книги», в создании которой Гроссман принял самое активное участие с конца 1943 г. вместе с И.Г.Эренбургом. Деятельное участие в создании ее приняли Павел Антокольский, Вениамин Каверин, Маргарита Алигер, Вс.Иванов и другие деятели культуры. В нее вошли страшные документальные свидетельства геноцида на территории СССР и Польши (подлинные приказы командования, рассказы мучеников гетто и концлагерей, их дневники, предсмертные письма, фотографии, песни, стихи и т.д.). Идея создания «Черной книги» принадлежала Альберту Эйнштейну и возглавляемому им «Комитету писателей, ученых и общественных деятелей Аме-

рики». В состав редакционной коллегии вошли ученые и писатели разных стран; СССР был представлен деятелями Еврейского антифашистского комитета (С. Михоэлс, И. Фефер, Д. Бергельсон, П. Маркиш и другие). В 1944–45 гг. издательство «Дер Эмес» выпустило на идише 1-ю и 2-ю части книги под названием «Народоубийцы». В следующем году варианты «Черной книги» вышли в Румынии, а затем в США на английском языке.

Уже подготовленная и набранная книга в 1948 г. пошла под нож, когда в 1948 г. был закрыт ЕАК. Рукопись, полученная архивом Мемориального института памяти жертв нацизма и героев Сопротивления «Яд Вашем», к счастью, сохранилась и была издана в 1968 г. в переводе на иврит в Израиле издательством «Тарбут» («Кольцо»). В России «Черная книга», подготовленная сотрудниками упомянутого выше Института, появился лишь в 1991 г.¹⁰.

* * *

Крайне выразительна в этом же смысле цензурная судьба поэмы Маргариты Алигер «Твоя победа», написанной в 1944-начале 1945 гг., в которой она впервые обращается к теме Катастрофы.

Попытка публикации ее в журнале «Знамя» в 1945 г. вызвала незамедлительную негативную реакцию высших идеологических инстанций. Заведующий Управления пропаганды и агитации А. М. Еголин посыпает секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову обширный «материал по художественной литературе, в связи с докладом издательства «Советский писатель» на Оргбюро ЦК ВКП(б)». Отмечая идейные и политические просчеты в журнальных и иных публикациях, он, в частности, сообщает: «Маргарита Алигер написала большую поэму «Твоя победа». Отрывки из нее прочитаны по радио, в полном виде поэма намечалась к напечатанию в журнале «Знамя», № 5–6 за 1945 год. В поэме имелся

целый ряд серьезных политических ошибок, и она к печати не разрешена»¹¹.

В 1946 г. поэма все же вышла в свет отдельной книжечкой, но в крайне усеченном и изуродованном виде: «смягчены» или совсем удалены были именно те места, в которых речь идет об участии евреев в годы войны, о великих представителях этой нации, героизме, проявленном евреями на фронте. Судя по всему, Маргарита Алигер читала ее в полном, доцензурном виде в различных аудиториях, чем и вызвано было «совершенно секретное» донесение начальника 2-го Управления МГБ СССР Федотова заведующему Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову, посланное 12 июля 1946 г.: «При этом направляю стихотворение Маргариты Алигер, которое она распространяла среди ленинградских писателей во время своего пребывания в Ленинграде в начале июля 1946. Приложение: упомянутое на 3-х листах»¹². На самом деле, приложена только одна глава поэмы, в которой речь идет как раз о трагической судьбе евреев в годы войны, о героизме, проявленном ими на фронте. МГБ никак не комментирует эту главу, полагая, что и так все ясно...

Сравнение «упомянутого» приложения с текстом издания 1946 г. позволяет сейчас выявить главные цензурные купюры и замены в главе, посвященной еврейской теме поэмы «Твоя победа»

Приведу лишь один, наиболее выразительный и наглядный пример. Вместо строф:

Лорелея, девушка на Рейне,
Старых струн зеленый перезвон.

В чем вы виноваты —
Генрих Гейне, Ньютон,
Оппенгеймер, Мендельсон.
Я спрошу у Маркса и Эйнштейна,
что великой мудростью сильны,
Может, им открылась тайна

Нашей перед вечностью вины?
Милые полотна Левитана,
Добрые свечения берез,
Чарли Чаплин с полосы экрана,
Вы ответьте мне на мой вопрос.
Разве все, чем были мы богаты,
Вы не раздали без лишних слов?
Чем мы перед миром виноваты
Эренбург, Багрицкий и Светлов...

— напечатана такая довольно беспомощная строфа:

Знаю я поэтов и ученых
Разных стран наречий и веков,
По-ребячью жизнью увлеченных,
Благородных, грустных шутников,
Щедрых, не жалящих талантов,
Не таящих лучших сил души,
Знаю я врачей и музыкантов,
Тружеников малых и больших...

Такие примеры можно было бы умножить, но уже только один этот достаточно ясно демонстрирует смысл и характер цензурной экзекуции. Но даже в таком изуродованном виде поэма вызвала суровую критику, а в дальнейшем была подвергнута полному запрету и не входила в сборники поэтессы в течение почти 40 лет. В это время она весьма широко распространялась в списках знаменитого российского «самиздата», и часто фигурировала в качестве «улики» при обысках подозреваемых в «еврейском национализме» и «сионизме».

Долгое «самиздатское» бытование этого текста породило массу фантастических версий и легенд. Он приписывался разным авторам, на него сочинялись «ответы», авторами которых назывались популярные поэты и писатели, чаще всего — Илья Эренбург, считавшийся «национальным лидером» евреев в годы войны. Г. Костырченко,

автор книги «В плену у красного фараона», пишет по этому поводу: «... В сотнях списков ходили по рукам приписываемые ему и М.И.Алигер неумело написанные и наивные стихи (скорее всего, плод народного творчества), в которых звучала вечная тема еврейского самопознания». Он приводит вариант этой стихотворной переписки, присланной Эренбургу студенткой из Донецка (тогда Сталино) Еленой Сотник, которая «случайно обнаружила их у своей подруги-еврейки, обвиненной потом в буржуазном национализме»¹³. Автор ошибается: если «ответ Эренбурга», начинавшийся таким четверостишием:

На Ваш вопрос ответить не умею,
Сказал бы я: нам беды суждены,
Мы виноваты в том, что мы евреи.
Мы виноваты в том, что мы умны...

а заканчивающийся так:

И сотни тысяч новых маккавеев
Он породит грядущему в пример.
И я горжусь, горжусь и не жалею,
Что я еврей, товарищ Алигер —

действительно беспомощны в поэтическом отношении и несомненно относятся к фольклору, то этого нельзя сказать о фрагменте из поэмы Алигер, напечатанном тут же. Это действительно строки Алигер, хотя приведенная версия и содержит элементы и вкрапления народного творчества, что и немудрено в самиздатовской версии.

Лишь за год до «перестройки» поэма «Твоя победа» все же вошла в 1-й том трехтомного «Избранного» М.Алигер (М., 1984). Следует предположить, что проходила поэма в цензуре и редакции (редакторы в это время были уже пострашнее самих цензоров!) с большим трудом, и подверглась изменениям даже в сравнении с изданием 1946 г. Уже совершенно анекдотично выглядят в «Избранном» такие замены, сделанные, очевидно, с ведома поэтессы и, скорее всего, ею самой: вместо —

...И потомков храбрых Маккавеев,
Кровных сыновей своих отцов... —

напечатано:

Помню не потомков Маккавеев
В комсомоле выросших ребят... (!).

Или — вместо:

Прославляю вас во имя чести
племени, погибшего в веках... —

читаем:

Вы пошли со всем народом вместе
Под одной звездой, в одном строю... и т.п.

В полном и неискореженном виде поэма, к сожалению, до сих пор не напечатана.

* * *

Чем ближе к роковому 1948-му, тем больше сгущаются тучи над еврейской темой и литературой. Пресловутое постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклад Жданова о них, появившиеся в августе 1946 г., жертвами которых стали М.М. Зощенко и А.А. Ахматова, имена которых выбраны для «урока» всем другим писателям, означали конец некоторой либеральной эйфории, охватившей круги советской интеллигенции сразу же после окончания войны. Снова повеяло смертельным холодом...

Это сразу же коснулось и еврейской литературы: антисемитская кампания готовилась государством исподволь. «Снята» была практически в печати тема участия евреев во 2-й мировой войне. Явно по недосмотру цензуры в 1947—48 гг. вышли в издательстве «Дер Эмес» две книги на эту тему: Г.Д. Смоляра «Мстители гетто» и «Партизанская дружба. Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны». Пос-

ле этого, вплоть до конца 80-х годов, на целые 40 лет, тема подверглась полнейшему замалчиванию.

В конце 1946 г. внимание партийных инстанций вызвало творчество Переца Маркиша. 29 декабря на имя секретаря ЦК А.А. Кузнецова было послано «секретное донесение» заведующего Управлением кадров ЦК ВКП(б) М.Щербакова, хотя вроде бы наблюдение за литературой и не входило в его прямые служебные обязанности. Впрочем, в это время не столько «кадры решали все» (Сталин), сколько кадровики...¹⁴. Вот что он пишет:

«В журнале «Советская книга», №8-9 за 1946 г. напечатана рецензия профессора Нусинова на книгу стихов Переца Маркиша, выпущенную Гослитиздатом на русском языке. Между тем, ряд произведений Маркиша, в том числе и упоминаяемая Нусиновым «Война», имеют националистическую и религиозную окраску, о чем мы сообщали Вам в записке о положении в еврейской литературе.

Поэма «Война», воспевающая библейские образы и националистические идеи, встретила восторженные отзывы среди зарубежного еврейства. Профессор Нусинов, рецензируя поэму, пишет:» Произведения Переца Маркиша об Отечественной войне были оценены одним из популярнейших американских еврейских писателей Я.Гладштейном как «чудо еврейской поэзии». Эти слова Гладштейна с полным одобрением были процитированы многими еврейскими газетами Америки в их отзывах о поэме «Война». Я.Гладштейн, перед которым так подобострастно расшаркивается Нусинов, является ярым реакционером, ненавидящим Советский Союз. В течение многих лет он редактировал журнал «Ин зих» («В себе»), заполняющийся клеветой и измышлением о Советской Стране... Мы считаем, что редакция журнала «Советская книга» допустила политическую ошибку, опубликовав рецензию профессора Нусинова».

На доносе — резолюция Кузнецова: «Т. Александрову. Необходимо поправить журнал «Советская книга»

и и навести критику на Нусинова и П.Маркиша через газету «Культура и жизнь». Кузнецову переслан был подробный ответ заместителя Александрова — А.М.Еголина, сопровожденный примечанием, что «приведенные в записке соображения заслуживают внимания». Идеологи, надо сказать, не согласились с кадровиками, и пришли к «выводу, что утверждение о религиозно-националистической окраске, якобы присущей творчеству Переца Маркиша, неправильно. Наоборот, в его произведениях ярко отразились идеи братской дружбы народов нашей страны.... Обращаясь к еврейскому вопросу, Перец Маркиш пишет:

Одна у братьев мать, и родина — одна.
И, умирая, ты сжимаешь верный меч
И землю русскую целуешь по-сыновьи,
Костью готовый за Россию лечь.

Перец Маркиш — еврейский поэт; естественно, что в некоторых его произведениях говорится о тяжелом прошлом еврейского народа, о его страданиях, принесенных ему гитлеровским нашествием. Однако он ни в какой мере не идеализирует прошлого. Мотивы расовой исключительности еврейства, которые дали бы основание говорить о религиозно-националистическом уклоне, совершенно отсутствуют в поэзии П.Маркиша».

Ошиблись кадровики и в другом: оказывается, «упоминаемый в рецензии Яков Гладштейн пользуется в прогрессивных кругах зарубежного еврейства большим авторитетом. Недавно отмечавшийся его 50-летний юбилей вызвал благожелательные статьи о нем в прогрессивном журнале «Еврейская культура». Этот журнал является органом Всемирного союза деятелей европейской культуры», возглавляемого и руководимого членом Коммунистической партии США Мармером. Статья Якова Гладштейна о П.Маркише была напечатана в американском журнале «Эйникайт», занимающем дружественную позицию по отношению к СССР, редактором которого явля-

ется председатель американского Еврейского антифашистского комитета Б. Гольдберг. Эта статья заканчивается словами: «Салют, Перец Маркиш!» Печатая статью, редакция снабдила ее следующим примечанием: «А мы салютируем (так! – А.Б.) товарища Гладштейна за его объективную оценку роста советской литературы».

Выступление против Якова Гладштейна в советской печати в настоящее время может нанести ущерб»¹⁵.

Такая неожиданная защита объясняется рядом причин. Во-первых, кадровики несколько опередили события: команда еще не была дана. Во-вторых, они вторглись в «елархию» идеологов ЦК. Самое же главное состоит в том, что как раз в это время развернулась кремлевская «борьба под ковром» между двумя секретарями ЦК – Ждановым и Кузнецовым, отмеченная в литературе¹⁶. Первый не мог потерпеть посягательства на свою сферу влияния – идеологию. Жертвами стали почти все участники этой «дискуссии» и ее персонажи: А.А. Кузнецов, бывший первый секретарь ленинградского обкома, переведенный в начале 1946 г. на пост секретаря ЦК, расстрелян в 1950 году по так называемому «Ленинградскому делу»; расстрелян спустя два года Перец Маркиш по делу ЕАК; в 1950 г. погиб в тюрьме рецензент его книги, один из крупнейших литературоведов, много и успешно занимавшийся историей еврейской литературы профессор Исаак Маркович Нусинов, арестованный по этому же делу. Во время следствия по делу ЕАК произошел типичный очередной, чисто «оруэлловский», поворот. Вчерашний «друг Советского Союза», к авторитету которого прибегают идеологи, Бенджамин Гольдберг, становится «американским шпионом», «агентом Джойнт». Сподвижник Эйнштена по антифашистской деятельности, зять Шолом-Алейхема, он незадолго до процесса побывал в СССР, встречался со многими еврейскими писателями. В результате этого, в следственных томах по этому делу имя его встречается чрезвычайно часто и даже заводится особый том, озаглавленный «Документы о пребывании

в Москве американского шпиона Гольдберга (он же Вейф Бенджамин)». Именно ему инкримировалось намерение издать в Америке «Черную книгу», «собрав лишь материалы о зверствах немецких фашистов над еврейским населением».

Лубянские правоведы не только обвинили составителей «Черной книги» в злокозненном «национализме» и «выпячивании» страданий евреев в годы Катастрофы, но дошли до того, что объявили их «пропагандистами» нацизма, поскольку «с подозрительной, чрезмерной подробностью излагают расистские взгляды Гитлера», цитируют бредовые замыслы Гитлера и его пособников о порабощении мира и искоренении коммунизма, предоставляемые авторам этих планов самую широкую трибуну»¹⁷.

Не менее характерно, что главным мотивом обвинения на следствии стали «националистические» и «религиозные» произведения Маркиша военных лет — стихотворение «Бойцу-еврею» и все та же поэма «Война», на которую поступил донос 1946 г. Незадолго до ареста поэта А.А.Фадеев, пригласив его в Союз писателей, сообщил, что на него написан донос в ЦК, в котором он обвинен «в сионизме и буржуазном национализме, проявившемся в поэме «Война», и что донос написан людьми, «с мнением которых в ЦК считаются»¹⁸.

Зверское убийство Михоэлса в ночь на 13 января 1948 г. стало началом страшной террористической юдофобской «пятилетки», которую оборвала только смерть «вождя всех народов». Как известно, был уничтожен ГОСЕТ, так же как и еврейские театры в Минске и Киеве, закрыто издательство «Дер Эмес», прекращено издание книг на идише, закрыта газета «Эйникайт». Сотрудничество в ней автоматически квалифицировалось следователями МГБ как «буржуазно-националистическая пропаганда», в то время как трудно назвать имя сколько-нибудь значительного еврейского литератора, который бы тогда в ней не сотрудничал. В феврале Политбюро приняло решение, подписанное Сталиным, о роспуске

всех объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске; закрыты единственные альманахи на еврейском языке — московский «Геймланд» и киевский «Дер Штерн».

В течение 1949 г. был арестован весь цвет еврейской литературы. Практически уничтожена была вся еврейская культура. Умерли в тюрьме Исаак Нусинов и Дер Нистер, расстреляны 12 августа 1952 г. Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Лейб Квитко, Ицик Фефер, Самуил Персов, Давид Бергельсон. В глазах следователей МГБ и приглашенных «экспертов» часто единственной «уликой» и «составом преступления» становился язык, на котором пишут поэты и прозаики. Теперь уже не иврит, запрещенный еще в 20-е годы, а прославляемый тогда же идиш стал в свою очередь криминальным. Ненависть же к первому дошла до того, что в разгар кампании был спешно уничтожен небольшой запас наборных древнееврейских шрифтов.

Массовые аресты писателей, журналистов, театральных деятелей и других «лиц еврейской национальности» (логократическая власть всегда прибегала к такому устойчивому лексическому сочетанию, не рискуя произнести просто слово «евреи»; сейчас подобное же сочетание применяется к «лицам кавказской национальности») продолжались с января до лета 1949 г. Факт массовых арестов тщательно скрывался, зато явной стала борьба с «бездонным космополитизмом» — другой эвфемизм, за которым скрывалась все та же гонимая нация.

28 января 1949 г. в «Правде» публикуется статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», причем еврейские фамилии были для приличия разбавлены русским именем Леонида Малюгина и армянским Григория Бояджиева. По предложению К. Симонова и А. Софонова, все они были исключены из рядов Союза Советских писателей (И. И. Юзовский, А. С. Гурвич, А. М. Борщаговский и другие)¹⁹. Началась борьба с «беспечными бродягами человечества»; скрыть ее юдо-

фобский смысл было невозможно, да власти и не пытались даже хоть как-то закамуфлировать ее целенаправленный характер: «массы» нужно готовить... Печать радостно подхватила этот почин: начались массовые разоблачения «скрытых космополитов», раскрытие псевдонимов, публикация фельетонов и рисунков с явно антисемитским душком.

Целенаправленная и систематическая подготовка разгрома еврейской культуры, так же, как и к развязыванию юдофобской кампании самого низменного свойства, началась сразу же после войны. Еще в 1946 г. начальник Главлита СССР К.Омельченко сигнализировал в Управление пропаганды и агитации ЦК: «Издательство «Дер Эмес» печатает на еврейском языке романа Х.Меламуда «Земля». Тема романа — переселение евреев одного украинского местечка на землю и переход их к сельскохозяйственному труду. События относятся к 20-м годам. Роман построен на конкретном материале. Автор романа не показал руководящую партии в деле социального преобразования еврейских масс. Представители Советской власти показаны как эпизодические фигуры, партия упоминается лишь вскользь. По роману Меламуда получается, что землеустройство и коллективизация еврейских масс совершились стихийно. Главлит считает, что в таком виде выпустить роман нецелесообразно и его необходимо переделать»²⁰.

Роман «Эрд» Хайма Меламуда все-таки успел выйти в свет в начале 1948 г., хотя и в переделанном виде: усиlena, как обычно, роль партии. Это была последняя книга издательства «Дер Эмес» перед долгой полосой полнейшего запрета издания — вплоть до 1959 г. — каких бы то ни было книг на еврейском языке в СССР. Хотя инициатива расправы исходила сверху и практически выполнялась идеологическими инстанциями и органами госбезопасности, собственно цензурные учреждения приняли «соответствующие меры» по своим каналам: началось массовое изъятие и уничтожение книг арестованных

писателей. Каждый раз, согласно установленному правилу, списки изъятой литературы должны были получить санкцию ЦК, о чем свидетельствует, в частности, такая записка начальника Главлита в Управление пропаганды, датированная 13 марта 1949 г.: «Посылаю по Вашему запросу список произведений Бергельсона Д., Галкина С., Гофштейна Д., Квитко Л., Маркиша П., Нусинова И., Фефера И., Штерн Л. и Юдина С. Приложение на 46 страницах»²¹. Список этот получил «благословение», и все указанные книги были изъяты из библиотек общественного пользования и книготорговой сети. Более того, опасаясь, видимо, что не все книги арестованных литераторов и ученых попали в список, Главлит пошел в том же 1949 г. еще дальше, разослав циркулярно «Алфавитный список авторов, в с е произведения которых изымаются из библиотек и книготорговой сети». В нем, в частности, фигурируют: «Галкин Самуил Залманович (художественная литература), Квитко Лев Моисеевич (художественная литература), Маркиш Перец Давидович (художественная литература), Фефер Ицик (художественная литература), Штерн Лина Соломоновна (физиология, медицина), Нусинов Иссаак Маркович (литературоведение)»²².

Главлит, однако, не ограничился только именами находящихся под следствием ученых и писателей. Получив, видимо, указание сверху, он впервые подверг массовому изъятию сотни книг «сионистской тематики». 15 июня 1949 разослан был по инстанциям «Приказ № 620 об изъятии изданий, не подлежащих использованию в библиотеках общественного пользования и книготорговой сети», куда был включен состоявший примерно из 500 названий список сплошь «сионистских» и «националистических» еврейских книг на русском языке. Как и прежде, список был послан в ЦК на «утверждение». В архивном его экземпляре сохранилась крайне любопытная «Справка»: «Этот список был послан в ЦК

ВКП(б). Т.Усов (Отдел пропаганды и агитации) отметил в тексте те названия, которые подлежат изъятию, и по поручению т.Пономарева (Сектор библиотек) просил включить эти названия в разные списки»²³.

Видимо, в ЦК посчитали «неудобным» и «политически неправильным» акцентировать внимание сотрудников библиотек, занимавшихся изъятием книг, на этой акции: лучше «разнести» такие издания в разные списки, так сказать, разбавить их иной тематикой, с тем, чтобы они были не так заметны. Это был, конечно, «секрет Полишинеля», но такое указание Главлит, естественно, выполнил: появился ряд списков, в которых, как бы между прочим, фигурируют и книги указанной тематики. В них вошли издания «Кадимы», вышедшие еще в 1917 – 1918 гг., о которых речь шла в 1-й главе, труды по еврейской истории, книги лидеров сионизма – Т.Герцля, В.Жаботинского, А.Идельсона, Д.Пасманика, «Избранные сочинения» Ахад-Гаама, бюллетени и журналы «Паолей-Циона». Остракизму подверглись книги и справочники 30-х годов, посвященные еврейской тематике: «Евреи в СССР» (М.,1935), «Евреи в царской России и СССР. Краткий путеводитель по выставке» (издание Гос.музея этнографии, 1939г.); справочники, в которых упоминаются арестованные писатели, в частности – справочник «Еврейские писатели СССР» в издании Литературного фонда (М.,1936); из новейших – издания Еврейского Антифашистского Комитета, например, «Еврейский народ против фашизма. Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума Антифашистского Еврейского Комитета (М.,1945), и многие другие.

В сводный «Библиографический список устаревших изданий, не подлежащих использованию» (М.,1952) включено множество книг такой же тематики, в частности, все книги И.Д.Добрушина о Михоэлсе и Зускине на еврейском языке, его же пьесы, сборник «Еврейские народные сказки» и т.д. Попали в него и книги 20-х годов, направленные против антисемитизма, о которых шла речь ранее.

Аресту подвергся, например, «Сборник художественных произведений против антисемитизма «Неодоленный враг» (М.»Федерация», 1930), составленный В.Вешневым. В него вошли в частности, произведения В.Г.Короленко, С.Юшкевича, Д.Айзмана, отрывок из «Разгрома» А.Фадеева («Левинсон»), рассказы И.Бабеля и других писателей.

Часть работы по целенаправленному уничтожению литературы возложена была в 1948-1952 гг. на республиканские Главлиты и областные отделения. Наиболее активная работа поводилась в этом направлении Украинским и Белорусским Главлитами: ими присыпались обширные списки книг на идише, иврите и соответственно украинском и белорусском языках. Биробиджанскому облгорлиту поручалось «разобраться» с местными изданиями, что и было им выполнено. 17 сентября 1949г. Главлитом был «утвержен приказ Обллита Еврейской Автономной Области №7 от 10 августа сего года об изъятии из библиотек общественного пользования и книготорговой сети нижеследующей литературы: журналы «Биробиджан» с 1941 по 1948 гг. и «Форпост» (Биробиджан, 1939—1941) — все номера»²⁴.

Все издания, попавшие в проскрипционные списки Главлита, были уничтожены; в лучшем случае, запрятаны в «книжный ГУЛАГ» — спецхраны нескольких крупнейших библиотек страны. Реабилитированы они были, несмотря на некоторый откат государственного антисемитизма в эпоху «оттепели», только спустя 40 лет, в годы «перестройки».

* * *

В том роковом 1949 г., в самый разгар юдофобской кампании, Василий Гроссман закончил роман «Сталинград», получивший позднее, при публикации, новое название — «За правое дело». Рукопись была сдана в «Новый мир», который возглавлял тогда Константин Симонов. После целого года проволочек роман был отвергнут.

Рукопись еще находилась в редакции, когда на смену Симонову пришел Твардовский, принявший самое горячее участие в судьбе романа. Прочитав рукопись, новый главный редактор пришел от нее в такой восторг, что среди ночи приехал к Гроссману с торжественными поздравлениями. Решено: «Новый мир» печатает роман...

Однако, как вспоминает С.Липкин, «опомнившись, Твардовский выставил три серьезных возражения: 1. Слишком реально, мрачно показаны трудности жизни населения в условиях войны да и сама война. 2. Мало о Сталине. 3. Еврейская тема: один из главных героев, физик Штрум — еврей, врач Софья Левинтон, описанная с теплотой, — еврейка. «Ну сделай своего Штрума начальником военторга» — советовал Твардовский. «А какую должность ты бы предназначил Эйнштейну?» — сердито спросил Гроссман»²⁵.

Твардовский действовал обдуманно, решив заручиться поддержкой М.А.Шолохова как члена редколлегии «Нового мира», но вместо этого получил такую «резолюцию»: «Кому вы поручили писать о Сталинграде? В своем ли вы уме? Я против». Тогда было выставлено такое мощное орудие как начальник всех советских писателей и член ЦК партии А.А.Фадеев. Секретариат Союза писателей в целом отнесся к роману положительно, высказав лишь ряд «пожеланий», среди которых — изменить название романа, а также: «Штрум отодвигается на задний план, у Штрума должен быть учитель, гораздо более крупный физик, русский по национальности»²⁶.

Для того, чтобы обезопасить публикацию, Твардовский 4 июля 1950 г. обращается с письмом к всесильному тогда помощнику Сталина А.Н.Поскребышеву:

«Редколлегия журнала «Новый мир» приняла к печати и намечает опубликовать в ближайших номерах, начиная с № 9, роман писателя Вас. Гроссмана «Сталинград». В этом романе в ряде глав показаны тов. И.В.Сталин, а также товарищи М.И.Калинин, В.М.Молотов, Л.П.Берия, Г.М.Маленков, Н.С.Хрущев и другие руководители

партии правительства. Соответствующие места романа отмечены на полях прилагаемой верстки красным карандашом. Просим Вас дать разрешение на публикацию романа В.Гроссмана «Сталинград» .

Судьба романа, как видно из других документов Управления пропаганды и агитации ЦК, по заведенному правилу решалась на самом верху. Роман был послан на рецензию в Институт марксизма-ленинизма. Старший научный сотрудник Т.Зеленов высказал ряд претензий к автору, такую, в частности: «Автор романа не совсем удачно обобщает тип передового советского научного работника Штрума, который, услышав первые слова из выступления И.В.Сталина, «ужаснулся, неужели Сталин не знает...». Не удивительно, что в разгар борьбы с «космополитизмом», автор был заподозрен в «некритическом отношении» к Америке: «В романе, кстати сказать,- добавляет рецензент, - нет и тени критики американского империализма, зато неоднократно упоминаются американские грузовики, подарки и т.д.» Но уже без всяких намеков и эвфемизмов, прямо и недвусмысленно высказывает главную претензию к роману заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК В.Кружков в донесении на имя секретаря ЦК Суслова, уже тогда курировавшего идеологию:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Суслову М.А.

О романе Вас.Гроссмана «Сталинград» ... Советская интеллигенция, активно помогавшая своей творческой работой фронту, тоже не нашла глубокого и правильного отражения в романе. В качестве центрального образа, представляющую эту интеллигенцию, выведен профессор-физик Штрум, человек нерусской национальности. Образ Штрума играет большую роль в композиционном развитии всего романа, через его восприятие даются многие исторические события Великой Отечественной войны, как, например, выступление т. Сталина по радио 3 июля 1941 г.»²⁷.

В архивном деле хранится также письмо Вас.Гроссмана Сталину, посланное 6 декабря 1950 г. В нем он пишет о своих мытарствах, связанных с публикацией романа. В частности: «Количество страниц рецензий, стенограмм, замечаний и отзывов по объему уже приближается к объему романа, и хотя все они, в основном, высказываются за печатание рукописи, до сих пор не сказано окончательного слова...». Приложено также письмо А.А.Фадеева Сталину, в котором он просит разрешения опубликовать роман Вас.Гроссмана в журнале «Новый мир» в 1950 г.

«Высочайшее» разрешение было, наконец, получено, роман напечатан в 1952 г. в «Новом мире» (начало в 7-м, окончание в 10-м номере) — конечно, с купюрами и искажениями текста; подозрительный Штрум «нейтрализован» находящимся вне подозрений по этой части крупным физиком Чепыжиным. В прессе конца 1952 гг. — масса хвалебных рецензий, за номерами журнала в библиотеках выстраиваются очереди... В октябре секция прозы Союза писателей по указанию Фадеева собирается для выдвижения романа на Сталинскую премию, что и было сделано при всеобщем одобрении. Роман принят к изданию отдельной книгой сразу же и одновременно двумя издательствами — «Советским писателем» и «Воениздатом».

Но... «Министерство правды» снова свершает чисто «оруэлловский» поворот на 180 градусов. В начале года в газетах появляются вполне изуверские статьи об «убийцах в белых халатах», агентах «Джойнта», сионистах, шпионах, вредителях известной национальности, в январе-феврале 1953 г.- разгромные (и погромные) рецензии Бубеннова, Первентцева и других сталинских «инженеров человеческих душ». 16 января 1953 г. состоялось обсуждение романа на редакционном совете издательства «Советский писатель»²⁸. Наиболее свирепо-«жидоедским» было выступление Ивана Арамилева, в котором он заявил, что Гроссман «решает вопрос с сионистских позиций, с позиций еврейского национализма» (напомним, что

эта тема была Гроссманом очень смягчена и ни в какое сравнение не идет в этом смысле с эпопеей «Жизнь и судьба»). Хотя и не так резко, но не менее омерзительно выглядят нападки на роман писателей и критиков-евреев (И.Гринберга, А.Чаковского и других), поспешивших уверить начальство в своей безусловной преданности.

Таким же по тональности было обсуждение романа в редакции «Нового мира» 2 февраля 1953 г. Твардовский, буквально за несколько месяцев пришедший в восторг при чтении рукописи романа, отрекся от него, признав собственные ошибки и недосмотр редакции журнала. Впрочем, он все же не согласился с И.Арамилевым, который снова принял участие в обсуждении, обвинив Гроссмана в том, что он повторяет мысли Фейхтвангера о фашизме, подходя к нему с «сионистских позиций». Даже после смерти «вождя», 24 марта, Фадеев предает Гроссмана на заседании Президиума Союза писателей, признав публикацию романа «ошибкой идейного характера». Он же, спустя год, когда слегка повеял ветер перемен, рекомендовал Воениздату выпустить «За правое дело», признав, что в «критике идейных ошибок романа были допущены серьезные перегибы»...

Конечно же, обойма цензурных претензий к роману Гроссмана не ограничивается тематикой нашей книги... Еще шла битва за Сталинград, а очерк Гроссмана 1943 года постоянно подвергались цензурным запрещениям, купюрам и т.д. Как видно из донесений Главлита в ЦК партии, в основном они запрещались за то, что в них показано подлинное лицо войны, гибель солдат, глупость командования, — то, что потом советская критика стала называть «малой (!) окопной правдой». Многозначительная купюра была сделана, например, в прогремевшем тогда очерке «Направление главного удара»: «Никому не рассказать о том, как сражался полк Маркелова... Да, они были простыми смертными, и никто не вернулся назад²⁹. Но, если продолжить это сравнение, в этой «обойме» было немало патронов с антисемитским зарядом.

Из романов, печатавшихся в тогдашних журналах, стали спешно изымать героев с еврейскими фамилиями, а когда они занимали в повествовании слишком много места, запрещали произведение целиком или хотя бы наполовину. Так, например, именно на середине была оборвана публикация повести Юрия Германа «Подполковник медицинской службы», героем которой был военный врач Левин. Читатели «Звезды», увидевшие начало повести в 1-м номере за 1949 г, в следующем номере не нашли ее окончания: набор был рассыпан. Но и публикация начала повести подверглась зубодробительной критике в разгар кампании «против космополитизма». Газета «Ленинградская правда» 18 марта в коллективном «письме в редакцию группы читателей» под названием «Пасквиль на советских людей», осудила публикацию повести, при этом — не без вполне понятных намеков на национальную принадлежность доктора Левина. Полностью повесть опубликована спустя 7 лет — в годы «оттепели» (1956 г.).

* * *

Последний сюжет этой главы связан с цензурными акциями, последовавшими за развязанным в январе 1953 г. пресловутым «Делом врачей», чуть не закончившимся геноцидом целого народа. Главлит сразу же по своим каналам принял меры к изъятию книг «убийц в белых халатах». Уже 15 января вышел приказ № 78 начальника Главлитта СССР: «1. Изъять из библиотек общественного пользования и книготорговой сети все произведения нижеследующих авторов: Виноградов Н.И., Вовси М.С., Гринштейн А.М., Егоров П.И., Коган Б.Б., Коган М.Б., Майоров Г.И., Фельдман А.И., Этtinger Я.Г. 2. Изъять...следующие книги: «Загорский М. Михоэлс (очерк-характеристика). М.—Л., Киноиздат РСФСР, 1927; Смирнов Е.И. Советские воины-врачи в Отечественную войну. М., 1945»³⁰.

Заодно, как мы видим, решили «добрать» и книгу о Михоэлсе, которого пристегивали как к делу ЕАК, так и к «делу врачей» в качестве «идейного вдохновителя еврейского национализма». Книга Е.И.Смирнова тоже попала не случайно: в ней помещен портрет Главного терапевта Красной Армии, генерал-майора медицинской службы М.С.Вовси и подробно говорится о его заслугах; упомянуты и другие крупные военные врачи-евреи – А.П.Фрумкин, В.Д.Бершадский, заместитель Главного хирурга Красной Армии В.С.Левит. Хотя последние и не фигурировали в «деле врачей», но явно были кандидатами, если бы не прекращенная в марте 1953 г. кампания.

По-видимому, не все начальники областных отделений Главлита поняли суть и смысл приказа, на что 26 января последовало разъяснение начальнику Смоленского облгорлита, разосланное, тем не менее «секретно и циркулярно» всем начальникам Главкрайобллитов:

«В связи с Вашим запросом, как поступить с обнаруженными в библиотеках общественного пользования и книготорговой сети печатными произведениями, в которых встречаются статьи лиц, названных в приказе ГлавлитаСССР № 78 от 15.I.1953 г., разъясняем:

Надлежит: а) изъять ... все произведения поименованных в приказе лиц, вышедшие отдельными изданиями; б) во всех печатных произведениях, в которых имеются статьи и материалы перечисленных в приказе лиц, библиотеки должны сделать исправления. В тех случаях, когда технически невозможно произвести исправления, сборники и другие издания, содержащие такого рода материалы, запрещается выдавать читателям; в) в книготорговой сети издания, в которых имеются статьи и другие материалы перечисленных в приказе лиц, подлежат немедленному снятию с продажи.

Вам необходимо срочно проверить, не допускаются ли книготорговыми организациями и библиотеками нарушения вышеуказанного порядка. В случае обнаружения

нарушений составьте акт и привлеките виновных к ответственности»³¹.

«Очистка» библиотек и книжных магазинов от этой литературы проводилась и в тот смутно-неопределенный период, который наступил после 5 марта и продолжался до апреля. В крупных библиотеках сейчас то и дело попадаются указанные выше книги с затушеванными, вымаранными страницами, вырванными портретами и т.п. Лишь 4 апреля, когда, наконец, был дан отбой, дело прекращено, а врачи освобождены из заключения (этот день, по словам одного из арестованных, крупного патологоанатома Я.Л.Раппопорта, затем торжественно отмечался, как семейный праздник³²), — вышло циркулярное письмо Главлита № 331:

«1. Приказ № 78 от 15.I. 1953 г. и отдельные указания Главлита по названным документам отменить. 2. Изъятую по приказу литературу из спецфондов передать в общие фонды библиотек, а литературу, задержанную в книготорговой сети, разрешить к продаже»³³.

Надо сказать, что «возвращать», если не считать нескольких книг, хранившихся в тех крупнейших библиотеках, где были спецхраны, было уже практически ничего: массовые библиотеки и книжные магазины сразу же такую литературу подвергали уничтожению. В мае были арестованы Берия и некоторые другие крупные работники госбезопасности, цензурное ведомство, испуганное возможным непредсказуемым развитием событий, срочно решило замести следы. 6 мая выходит еще один секретный циркуляр Главлита, адресованный всем отделениям: «В части тиража «Библиографического списка устаревших изданий, подлежащих исключению...» № 1²² (именно в него вошли указанные выше книги. — А.Б./ по вине типографии издательства Всесоюзной книжной палаты были ошибочно указаны следующие книги.../ следует перечисление/. В связи с этим просим пересмотреть полученные Вами экземпляры указателя. В случае, если вышеуказанные книги числятся в полученных Вами эк-

земплярах, следует произвести исправление (затушевать) названия этих книг»³⁴.

Вина, как мы видим, была возложена на работников типографии, «ошибочно» включивших книги в список. Спохватившись, цензура приказала перепечатать «недобные» страницы указателя, но, как можно понять, сделано это было не во всех разосланных экземплярах.

Этот случай крайне характерен для деятельности «министерства правды», переписывавшего историю в соответствии с последними указаниями «Старшего брата». За три дня да смерти Сталина был арестован Рудольф Бершадский, прошедший всю войну командиром артиллерийской батареи, а тогда заведывавший отделом фельетонов «Литературной газеты». Охотники за «сионистами», сотрудники газеты, взломали ночью его письменный стол, обнаружили в нем два фельетона, проклинившие «врачей-убийц», которые Бершадский, по словам доносчиков, пытался «скрыть от общественности». К. Симонов, главный редактор «Литературки», строго спрашивал израненного, надевшего свои боевые ордена журналиста: «Бершадский действительно храбро воевал. Сам подбил несколько танков... Но... за какие идеалы?»³⁵. Бершадский был освобожден «за отсутствием состава преступления» лишь спустя полгода. В отличие от времени, когда проходил процесс Бейлиса и честные русские писатели подняли голос протesta, в стране царило полнейшее молчание. Если тогда в прессе было разоблачено лжесвидетельство Веры Чеберяк, то теперь ни один писатель не рискнул выступить против шитого белыми нитками доноса советского врача Лидии Тимашук, награжденной за это орденом Ленина. В этом - отличие тоталитарного режима от режима полицейского, даже самого жестокого.

* * *

Позднее, в «Жизни и судьбе», Гроссман с поразительной точностью и художественным провидением показал

кровное сродство двух режимов, объединенных общей идеей. «Мы — форма единой сущности, — партийного государства», — говорит ученый эсэсовец Лисс лагернику, старому большевику Мостовскому в дни сражения под Сталинградом, — ... Наша победа — это ваша победа. А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе».

Дегенерирующий коммунизм в послевоенные годы действительно заменил фашизм, что нашло отражение, в частности, и в преследовании литературы и писателей по национальному признаку, а также в искоренении темы как таковой. Если в тридцатые годы началось с замалчивания еврейских погромов при «проклятом царском режиме», то в сороковые — темы геноцида в годы войны. В этом была своя последовательность, своя логика, если искать ее в царившем абсурде...

ОТТЕПЕЛЬ

События начала 1953 г. поставили на грань катастрофы судьбу еврейской диаспоры в СССР. После смерти «вождя всех народов» началось некоторое оживление: появились статьи об «искренности в литературе» (В. Померанцев), с легкой руки Ильи Эренбурга замелькало слово «оттепель», хотя в самом этом слове содержалось опасение, что вскоре наступят «заморозки». Партийный аппарат время от времени одергивал чересчур ретивых литераторов, рискнувших подвергнуть критике, хотя и в очень осторожной, иносказательной форме, некоторые незыблемые идеологические постулаты.

Наступившее некоторое потепление не коснулось, вплоть до 1956 г., книг участников ЕАК, продолжавших оставаться под спудом спецхранов крупнейших библиотек. Но примечательно все же, что ученые в конце 1953 г. стали выражать недовольство тем, что эти книги им недоступны, — вещь, немыслимая ранее. Так, директор Государственной публичной библиотеки в Ленинграде В. Барашенков обратился 3 октября 1953 г. к «начальнику 7 отдела 5-го Главного управления МВД» (в этом году госбезопасность находилась в ведении МВД) с таким запросом:

«По неофициальным данным, в области медицинской науки фамилии Штерн Л.С. и Юдина С.С. не являются криминальными. Однако все работы Штерн Лины Соломоновны и Юдина Сергея Сергеевича по авторскому списку Главлита (М., 1950) в свое время были изъяты из открытого фонда и переданы в Отдел Спецхранения Библиотеки, где и находятся в настоящее время. Медицинские работники Ленинграда, читатели ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Шедрина, требуют выдачи для чтения как монографии, так и журнальные статьи Л.С. Штерн

и С.С. Юдина и выражают недоумение, что труды этих авторов находятся на особом режиме и свободно не выдаются.

В силу создавшегося положения просим дать официальное указание — должны ли работы Штерн и Юдина находиться в спецфондах Библиотеки или их необходимо вернуть в открытые фонды для широкого обращения среди читателей»¹.

Характерно, что директор библиотеки обратился с таким запросом не в Главлит, а непосредственно в органы тайной политической полиции. Ответа на этот запрос найти не удалось, но вряд ли он был положительным, поскольку лишь спустя 2 года (ноябрь 1955-го) Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор 1952 г. и прекратила дело «за отсутствием состава преступления». Книги этих авторов, как и других осужденных и в большинстве своем расстрелянных участников ЕАК, были реабилитированы лишь в 1956 г.

* * *

Несмотря на то, что борьба с «космополитизмом» была несколько ослаблена, в первые три года «оттепели» мы практически не обнаружим принципиальных изменений в отношении к публикациям на еврейские темы. Подтверждается это, в частности, цензурными документами 1954 г., касающимися книг Альберта Эйнштейна. Тогда по запросу ЦК были подготовлены две обширные «Справки» Иностранного отдела Главлита о произведениях Эйнштейна, стилистика и смысл которых повторяют доводы конца 40-х годов, когда генетика, кибернетика и теория относительности объявлялись «прислужницами буржуазии», идеалистическими учениями и т.п., а все достижения науки приписывались только русским ученым. Иностранные имена запрещено было упоминать, что породило тогда массу анекдотов на тему «приоритета русской науки»: так, например, в одном из них автором теории

относительности назывался не Эйнштейн, а «русский ученый Однокамушкин».

В эти же годы в «Правде» появилась статья Юрия Жданова, сына члена Политбюро. В ней говорилось о «так называемой теории Эйнштейна». В романе Гроссмана, о котором речь шла раньше, молодой человек из отдела науки (намек весьма прозрачный — Ю.А.Жданов возглавлял тогда Отдел науки ЦК) именно этими словами характеризует теорию относительности, что вызывает негодящую реакцию Штрума².

В первом документе — «Справке о книге «Альберт Эйнштейн — философ-ученый», изданной в США в 1949 г. и являющейся 7-м томом «Библиотеки современных философов», — перечислены «основания, на которых закрыт» этот сборник статей об Эйнштейне. К их числу относится то, что «в предисловии редактор рекомендует изучать труды современных реакционных философов... называет великими мыслителями таких мракобесов как Берtrand Рассел, Д. Дьюи и т.д.». Как известно, великий ученый относился к сионизму очень сочувственно, считая что восстановление еврейского государства — «не просто эмиграционное предприятие, это — проблема первостепенного значения для еврейского народа»³, не раз выступал в его защиту. Именно это и стало одним из главных цензурных обвинений: «Эйнштейн верит в сионизм и призывает принять «активное участие в культурном строительстве нашей родной страны», т.е. Израиля»⁴.

Второй документ, датируемый тем же 1954 г., — «Заключение начальника отдела Главлита А.Степанова о произведениях А.Эйнштейна» — также содержит обвинение ученого в пропаганде сионизма. В нем сообщается, что «две книги Эйнштейна — «Мир, как я его вижу», Лондон, 1935 г., и «Мои труды в последние годы», Нью-Йорк, 1950, были запрещены для широкого пользования: первая — в 1946 г., вторая — в 1950-м. Книги представляют собой сборники статей и выступлений Эйнштейна,

в которых он выражает свои взгляды на вопросы политики, религии, сионизма, войны и мира»⁵. Обе книги были запрещены для «широкого использования» и также попали в спецхран.

* * *

В связи с реабилитационной волной, наступившей в 1956 г. после XX съезда КПСС и доклада Хрущева, разоблачившего «культ личности», были возвращены из спецхранов книги расстрелянных по «делу ЕАК» писателей, ученых и общественных деятелей. Но примечательно: это не коснулось попавших в конце 40-х в списки изъятых книг десятков «сионистских изданий» они так и остались в них до конца 80-х.

В течение 11 лет — после погрома 1948 г. и до 1959-го, если не считать небольшой газеты «Биробиджанер штерн», выходившей тиражом в 1 тыс. экз., да и то печатавшейся на идише лишь частично, на этом языке не вышло ни одного издания. Лишь к самому концу 50-х заметен некоторый прогресс: в 1959 г. вышло три книги на идише — произведения Менделе-Мохер Сфорима, И.Л. Переца и Шолом-Алейхема. Затем появились избранные произведения Бергельсона. С 1961 года стал выходить журнал «Советиш геймланд».

Несмотря на некоторые сдвиги, отношение власти к еврейскому вопросу очень мало изменилось даже в самый «разгар оттепели». Лакмусовой бумажкой в этом смысле является издание в 1949—1958 гг. первого, претендующего на полноту 30-томного собрания сочинений М. Горького, выходившего под эгидой Института мировой литературы, носящего его имя. По свидетельству одной из его сотрудниц, «в 30-томном собрании сочинений Горького, подготовленном институтом, каждый том проходил жесткую цензуру ЦК; Горький препарировался самым бесцеремонным образом. Выбрасывались статьи, делались купюры даже в художественных текстах (в очерках

о Ленине, о Толстом и других»⁶. Особенно придирчива была цензура, выполнявшая, разумеется, поручение ЦК, к многочисленным произведениям писателя, посвященным еврейской теме: исключены были из собрания сочинений «Легенда о евреях», «По поводу Кишиневского погрома», речи «О евреях» и «О Бунде», статьи рубежа 20–30-х годов «Об антисемитизме» и «Об антисемитах» и многие другие. Фундаментальная четырехтомная «Летопись жизни и творчества Горького», выходившая в 1958–1960 гг., не зарегистрировала ни одного перевода произведений Горького (а их было немало) на иврит и идиш, тогда как учтены переводы на все другие языки⁷...

Не менее выразителен скандал, разразившийся вокруг вышедшего тогда в Ленинграде альбома замечательных автолитографий старого художника А.Я.Каплана к «Заколдованныму портному» Шолом-Алейхема. Им заинтересовался сам начальник Главлит, запросивший ленинградскую цензуру об обстоятельствах его издания. 8 января 1959 г. она сообщила: «В связи с Вашим запросом по альбому автолитографий «Заколдованный портной» сообщаем следующее: 27 ноября 1957 г. Живописно-скulptурным комбинатом Ленинградского отдела Художественного фонда ССХ был представлен в Ленобллит (на 28 листах, в обложке, с вводной статьей Гуткиной Е.) альбом автолитографий, иллюстрирующий произведение Шолом-Алейхема «Заколдованный портной».

На выпуск издательством была получена санкция Отдела культуры и науки Ленобкома КПСС (тов. Шубникова Т.А.). До представления в Ленобллит альбом просмотрен и одобрен к изданию Художественным советом. В процессе контроля нами было обращено внимание издательства на то, что не весь иллюстративный материал альбома полностью соответствует правильному определению творчества Шолом-Алейхема, данному во вступительной статье. В ней Шолом-Алейхем вполне закономерно характеризуется как «писатель-гуманист», который «...никогда не был сугубо еврейским писателем», чье творчество

«глубоко интернационально». Чрезмерное же внимание к узконациональным деталям снижало ценность альбома. Кроме того, издательству было предложено учесть замечания, высказанные Вами при просмотре альбома во время Вашего пребывания в Ленинграде в декабре 1957. (снабдить тексты русским переводом, снять автопортрет художника Каплана). Издательство внесло все необходимые исправления, и 20 января 1958 г. альбом литографий был подписан к печати; 28 февраля — к выпуску в свет. В настоящее время Художественный фонд ходатайствует перед директивными органами о разрешении дополнительно издать 1000 экз. альбома по заказу «Международной книги»⁸.

Как удалось выяснить в беседе со старейшим художником Исааком Залмановичем Копеляном (братьем известного артиста БДТ), работавшим в то время редактором в издательстве «Художник РСФСР», дозволено было выпустить альбом литографий Каплана тиражом всего в 125 экземпляров. Листы из альбома автолитографий пользовались огромным успехом на выставках и аукционах в Англии и США. Тем не менее, в отношении виновных в издании альбома были приняты санкции по партийной и административной линиям: объявлены выговоры и проч.

* * *

К середине 1960 г. Гроссман окончательно завершил работу над эпопеей «Жизнь и судьба», трагическая участь которой общеизвестна: обыск в доме писателя, изъятие всех машинописных копий, за исключением одной, чудом уцелевшей, переправленной В. Войновичем на запад и ставшей достоянием «тамиздата». Известны слова Суслова, сказанные в беседе с писателем, что роман этот выйдет не ранее, чем лет через двести: он оказался плохим пророком: он вышел спустя 28 лет. В претензиях к нему так же, как и прежде, звучала столь знакомая нам тема (см. ранее историю издания романа «За правое дело»

в 1952 г.): режим был последователен. Так, среди многих претензий во время обсуждения романа в редколлегии журнала «Знамя» 10 декабря 1960 г. член ее В. Катинов, заявив, что Гроссман «поносит все советское», прибавил: «Через роман красной нитью проходит мотив антисемитизма. Автор утверждает, что антисемитизм в нашей стране бытует не только в сознании отсталых слоев населения, но и насаждается сверху, являясь как бы частью государственной политики. Штруму не разрешается взять в институт даровитого физика, потому что он еврей; евреям затрудняется возврат в Москву и т.д.»⁹.

Последний раз пришлось столкнуться писателю с этой вечной темой и вечным сопротивлением властей за три года до смерти. В конце 1961 г. совершил поездку в Армению, по впечатлением которой написаны «Путевые заметки пожилого человека». Он отдал их «Новому миру», Твардовскому, которому они чрезвычайно понравились. Как вспоминает Семен Липкин, «...цензура поставила на верстке свой жизнедательный штамп, но предложила — приказала — выбросить один абзац... Пусть читатель вспомнит то место из письма от 25 декабря (речь идет о письме Гроссмана Липкину из Армении. — А.Б.), где Гроссман говорит:»Эта поездка (в Сасун), конечно, самое сильное впечатление... Я наслушался человечных, добрых речей, — впервые в жизни». Вот в какие строки, испугавшие цензуру, вылилось это «самое сильное впечатление»: «Я низко кланяюсь армянским крестьянам, что в горной деревушке во время свадебного веселья все народно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, низко кланяюсь всем, кто торжественно и печально, в молчании слушал эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне, кланяюсь за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовых и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза бросали человеконенавистнические слова презрения и ненависти: «Жалко, что Гитлер вас всех не

прикончил». До конца жизни я буду помнить речи крестьян, услышанные мной в сельском клубе». «Гроссмана оскорбило, — продолжает мемуарист, — обожгло решение цензуры. Твардовский пытался уговорить своего журнального главлитчика, но безуспешно, в этих строках тот бдительно усмотрел опасность для государства, упрямо настаивал на своем. Гроссман отказался печатать очерк в журнале»¹⁰...

Замечу все же, справедливости ради: очерк под новым названием — «Добро вам!» — вошел в одноименный сборник, вышедший уже после смерти писателя, в 1967 г. (издательство «Советский писатель»), причем «новомирская купюра», ставшая камнем преткновения, в нем сохранена, хотя и с незначительными разноточениями. Видимо, то, что могло быть разрешено в сборнике, вышедшем небольшим тиражом, не могло быть позволено в «крамольном», находившемся под подозрением журнале... Многое все-таки зависело и от цензора. Посмертный сборник был подписан в печать до «шестидневной войны», случившейся в этом году: в противном случае, думаю, этот гост, произнесенный армянским крестьянином-плотником, побывавшем в немецком плену и собственными глазами видевшим, как жандармы «вылавливали евреев-военнопленных», так и не увидел бы света, и Гроссман не смог бы уже защитить свою честь, как это он сделал он в случае с «Новым миром», отказавшись пойти на сделку.

Однако в него все же не вошла не менее примечательная купюра, сделанная во время прохождения рассказа в «Новом мире». Другой мемуарист — В.Я. Лакшин — в книге «Новый мир» во времена Хрущева» приводит фрагменты дневника новомирского цензора В.С. Голованова (запись 21 ноября 1962 г.). «По Гроссману. Т.Семенова (начальник 4-го отдела Главлита, ведавшего цензурой художественной литературы. — А.Б.) приостановила оформление 10 п.л., с тем, чтобы еще раз посмотреть формулировки относительно явлений антисемитизма в

конце «записок» автора». В.Я.Лакшин комментирует эту запись: «Приведу место из «Путевых записок пожилого человека» В.Гроссмана (позднее очерк назвали «Добро вам», но он тогда так и не появился в печати), по поводу которого сломано было столько копий. Пересказав речь плотника на свадьбе в Армении, где он говорил о сочувствии евреем и еврейскому народу, Гроссман пишет: «Потом выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что в вековой истории обоих народов много страданий и крови. Я услышал от стариков и молодых слова уважения и восхищения, обращенные к евреям, их трудолюбию, уму. И старики убежденно называли еврейский народ великим народом... Не раз приходилось мне слышать от русских простых и интеллигентных людей слова сочувствия к мукам, постигшим евреев во время гитлеровской оккупации. Но иногда сталкивался я и с ненавистью, переживал ее душой и шкурой своей. Случалось мне слышать черные слова, обращенные к истерзанному Гитлером еврейскому народу, от пьяных в автобусах, в очередях, столовых. Мне всегда было больно, что наши лекторы, пропагандисты, работники идеологического фронта не выступают с речами и книгами против антисемитизма, как выступали Короленко, Горький, как выступал Ленин» (стр. 43—44 верстки к № 12)»¹¹.

Не помогла и последняя фраза, выставленная явно под давлением цензуры для «смягчения» предшествующего текста, не помогла и обязательная ссылка на Ленина... Исключенный цензурой текст не увидел света и в посмертном издании. В.Я.Лакшин фиксирует также, цитируя записи всё того же новомирского цензора, некоторые разногласия, возникшие между Твардовским и Гроссманом во время печатания очерков. По словам члена редакции «Нового мира» Е.Кондратовича, по поводу этого злосчастного очерка «возник конфликт между Твардовским как главным редактором журнала и Гроссманом как автором. Конфликт весьма серьезный. Твардовский

ни при каких условиях не может согласиться с утверждением Гроссмана о якобы широко распространенных явлениях антисемитизма, о чем говорилось на армянской свадьбе, автор Гроссман проводит упрямо свою мысль. Чем закончится этот конфликт, сейчас сказать трудно. Проинформировал по этому поводу немедленно т. Семенову»¹². Конфликт закончился, как мы видим, победой цензуры.

* * *

Показательно отношение власти и послушной ей цензуры к страшной, кровоточащей теме «Бабьего яра» — месте массового расстрела евреев в Киеве. Она не раз привлекала внимание поэтов, начиная с И.Эренбурга, написавшего стихотворение «Бабий яр» в 1944 г. (публикация в 1-м номере «Нового мира» за 1945 г.), Льва Озера (его стихотворение под тем же названием появилось спустя год — в мартовском номере журнала «Октябрь»). О «Бабьем яре» приказано было молчать, начиная с 1948 г., вместе с развязанной тогда антисемитской кампанией, арестами членов ЕАК, борьбой с так называемыми театральными критиками-космополитами. Замалчивание продолжалось и в годы «оттепели». Виктор Некрасов выступил в 1959 г. с призывом воздвигнуть памятник в Бабьем яру. Киевские власти намеревались построить то ли стадион, то ли Парк культуры и отдыха, засыпав овраг. «В Бухенвальде поставили колокол, — писал В.Некрасов. — Набат его предупреждает о том, что подобное не должно повториться. А в Киеве? Бальные танцы на могиле расстрелянных?..» Позднее памятник был воздвигнут, но в надписях ни словом не упоминалось о гибели здесь евреев. 19 сентября 1961 г. «Литературная газета» опубликовала стихотворение Е.Евтушенко «Бабий яр», произведшего огромное впечатление на отечественного и зарубежного читателя. Оно стало вызовом ползучему антисемитизму, которому молчаливо покрови-

тельствовали власти. Василий Гроссман, которого, по словам С.Липкина, «...мучило, окорбляло то, что писатели, русские по крови, не ранены в сердце этим ужасом, было стыдно за них перед живым взором великих русских писателей, философов, ученых», сказал, прочитав стихотворение: «Наконец-то русский человек написал, что у нас в стране есть антисемитизм. Стих сильно так себе, но тут дело в ином, дело в поступке — прекрасном, даже смелом»¹³.

Вскоре стихотворение Евтушенко вошло в «13 симфонию» Дм.Шостаковича, впервые прозвучавшую в декабре 1962 г., а затем исполнявшуюся чрезвычайно редко. Музыкoved А.Г.Юсфин вспоминает, «...как от композитора требовали изменить текст первой части ..., как выкрадывали и тайно переписывали партитуру, как пытались протащить исполнение симфонии и как оно пресекалось». Вспоминает он и «...всю телефонную круговерть по поводу этого сочинения», о том «как его записывали в студии фирмы «Мелодия», как оказался испорчен весь советский тираж грамзаписи, а сохранившаяся часть отправлена за рубеж...»¹⁴.

Публикация стихотворения произвела впечатление и на властей предержащих, с одной стороны, и на целый рой националистически настроенных литераторов, с другой. Первые в ряде секретных циркуляров «рекомендовали» чиновникам Главлита на местах «осторожнее» подходит к теме мученичества евреев в годы войны; вторые обрушили на поэта обвинения в «космополитизме» не без прозрачных антисемитских намеков, на сей раз цензурой не пресеченные: публикации в официозе «Литература и жизнь» стихотворения Алексея Маркова «Мой ответ» (24 сентября) и статьи критика Д.Старикова «Об одном стихотворении» (27 сентября). «Бабий яр» (так же, как и стихотворение «Наследникам Сталина») в течение четверти века не перепечатывался и не входил ни в один из многочисленных сборников Евгения Евтушенко.

Не менее красноречива цензурная судьба мемуаров И.Г.Эренбурга «Люди, годы, жизнь», печатавшихся в «Новом мире» с 1960 по 1965 гг. Среди множества претензий, предъявлявшихся к нему Главлитом и другими контролирующими ведомствами, во множестве документов неустанно повторяется одна: «неправильный» и «односторонний» взгляд писателя на участь евреев в СССР. Особенно недоволен был Главлит 2-й частью 5-й книги, посвященной 1943 – 1944 гг. В ней, по словам начальника цензуры П.И.Романова, «...автор пытается доказать, что в те годы, под влиянием крупных побед нашей армии на фронтах войны, стал якобы насаждаться в СССР великовластивый шовинизм, выражавшийся, по мнению Эренбурга, в неправильном отношении к людям европейской национальности... Рассуждения на эту тему являются по существу продолжением неправильных утверждений И.Эренбурга о якобы существующей в стране национальной нетерпимости по отношению к евреям, которые прямо или косвенно высказывались им и во всех предыдущих главах его мемуаров». Здесь же высказано стереотипное, кочующее из одного документа в другой, обвинение в том, что писатель «...при описании зверств немецких захватчиков на временно оккупированной территории СССР подчеркивает потери только среди еврейского населения, приводя при этом точную статистику». По мнению П.И.Романова, эта часть воспоминаний «в представленном виде не может быть опубликована»¹⁵. Такие же доводы звучали и при запрещении «Черной книги», материалы которой Эренбург частично использовал в мемуарах.

Записка начальника Главлита, посланная в ЦК КПСС, вызвала совершенно адекватную реакцию Отдела культуры, который согласился с доводами главного цензора, снова подчеркнув «ошибочные и тенденциозные утверждения автора». «Особенно много внимания, — говори-

лось в ответе, датируемым 13 февраля 1963 г., — И.Эренбург уделяет «еврейскому вопросу», намекая при этом, что лица еврейской национальности подвергались гонениям по обе стороны фронта: с ними зверски расправлялись фашисты в оккупированных областях. Автор приводит много таких фактов, называя точные цифры жертв. С ними обращались несправедливо в советском тылу: писателей травили в печати, журналистов и дипломатов не жаловали на работе, самому Эренбургу запрещали писать о боевых делах евреев — воинов Советской Армии». И снова — демагогический довод: «Вместе с тем И.Эренбург обходит молчанием гибель миллионов советских людей в западных районах...»¹⁶.

Главному редактору «Нового мира» А.Т.Твардовскому «рекомендовано» было внести «необходимые исправления», что и было сделано, хотя Эренбург всячески сопротивлялся этому. Ведущий либеральный журнал того времени также, надо сказать, приложил руку к злосчастной теме мемуаров — из благих, конечно, побуждений: желания «спасти» журнал. Высказывая замечания по той же 5-й части мемуаров, Твардовский обратил внимание на «услышанные где-то от кого-то слова насчет «людей некоторой национальности», которые «представляются для той поры (периода войны — А.Б.) явным анахронизмом». Еще дальше пошел его первый заместитель А.Г.Дементьев, «комиссар самого либерального журнала», по определению А.И.Солженицына в книге «Бодался теленок с дубом». В своей внутренней рецензии на мемуары он, в частности, предлагает: «Едва ли следует сообщать, что Федин, Щипачев, Катаев, Вишневский женаты на еврейках», «Не нужно ли более энергично осудить сионизм? Можно ли ограничиться замечаниями типа: «я не увлекался сионизмом». Еврейский национализм свойствен был даже социал-демократии («Бунд»)¹⁷.

Три иерархические ступени цензуры (по нисходящей линии) — идеологических отделов ЦК, собственно главлитовской и редакторской — привели к тому, что книга

была приглажена и вы холощена до невероятной степени. В.Я. Лакшин приводит в своей книге дневниковые записи упоминавшегося уже цензора «Нового мира»: «16. II. 1963. Д.А. Поликарпов («куратор» литературы от ЦК. — А.Б.) предложил ужасающую правку по Эренбургу... Предлагает снимать чуть ли не страницами, и не только места, заподозренные в «еврействе», но направленные против культа». Побывав в ЦК, Дементьев ездил на дачу к Эренбургу, а Поликарпов сидел допоздна в отделе и ждал результатов телефона: видно, тоже побаивался мирового скандала»¹⁸. Эренбург не раз писал самому Хрущеву, оспаривая мнение контролирующих органов, но безуспешно. В то время автор этих строк слышал такой анекдот, похожий на правду. Во время публикации мемуаров редактор, когда требовалось вычеркнуть отдельные фрагменты, в ответ на возражения Эренбурга каждый раз, стремясь снять с себя ответственность (снова знаменитое партийное «есть мнение»), многозначительно поднимал большой палец вверх и говорил: «Там нас не поймут!». Эренбург добился личной встречи с Хрущевым и обжаловал действия редакции. Выслушав его, Хрущев якобы сделал столь же многозначительный жест, но устремив на сей раз большой палец вниз, со словами — «Там нас не поймут!». Новомирская публикация, так же как и в 8 и 9 тома собрания сочинений Эренбурга, вышедшие в 1967 г., включившие мемуары, полны купюр, относящихся к еврейскому вопросу, но даже в таком усеченном виде она вызвала нападки официозной печати: например, «Известия» 30 января 1963 г. опубликовали статью известного литпгромщика В.В. Ермилова с облыжными обвинениями писателя и его книги. Восстановлены купюры только в 1990 г. — в трехтомной отдельной публикации книги «Люди, годы, жизнь».

Большое недовольство в партийных кругах вызвали некоторые приветственные выступления писателей на юбилейном вечере Эренбурга, проведенном 26 января 1961 г. в Центральном Доме литераторов. К.Паустовский,

по словам авторов «Записки Отдела культуры ЦК КПСС», пытался «преувеличить роль и значение Эренбурга в нашей литературе и общественной жизни» и «особо подчеркнул роль Эренбурга в борьбе с фашизмом, какие бы формы он ни принимал, в частности форму антисемитизма». Не прошли они и мимо некоторых фрагментов юбилейной речи самого Зренбурга, например, его высказываний о польском поэте Юлиане Тувиме, который, отвечая на вопрос, почему он «пишет себя евреем», ответил — «ибо кровь евреев... течет сейчас широким ручьем, и в этом новом Иордане я принимаю крещение, горячее мученичество братства с евреями». По мнению идеологов, Эренбург, «приводя слова Ю.Тувима о преследованиях евреев фашистами», заявил, что они были связаны с «одной стороной нашей жизни» и были сказаны «по поводу аналогичных обстоятельств». Он встал в данном случае на путь возмутительных аналогий»¹⁹.

* * *

Последний «оттепельный» эпизод, датируемый 1964 г., связан с прохождением в цензуре верстки сборника стихотворений Бориса Слуцкого. Чиновник Государственного комитета по печати В.Мочалов сигнализировал в ЦК КПСС: «При ознакомлении с версткой подготовленного издательством «Советский писатель» сборника стихотворений Б.Слуцкого, выяснилось, что в ряде случаев автор стоит на сомнительных, а иногда и неправильных позициях, нередко прибегает к двусмысленности, делает какие-то намеки, в том числе касающиеся вопросов социально-политического характера...» В качестве такого «намека» чиновник приводит фрагмент стихотворения Слуцкого «Как убивали мою бабку», подчеркнув в нем следующие строки:

Из каждого окна
Шумели Ивановны и Андреевны,
Плакали Сидоровны и Петровны:

«Держись, Полина Матвеевна!» Они шумели:
«Ой, що робыть, з отым нимцем,
нашим ворогом?»

Поэтому бабку пришлось убить,
пока проходили городом.

«Здесь Слуцкий, — комментирует цензор, — с национальной ограниченностью толкует, в сущности, о судьбах в годы войны русского и еврейского народов. Можно подумать, что в то время как фашисты расстреливали евреев, русские отсиживались, ограничивались пассивным сочувствием к их страданиям»²⁰. С унылым однообразием и постоянством, как мы видим, повторяются все те же доводы и «претензии», совершенно, надо сказать, ни на чем не основанные, которые высказывались в адрес «Черной книги», произведений В.Гроссмана, И.Эренбурга и других писателей, рискнувших затронуть столь «опасную» тему. Понятно, что после такого отзыва стихотворение «Как убивали мою бабку» не вошло ни в изданный «Советским писателем» сборник Слуцкого «Стихотворения», ни в другие его издания ближайших двух десятилетий. Цензурные репрессии под занавес «оттепели» (1962—1964 гг.) становятся понятны, исходя из контекста времени и крайне противоречивого и непоследовательного курса Хрущева «на десталинизацию». Разрешив публикацию «Одного дня...» Солженицына и ряда других антисталинских произведений, он в конце 1963 года — после знаменитого «скандала в Манеже», «встречи партийных руководителей с деятелями искусства и литературы» и других акций, спровоцированных идеологами — противниками «теории идеологического существования» — совершает резкий отход от прежнего курса. Разворачивается кампания, похожая на очередной рецидив борьбы с космополитизмом, направленная против «тлетворного западного влияния». Отторгнув от себя мыслящую часть народа, Хрущев тем самым обрек себя на полное отсутствие поддержки и молчание общества во

время собственного своего свержения, случившегося через год — во время так называемого «второго октябрьского переворота».

В этой атмосфере стало возможным появление первой ласточки грядущей разнужданной антисемитской кампании, слегка закамуфлированной терминами «сионисты» и «сионизм». Это книга Т. Кичко «Сионизм без прикрас», изданная в 1963 г. в Киеве украинской Академией наук, наполненная выпадами против иудаизма и снабженная злобным антисемитскими карикатурами в духе известного нацистского журнала «Штюрмер». Но автор все-таки опередил события. Книга вызвала «озабоченность» и протесты некоторых руководителей коммунистических партий Западной Европы. Под их давлением ЦК партии вынуждена была в «Правде» 4 апреля 1964 г. осудить книгу за «ошибочные положения и иллюстрации, которые могут обидеть верующих и могут быть интерпретированы в духе антисемитизма»²¹. Это был один из двух-трех случаев (см. далее), когда партия вынуждена была отречься от антисемитского сочинения. В начавшиеся «застойные годы» именно ею была развернута под флагом борьбы с сионизмом кампания, принявшая в советской печати печати крайние юдофобские формы.

ЗАСТОЙ

Очередной раз в истории России маятник качнулся — от крайне непоследовательных попыток реформ и либерализации общества к террору, но не дошел до роковой отметки и застрял где-то посередине между ними. Начался двадцатилетний «застой». Власть идеологического аппарата и репрессивных институтов продолжала оставаться всесильной, и антисемитизм как вечный и верный инструмент политики использовался ими по-прежнему, хотя и не в такой откровенной форме, какой он принял в конце 40-х годов. Антисионистская (читай — антисемитская) кампания была развязана в печати не сразу после «октябрьского переворота» 1964 г., а спустя 3—4 года: вначале еще действовала инерция оттепели, но затем, после «Шестидневной войны» 1967 г. и пражских событий 1968-го она сходит на нет.

Спустя 5 лет после скандала с публикацией стихотворения Евтушенко «Бабий яр» эта тема неожиданно прозвучала на страницах журнала «Юность» в 1966 г.: писатель Анатолий Кузнецов опубликовал документальную повесть под тем же названием. Но времена уже начали меняться: вышла она с большими цензурными купюрами, восстановленными автором в зарубежном отдельном издании повести, когда он оказался в эмиграции в Лондоне (А. Анатоль. Бабий яр. Роман-документ. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1970).

Суть цензурных претензий выясняется благодаря текстологическому методу сопоставления, «наложения» текста, проделанному составителями сборника «Бабий яр. К 50-летию трагедии 29-30 сентября 1941 г. (Иерусалим, «Библиотека Алия», 1991), выделивших купюры курсивом. В основном они сводятся к ликвидации каких-либо упоминаний украинских имен и фамилий, сведений об

участии местного населения в этой акции, об одобри-
тельном, в целом, отношении к ней со стороны «простых
людей». Таких купюр — множество. Например, из рас-
сказа о чудом спасшейся Дине Проничевой убрана в жур-
нальной публикации «Юности» фраза, свидетельство-
вавшая о неизбывном антисемитизме властей (и увы,
большой части населения) в Киеве уже в послевоенные
годы: «Но из-за последовавшего вскоре разгула анти-
семитизма она стала скрывать, что спаслась из Бабьего
Яра, скрывала опять, что она — еврейка, опять ее выру-
чала фамилия «Проничева».

Это был последний всплеск темы Бабьего яра, как и
темы европейской Катастрофы вообще, в официальной со-
ветской печати.

* * *

В том же 1966 году снова возник вопрос: что делать с
национальностью Ленина по материнской линии? Как уже
говорилось во 2-й главе, попытка М.Шагинян в 1937 г.
в повести «Билет по истории», положившей начало ее
некончаемому роману-хронике «Семья Ульяновых», кос-
нувшись этого деликатного вопроса, вызвала сопротивление
властей (в ней, напомним, она вынуждена была зло-
получного деда сделать «украинцем»; в последующих
изданиях вообще не указана национальность «доктора
Бланка»). Занимаясь в Центральном историческом ар-
хиве, писательница нашла в фонде Синода дело о его
крещении в связи с поступлением в Медико-хирурги-
ческую академию. «Потерявшие бдительность» сотруд-
ники выдали писательнице фотокопию этого документа,
который она попыталась использовать при очередном
переиздании «романа-хроники». Это вызвало настоящий
скандал: дело дошло до ЦК. Занимавшийся тогда в том
же архиве автор этих строк почувствовал, как неожи-
данно строго были ужесточены правила работы в нем:
вдруг потребовали новое «отношение» с места работы,

все выписки из архивных дел не выдавались на руки до проверки их сотрудниками и т.п. На недоуменный вопрос один из них, мой добрый знакомый, ответил: «Тебе-то что... Если бы ты знал, что здесь творится...», рассказав «по секрету», что после этой злополучной «истории с Шагинян» была устроена настоящая чистка в архиве: уволены сотрудники, виновные в выдаче фотокопии, многие получили выговоры, само же дело срочно переведено в «секретную» часть архива. Не остались в стороне от этой истории и контролирующие печать инстанции. Государственный комитет по печати, которому тогда подчинялась цензура, подготовил в 1966 г. для ЦК обширную справку «Критические заметки о художественной литературе о В.И.Ленине». В ней, в частности, обращено было внимание на доклад Леонида Соболева на съезде писателей РСФСР, в котором он говорил о «Семье Ульяновых» как о «капитальном талантливом труде», значительном достижении советской литературы. Однако цензоры не согласились с этим: «Талантливая писательница, — говорилось в справке, — даже при широком замысле создания многопланового романа о Ильиче, нецелесообразно растратила три десятилетия только на то, чтобы подвести своего читателя к рождению в семье Ульяновых мальчика, которому акушерка самостоятельно дала имя Владимир. Теперь, по неофициальным данным, Шагинян занята сбором материала, чтобы показать родословную В.И.Ленина по линии матери. А это уже похоже на создание генеалогического древа Ульянова-Бланка. Идея не нова. На западе уже существуют подобные книги. Буржуазные писаки стремятся доказать, что гений русского народа Ленин — результат смешения русско-монгольско-немецко-еврейско-шведских кровей.

Тут критика и обязана была помочь талантливой писательнице разобраться в этих вопросах. А генеральный секретарь Союза писателей России, прежде чем анонсировать работу с трибуны съезда, обязан был прочитать ее лично, а не полагаться на вкусы и мнения других»¹.

«Благонамеренные и грустные анекдоты» (если вспомнить вечно актуальную эпиграмму Владимира Соловьева 1885 г.):

Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!²

цензура рождала постоянно. К их числу относится, например, история публикации в те же годы одного из стихотворений Семена Липкина. Занимаясь переводом эпических поэм Южного Китая, поэт узнал о древнем народе И, название которого его поразило: «Подумать только, целый народ вмещается в одну букву!» Он написал стихотворение «Союз», в котором были такие строки:

Без союзов словарь онемеет,
И я знаю: сойдет с колеи,
Человечество быть не сумеет
Без народа по имени И...

Естественно, его обвинили в сионизме, поскольку, конечно же, речь идет об Израиле. Поэтому пришлось заручиться авторитетным мнением синологов, подтвердивших, что такой народ в древнем Китае действительно существовал, но безуспешно: убедить своих противников он не смог. «Собственно, те и не хотели убеждаться», — горько добавляет поэт³.

Строжайшей цензуре подверглась еврейская тема в «самом важнейшем из искусств» — кино. В 1966—1967 гг. были запрещены к прокату и положены на 20 лет «на полку» фильмы «Комиссар» (режиссер А.Аскольдов) и «Интервенция» (режиссер Г.Полока по одноименной пьесе Л.Славина).

* * *

После «шестидневной войны» 1967 г. и подавления через год «пражской весны» инерция оттепели закончи-

лась. С конца 60-х развернулась кампания антисемитизма, напоминавшая события 40-х -начала 50-х годов, слегка замаскированная лозунгом «борьбы с сионизмом». Получив негласные инструкции, Главлит свободно разрешал выпуск книг, по стилю и тональности напоминавшие худшие образцы геббельсовской пропаганды. Если до 1968 г. вышла лишь одна книга такого рода (упомянутого выше Т.Кичко), то с этого времени, согласно данным «Краткого списка антисемитской и антиизраильской литературы, опубликованной в Советском Союзе в 60—70-е годы», таких книг вышло более ста⁴. Среди них выделялись книги В.Бегуна «Вторжение без оружия», «Ползучая контрреволюция»), Е.Евсеева («Фашизм под голубой звездой»), «Сионизм: идеология и политика») и других «специалистов по сионизму».

Лишь изредка, когда авторы превышали положенную планку, что вызывало «обеспокоенность» коммунистических партий Италии и Франции, такие книги «отзывались» из библиотек. Впрочем, мне известен только один такой случай, когда в 1972 г., согласно приказу Главлита СССР от 17 марта, была изъята из библиотек общественного пользования и книготорговой сети книга Е.Евсеева «Сионизм: идеология и политика». Более того, как видно из пометки на карточке в каталоге бывшего спецхрана Библиотеки Академии наук, единственный экземпляр книги «отправлен в Книжную палату на основании письма Главлита № 1341 — 5 апреля 1972 г». Это был тот редкий случай, когда книга изымалась окончательно, и даже спецхраны не могли хранить ее.

Если не считать фальшивок подобного рода, советский читатель нигде не мог найти сколько-нибудь точного и адекватного определения политического сионизма, оформленного после выхода в 1896 г. книги Теодора Герцля «Еврейское государство» и сводившегося к цели собирания рассеянного в мире народа в единое государство. Он мог, конечно, обратиться к 1-му изданию БСЭ, в котором сионизм охарактеризован как «течение, ставившее

своей целью создание еврейского государства («очага») в Палестине» (1945 г., т.51), но более доступным был, скажем, популярный «Советский энциклопедический словарь», в котором сионизм охарактеризован как «реакц. шовинистич. идеология и политика евр. буржуазии» (1982 г.). Советской пропагандой этот слово было превращено ярлык, заменявший прежние: «враг народа», «космополит», «вредитель» и т.п.⁵.

Особую озабоченность партийных идеологов вызвал начавшийся в 70-е годы массовый отъезд советских евреев в Израиль. Помимо преград, чинимых административными органами, следовало развернуть пропаганду, дискредитирующую жизнь в Израиле, которая рисовалась самыми мрачными красками. В январе 1979 г. состоялось особое заседание секретариата Ленинградского обкома под председательством первого секретаря, члена Политбюро Г.В.Романова «О мероприятиях по дальнейшему разоблачению реакционной сущности международного сионизма и антисоветской сионистской пропаганды»⁶. Как видно из «секретного протокола № 13» этого заседания, издательствам и средствам массовой информации, телевидению в особенности, предписано было усилить работу в этом направлении, отмечены успехи Ленинградского телевидения, выпустившего фильм «Ради жизни», ряда газет, опубликовавших статьи на эту тему, и т.д.

Среди мероприятий, предписанных Обкомом, — издание книг, брошюр и «наглядных пособий», разоблачающих «ложь буржуазной сионистской пропаганды» о жизни в Израиле. Весьма любопытно, что Обком КПСС пытался скрыть свою причастность к их изданию, о чем свидетельствует такая история. В 1980 г. директор Лениздата обратился с письмом к начальнику Ленгорлита Б.А.Маркову: «По заказу ОВИРа и указанию Отдела пропаганды и агитации Обкома КПСС Лениздат подготовил к изданию плакат и буклет с идентичным текстом и одинаковым названием «Израиль. Правда, которую от вас скрывают», разоблачающие реакционную сущность

сионистской пропаганды. Прошу разрешить к печати указанные выше издания без выходных данных. Они будут выпущены тиражом соответственно 150 и 5 тысяч экз.» Однако начальник цензуры посчитал это нарушением правил: «Выходные данные должны быть. Не давать их — нет оснований». Издательство в ответном письме, наконец, разъясняет подоплеку дела: «Издательство Ленинградского Обкома КПСС «Лениздат», выполняя по заказу ОВИРа пропагандистский плакат и буклет «Правда об Израиле», по согласованию с Обкомом КПСС считает, что публикация выходных сведений в этих изданиях по соображениям политического характера нецелесообразна. Необходимость такого решения объясняется тем, что решено скрыть участие в выпуске партийного издательства. Просим разрешения снять наименование типографии и дать инициалы «Т.В.», а издательство не указывать вовсе». Наивный цензор все же не понимает: «Нам необходимо знать соображения о политической нецелесообразности давать выходные данные. Закон о выходных данных предполагает для всех изданий выходные данные»⁷... К сожалению, плакат и буклет не удалось найти, и мы не знаем, чем закончилось это курьезное дело: скорее всего, Обком разъяснил непонятливому цензору суть дела, и оба издания вышли с загадочной пометой «Т.В.» — вместо: «Типография издательства Ленинградского обкома КПСС «Лениздат».

* * *

Главными же инструментами подавления «еврейского инакомыслия», как и любого другого, оставались откровенно репрессивные акции КГБ и Главлит. Последний, получив соответствующие указания директивных органов, в течение пяти лет с 1967 по 1972-й — занимался фронтальным просмотром всех «сионистских» изданий, выходивших в СССР: напомним, что под ними понимались все без исключения печатные издания, имеющие хоть

какое-то отношение к еврейской тематике. Более того, некоторые авторы 20-х годов были противниками сионизма, но это уже не имело значения: все подводилось под этот универсальный спасительный термин. Результатом проделанной работы явилось издание очередного «Сводного списка книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» (М., 1973), в который вошли более сотни книг указанной тематики — почти в два раза больше, чем в предшествующий «Сводный список...» 1961 г.

Столкнувшись с тем, что, начиная с 30-х годов, такие книги практически уже не появлялись в печати, цензоры Главлита подвергли массовому изъятию издания первых лет революции. В список попали все издания лидеров сионизма, пропущенные ранее: все книги Т. Герцля, В. Жаботинского, Ахад-Гаама, все книги издательства «Кадима», все еврейские журналы 20-х годов и т. п. Перечислим лишь некоторые из них:: Агурский С. Еврейский вопрос в коммунистическом движении (1917—1921). Перевод с еврейского Г. Майзель. Минск, 1926; Ахад-Гаам. Избранные сочинения. Перевод с еврейского. Т. 1. М., «Сафрут», 1919; Мартин Бубер. Обновление еврейства. М., 1919; книги Макса Нордау и др. Кочевали из одного списка в другой еврейские журналы и сборники 20-х годов — «Еврейская мысль», «Еврейский крестьянин», «Сборники «Сафрут» и т. д. Заодно в «Сводный список...» попало множество книг 20-х годов, написанных с чисто советских, «интернационалистических» позиций, разоблачающих антисемитизм как «позорное явление» и «пережиток прошлого», как, например, брошюра Еф. Добина «Правда о евреях» (Л., Красная газета, 1928), упоминавшиеся во 2-й главе сборники «Против антисемитизма», книги Леонида Радищева и др. Очевидно, самое упоминание в названиях слов «еврей», «еврейский» служило основанием для изъятия книги: так подверглись запрещению все четыре выпуска чисто научного сборника

20-х годов «Вопросы биологии и патологии евреев» и многие другие.

После выхода сводного списка 1973 г. работы для цензоров не убавилось - началось массовое изъятие всех без исключения книг писателей и ученых, эмигрировавших в Израиль или в США, причем тематика здесь уже не играла никакой роли. Изымались они из библиотек по особым «приказам» и «циркулярным письмам» Главлита. Так, в январе 1984 г. вышел «Приказ об изъятии из библиотек и книготорговой сети научных трудов и учебников Иоффе О.С.», содержавший список 31 книги этого видного правоведа, профессора Ленинградского университета, выходившие с 1954 по 1974 гг.⁸. Среди них – основные учебники по теории права для юридических вузов, «Юридический справочник для населения» и даже брошюра «Мораль и право в борьбе за коммунизм» (Л., общество «Знание», 1964).

Цензурные органы требовали от руководителей издательств гарантий, что в их продукцию «не пробрались» случайно имена эмигрантов новой волны. Директор издательства «Советский композитор», запрашивая цензурную визу, прислал, например, такую справку в Леноблгорлит в ноябре 1981 г.: «В тексте и фотографиях брошюры «Симфонический оркестр Ленинградской гос. филармонии им. Д.Д.Шостаковича нет нежелательных для упоминания в печати лиц»⁹.... В данном случае такая справка особенно была важна для цензоров, поскольку, как известно, из этого оркестра эмигрировало много музыкантов – «лиц еврейской национальности».

Попали в циркуляры все книги поэтов, писавших для детей, – Р.Баумволь, И.Керлера, книги З.Телесина и многих других. В содержании их никакого криминала нет, единственное основание – эмиграция. Время от времени цензурные органы проверяли выполнение этих циркуляров библиотеками, порой обнаруживая «прочеты». Приведем один из приказов Ленгорлита:

«Из фонда библиотеки Академии художеств им. И.Е.Репина (заведующая — т. Одар-Боярская К.Н.) не были изъяты книги, не выполнено указание, изложенное в приказе № 20-дсп от 20 апреля 1971 года, не изъяты из общего фонда книги Баумволь Р. «Синяя варежка. Сказки». М., 1955. — 2 экземпляра; «Клетчатый гусь. Маленькие сказки.» М., 1957, и по одному экземпляру : «Солнце и ветер. Стихи.» М., 1958; «Редькин хвост. Сказки», М., 1966; «Разные сказки». М., 1962; «Про все сразу. Сказки». М., 1967; «Под одной крышей. Сказки». М., 1969; «Плюх-плих. Стихи». М., 1964; «Чур-чура. Стихи». М., 1965.

Ленинградское управление по охране государственных тайн в печати сообщило руководителям учреждений и организаций о выявленных нарушениях и о необходимости немедленного изъятия из открытого обращения книг, согласно приказов Главного управления. Начальник Управления Б.Марков». Руководители проштрафившихся учреждений, получив «сигнал» цензуры, вынуждены были оправдываться и докладывать о «принятых мерах». Так, например, заведующая отделом культуры Ждановского района Ленинграда сообщала в Ленгорлит 1 сентября 1972 г.: «Зав. Библиотекой им. Фурманова т. Кузина Н.Н. не приняла мер к безусловному выполнению приказа Главлита по изъятию из общественного пользования книги Баумволь Р. «Сказки для взрослых» (М., «Советский писатель», 1963). В настоящее время принятые меры к изъятию книги из библиотеки, а также всех аннотаций к ней и каталогов (речь идет, видимо об изъятии каталожной карточки. — А.Б.). Зав. библиотекой тяжело больна и находится на излечении в 3-й Нервно-психиатрической больнице с 5 июля по настоящее время»¹⁰.

Множество книг было изъято республиканскими Главлитами, поскольку союзный Главлит не всегда был «в курсе дела», Украинским, Белорусским, Молдавским. Последним были запрещены «книги писателя Влэстару Бориса Моисеевича и музыковеда и композитора Копытмана Марка Рувимовича, выпущенные молдавскими

издательствами». Среди изъятых книг и нот Копытмана в частности, — «Детские шуточные песенки», «Песни трудовой (!) любви» (на слова Сильвы Капути^кян) и даже песня «Весной родился Ленин» (на слова М.Лисянского). Белорусский Главлит внес в список все поэтические книги для детей Х.И.Малтинского на еврейском и белорусском языках¹¹.

В результате такой селекции фонды библиотек были «очищены». Известная фашистская надпись — «Свободно от евреев» — могла быть перенесена на здания библиотек с некоторой поправкой: «Свободна от еврейской литературы».

* * *

Цензурные органы всегда руку об руку работали с тайной политической полицией и на практике подчинялись последней. Но если ранее органы ЧК/ГПУ/НКВД сами решали вопрос об «антисоветском содержании» конфискованной литературы, обнаруженной при обысках и арестах, то в период «застоя» соблюдался некий правовой декорум. Каждый раз следственные органы КГБ запрашивали в подобных ситуациях мнение «экспертов», которыми считались специалисты-цензоры. Те в свою очередь, когда возникали сомнения, в целях «объективности», порой посыпали на экспертизу книги и рукописи доверенным лицам главным образом, «ученым» философам, религиоведам и другим специалистам. Особенно участились такие запросы в пору борьбы с диссидентством в 70-е годы — еврейским, «отказническим», в том числе. Среди документов, рассекреченных лишь в последнее время, десятки запросов органов КГБ в цензурные инстанции, из которых для иллюстрации полностью приводится далее лишь один:

«Сов. секретно»

6 октября 1970 г. СССР
Управление Комитета Государственной безопасности
по Ленинградской области

Начальнику Ленгорлита
тov. Арсеньеву

Прошу сообщить, не подлежит ли изъятию из обращения нижеперечисленная литература.

— /По миновании надобности всю литературу прошу возвратить/.

Приложение: по тексту.

Начальник Следственного отдела УКГБ при СМ СССР
по Ленинградской области Барков Л.К.

- 1) Книга на английском языке «История иудаизма» Бернарда Бамбергера, изданная в 1964 г. в США.
  - 2) Книга на английском языке «Золотая традиция» Люси Давидович, изданная в 1967 г. в США.
  - 3) Книга «Политические деятели России» Давида Шуба, изданная в 1969 г. на русском языке в США.
  - 4) Книга «Израиль» Давид Катариваса, изданная в 1969 г. на древнееврейском языке в Париже.
  - 5) Книга «Братья мои, герои прославленные!» («Маккавеи») Говарда Фаста.
  - 6) Книга «Шесть дней и шесть ночей Кибуца. Яд-Мордехай» Маргарет Ларкиной, изданная на древнееврейском языке в Израиле с предисловием генерала Хaima Ласкова (год издания не известен).
  - 7) Книга-справочник «Факты об Израиле 1966 года», изданная в Израиле на английском языке Отделом информации МИД.
  - 8) Книга «Структура общества в Израиле» Эдвина Сэмюэля, изданная на английском языке в США в 1969 г. издательством «Рэндом Хауз».
  - 9) книга Лакера «Путь к войне» на английском языке.
  - 10) Книга Р.Черчилля и У.Черчилля «...и победили на 7-й день» на немецком языке (в английском издании называется «Шестидневная война»).
  - 11) Книга С.Маршалла (американский генерал) «Сверкающий меч» на английском языке, изданная в США агентством ЮПИ и журналом «Американское наследие».
  - 12) Сборник «Избранные стихи Ахад-Гаама», изданный на еврейском языке в 1919 г. издательством «Сафрут», Москва.

13). Книга Бэма «Сионизм» – год и место не известны (приблизительно 20-е годы).

14) 1-й том сочинений Теодора Герцля, включающий книгу «Еврейское государство», издана в 1918 г. Акционерным обществом «Кадима».

15) Книга «Придет весна моя. Стихи советского еврея», изданная в Израиле в 1961 г. с предисловием И. Надава.

16) Книга «Образование для растущего народа» Моше Авидора, изданная в Израиле в 1966 г.

17) Книга «Современная литература на иврите» Э. Швейда, изданная в Израиле в 1964 г.

18) Фельетоны израильского журналиста Эфраима Кишона: «Как Израиль упустил случай приобрести симпатии всего мира», «И сказал Моисей Гольдштейну...»

19) Статья-отчет американских профессоров А. Сэбина, Д. Лендса и др. «Арабы раскрывают карты», опубликованная в американском журнале «Мидстрим» в январе 1969 г.

20) Интервью Голды Меир в Иерусалиме, опубликованная в американском журнале «Юнайтед Стэйтс энд Уорлд Рипорт» за 22 сентября 1969 г.

21) Статья «Русское проникновение в зону Суэцкого канала», опубликованная в швейцарской газете «Нойе Цюрихер Цайтунг» за 6 мая 1970 г.

22) Статья «Русское проникновение на западный берег Суэцкого залива», опубликованная во французской газете «Ле Монд» 11 сентября 1969 г.

23) Книга М. Л. Рудштейна «Судьба языка» («Воскресший из мертвых»).

24) Книга (роман) Теодора Герцля «Обновленная земля», изданная в 1904 г. в Петербурге.

25) Книга «История народа Израиля» Эрнеста Ренана, изданная на французском языке в Париже в 1887 г.

26) Книга (роман) «Земной король» Моше Замира, изданная в 1959 г. на еврейском языке в Израиле.

27) Брошюра «Научные исследования и образование в Израиле», изданная на немецком языке в Швейцарии

(Цюрих) Израильским информационным бюро с введением Аббы Эбана — министра иностранных дел Израиля.

28) Книга фотоиллюстраций «Дети Израиля» со статьями на английском языке, изданная в Голандии (первая публикация в Лондоне в 1962 г.).

29) Учебник географии для 6 класса израильской школы, изданный в Израиле под редакцией И.Папориша в 1968 г. на еврейском языке.

30) «Книга евреев Штейбица и Шверзны « (мемориальная книга еврейского землячества — выходцев из Белоруссии, г. Столбцы), изданная в 1964 г. на еврейском языке со вступительной статьей Шазара - президента Израиля.

31) Брошюра В.Жаботинского «Еврейское государство».

Ответ поступил через 8 дней — 14 октября:

«Начальнику Следственного отдела УКГБ при СМ по Ленинградской области.

На запрос от 6 октября 1970 г. сообщаем:

1. 1) Книга Д.Шуба «Политические деятели России (изд.«Новый журнал», Нью-Йорк, 1969) — является антисоветским изданием, имеющим злобные выпады против В.И.Ленина, коммунистической партии, марксизма-ленинизма.

2) Книга на английском языке Бернарда Бамбергера «История иудаизма» (США, 1964) содержит злобные клеветнические выпады против СССР и стран социалистического лагеря.

3) Книга Р.Черчилля и У.Черчилля «...и победили на седьмой день» на немецком языке содержит клеветнические антисоветские материалы.

2. Книги:

1) Придет весна мая. Стихи советского еврея» (Израиль, 1961).

2) Катаривас. «Израиль». (Париж, 1959).

3) Статья-отчет американских профессоров А.Сэбина, Д.Лендса и др. «Арабы раскрывают свои карты» (США, журнал «Мидсторим», 1969).

4) Статья «Русское проникновение в зону Суэцкого канала» (швейцарская газета Нойе Цюрихер Цайтунг» за 6 мая 1970 г.).

5) Статья «Израильский рейд на западный берег Суэцкого залива» (Франция. «Ле Монд», 11.09...).

6) Интервью Голды Меир в Иерасулиме (США, журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт» за 22.09.69 г.).

7) М.Ларкина. «Сверкающий меч» (США, агентство ЮПИ и журнал «Американское наследие», № 11).

8) М.Ларкина. «Шесть дней и шесть ночей Кибуца». «Ян Мордехай». (Израиль).

9) Э.Швайд. «Современная литература на иврите». (Израиль, 1964).

10) Э.Кишон. «Как Израиль упустил случай приобрести симпатии всего мира».

11) «Книга евреев Штейбица и Шверзы» (по записи). (Израиль, 1964).

12) Люся Давидович. «Золотая традиция». (США, 1967).

13) Э.Сэмюэль.. «Структура общества в Израиле» (США, 1969).

14) У.Лакер. «Путь к войне». (США и Англия, 1968) – являются антисоветскими, сионистскими изданиями, искажающими политику СССР.

3. Книги:

1) «Братья мои, герои православные!» (Маккавеи) Говарда Фаста.

2) Э.Кишон. «И сказал Моисей Гольдштейну...»

3) М.Л.Рудштейн. «Судьба языка» («Воскресший из мертвых»).

4). Сборник «Избранные и статьи Ахад-Гаама» (Москва, «Сафрут», 1919).

- 5) Бэм. «Сионизм».
- 6) 1-й том сочинений Т.Герцля, включающий книгу «Еврейское государство» («Кадима», 1918).
- 7) М.Авидор. «Образование для растущего народа» (Израиль, 1966).
- 8) Герцль Т. «Обновленная земля». (Петербург, 1904).
- 9) Справочник «Факты об Израиле. 1966 год».
- 10) «Дети Израиля».
- 11) Брошюра «Научные исследования и образование в Израиле», изданная на немецком языке в Швейцарии, — являются националистическими, сионистскими изданиями, не подлежащими распространению в СССР.

4. Брошюра В.Жаботинского «Еврейское государство» является сионистским, националистическим изданием с антисоветским предисловием.

5. Книга Эрнеста Ренана «История народа Израиля», изданная на французском языке в Париже в 1887 г., — политических дефектов не содержит.

Сотрудники Управления: Я.Б.Малкевич, Г.С.Блинская, И.С.Шестакова»¹².

Комментарии излишни: как говорится, здесь «ни прибавить, ни убавить», авторы и названия книг говорят сами за себя. Понятно, что эта переписка возникла в связи с очередным готовившимся КГБ диссидентским процессом, но каким именно установить не удалось: наследники бывшего КГБ до сих пор скрывают свои тайны и не допускают исследователей к архивам, если не считать особо доверенных лиц, к каковым автор себя не относит. Состав книг в этих списках ясно свидетельствуют об особой направленности намеченного процесса.

В других документах такого рода фигурируют не только печатные издания, но, как можно понять, и «самиздатские» материалы. Наметившееся в 70-е годы стремление некоторых кругов европейской молодежи к осознанию своих исторических корней и самоидентификации, с одной стороны, а с другой — отсутствие возможностей в

подцензурной печати выразить это, вызвало появление весьма обширного «самиздата». Наиболее активно проявился еврейский «самиздат» в Ленинграде, где с 1982 г. стало выходило наиболее значительное издание — «Ленинградский еврейский альманах». В нем опубликованы, в частности, статьи Михаила Бейзера о жизни петербургских евреев, впоследствии объединенные также в «самиздатовскую» книгу «Евреи в Петербурге» (уже в начале «перестройки» — в 1986 г.); спустя 4 года книга вышла в Израиле¹³.

Столь большое распространение машинописных, ксерокопированных и просто рукописных материалов, имевших часто произвольные заголовки, вызвало немало запросов в Ленгорлит со стороны охранительных органов. Так, 19 мая 1975 г. начальник Следственного управления Управления государственной безопасности Третьяков, «в связи с возникшей необходимостью», просит сообщить, «разрешено ли распространение в настоящее время на территории СССР следующих произведений». Далее идет список 49 материалов, большая часть которых имеет специфический характер: явно они конфискованы при обысках в среде ленинградской еврейской интеллигенции. Среди них: «Илья Эренбург об антисемитизме», «Дословные выписки из книги Ф. Гернека «Альберт Эйнштейн», «Русский писатель Максим Горький о еврейском поэте Бялике», «Воззвание-листовка Максима Горького» (очевидно, воззвание 1919 г. «О евреях», о котором шла речь в 1-й главе), «Справочные выписки из «Еврейской энциклопедии», «Максим Горький о евреях», «Поэма на зверское убийство Михоэлса» Переца Маркиша, «Легенда об Агасфере» (в списке опечатка — «об Агасфене»), стихотворение Евтушенко «Бабий яр», «Пачкун Смирнов грязно наследил...» (видимо, имеются в виду антисемитские выступления прозаика Василия Смирнова) и т.п.

Однако цензоры отделались в данном случае отпиской, поскольку дать «заключение по всем перечисленным Вами материалам» они не в состоянии, «так как ни по

одному из них не приводится выходных данных, по которым можно судить о характере произведений и правомерности их распространения. Вам необходимо по этому вопросу обратиться в Центр, который по принятой системе запросит Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР»¹⁴.

В других запросах и списках также широко представлена литература на еврейские темы: «Евреи в СССР» (Рим, «Унита», 20 сентября 1966 г. – очевидно, вырезка из газеты), Б.Ц. Гольдберг. «Открытое письмо редактору «Советиш Геймланд» А. Вергелису», книга Я. Гринвальда «Михоэлс», издательство «Дер Эмес», 1948 год», брошюра А. Генина «Палестинская проблема», издательство «Правда», М., 1948». В этом случае ответ цензуры был «положительным»: «указанные материалы распространению в СССР не подлежат». Очевидно, результаты такой экспертизы фигурировали на следствии, а затем и на суде над инакомыслящими диссидентами и отказниками и служили «отягчающим» (а может быть и единственным) «составом преступления» при вынесении приговора.

* * *

Ряд «проколов», случившихся при массовом издании «антисионистской литературы» (см. выше историю с книгой Е. Евсеева), заставил власти более осторожно относиться к ней в начале 80-х годов. Во всяком случае, требовалась «точность и политически выверенный тон», удостоверить которые могли «компетентные органы». В этом смысле примечательна попытка публикации в 1981 г. статьи Л. Корнеева «Ядовитая отрава сионизма» в ленинградском журнале «Нева». Цензура потребовала от редакции заключения Министерства иностранных дел и, конечно же, Комитета государственной безопасности. Первое отделалось отпиской, сообщив, что «...вызывает определенные сомнения характер освещения в статье некоторых общих принципиальных вопросов, в связи с чем представ-

ляется целесообразным, чтобы редакция проконсультировалась с соответствующими идеологическими инстанциями».

Такой инстанцией был прежде всего Комитет госбезопасности. Начальник Пресс-бюро КГБ СССР Я.П.Киселев оказался более требовательным: в связи с «усложнившейся мировой обстановкой» и протестами «прогрессивной западной общественности», еврокоммунистов, в особенности, уже не годилась лобовая критика сионизма. «Представляется нецелесообразным, — сообщал он, — в критике сионизма использовать ругательный тон, ибо предмет критики требует логически последовательно, трезвого, научно обоснованного и убедительного рассмотрения. Автор, возможно, не замечая, иногда отождествляет евреев и сионистов (стр. 3 и другие), сионистов и так называемых диссидентов (стр. 30), что может только дезориентировать читателя (но как раз именно этого добивалась пропаганда! — А.Б.). Вряд ли целесообразно в статье, разоблачающей сионизм, ссылаться на неизвестное лицо с русской фамилией (Удодов — уголовник, за садистское убийство отбывал наказание, выдворен из СССР), и более того, принимать его утверждения о буржуазно-сионистской пропаганде за какой-то постулат (стр. 1—2).

Учитывая важность затрагиваемых вопросов, полагаем, что статья должно быть рецензирована компетентным органом, которым, возможно, является Комиссия АН СССР по координации комплексных исследований проблем сионизма».

Редакция журнала послала рукопись и в это учреждение, более точное название которого — Комиссия по координации научной критики сионизма при Президиуме Академии наук СССР (была и такая!). Она посчитала, что «статья может быть рекомендована в печать после тщательной редакционной правки» и посоветовала изменить заголовок статьи, назвав ее «Психологическая война международного сионизма». Собрав все требуемые

рецензии и отзывы, редакция прислала рукопись в Леноблгорлит, заверив его, что все «пожелания и замечания» были учтены автором, но статья Корнеева все же так и не появилась в печати¹⁵.

Режим все-таки, несмотря на некоторые зигзаги и временные отступления, оставался верен самому себе. Незадолго до «перестройки», в 1983 г., претензии Ленгорлита вызвала верстка 6-го номера того же журнала «Нева», «поскольку отдельные материалы не полностью подготовлены к печати... В соответствии с требованиями нормативных документов вам необходимо... целесообразность описания еврейских погромов накануне Первой мировой войны проконсультировать в партийных органах»¹⁶. Видимо, «партийные органы» не рекомендовали редакции касаться этого вопроса: во всяком случае, ни в 6-м, ни в других номерах «Невы» за этот год никаких упоминаний о погромах нет. Тема, закрытая в годы Большого террора, оставалась табуированной и в начале 80-х: никаких погромов в России никогда не было.

«Сионистская пропаганда» виделась в самых неожиданных текстах; цензорам и другим надзирателям за печатью и идеологией всюду мерещился «замаскированный враг». В 1981 г. разразился скандал вокруг «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского дома.1979» (Институт русской литературы Академии наук), выходившего в течение более трех десятилетий (с 1947 г. — первое название «Бюллетени Рукописного отдела ИРЛИ»), вполне академического издания, снискавшего себе заслуженный авторитет. Претензии, на сей раз не цензуры, а партийных идеологических инстанций, в том числе и местной «партийчайки» — вызвала публикация писем Б.Л.Пастернака к Григорию Эммануиловичу Сорокину (1898–1954), поэту и крупному издательскому работнику (публикация А.В.Лаврова, Е.В.Пастернак и Е.Б.Пастернака). Сорокин был преемником С.М.Алянского на посту заведующего «Издательством писателей в Ленинграде» в начале 30-х годов, затем всю войну прошел на действи-

тельной службе военным корреспондентом, а в последние годы был главным редактором ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Активная и очень дружеская переписка велась им с Пастернаком, когда в Ленинграде выходила в 1933 г. его книга «Стихотворения в одном томе». В молодости Г.Э.Сорокин писал стихи; входил в литературную группу «Содружество» вместе с Н.Л.Брауном, Б.А.Лавреневым и М.Э.Козаковым, опубликовал в 1925 г. сборник «Галилея». Одно лишь упоминание об этом факте во вступительной статье, фраза «Библейские мотивы сочетались в стихах Сорокина с темами Петербурга и русской культуры...», но особенно четверостишие из сборника «Галилея»:

Что делать мне на Невских берегах,
В метелях, бурях и туманах,
Когда слеза в открывшихся глазах,
Запомнивших цветенье Ханаана...

вызвали целую бурю в партийных инстанциях. Публикаторы, конечно же, пытались протащить в ежегодник «сионизм» и «иудаизм»: «хотякий видеть да видит...» Начался разгром ежегодника — устроено закрытое партийное собрание, создана специальная комиссия обкома, разбиравшего это дело, возникшего, надо сказать, «снизу», в результате доносов некоторых сотрудников Пушкинского дома-коммунистов¹⁷. Редколлегия была разогнана, заменена частично «проверенными товарищами». Но этим не ограничились (ежегодник проштрафился вдобавок публикацией писем М.О.Гершензона): ценнейшее издание по решению Обкома велено было закрыть на всегда; удалось выпустить уже подготовленный ежегодник за 1980 г., и на этом издание его прекратилось на 10 лет (возобновлено было только в 1993 г. (ежегодник за 1990-й).

ПЕРЕСТРОЙКА

Постепенно легализуется «самиздат» в том числе и еврейский, но, выйдя из подполья, он не пользуется поддержкой государственных издательств. Консервативный и сугубо официозный «Советиш геймланд», начиная с 1987 г., меняет ориентацию, предоставляя свои страницы для публикаций по различным, табуированным прежде вопросам, в частности, о преследованиях еврейских писателей в конце 40-х годов. Появляются научные общества, организуется ряд еврейских университетов, выпускающих своих труды, оживляется научная работа в области иудаики¹.

Публикация романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», осуществленная, наконец, на родине журналом «Октябрь» в 1989 г., — один из главнейших прорывов тоталитарной цензуры. Сам факт обнародования этого эпохального произведения снял цензурное табу со многих тем и имен, создав своего рода прецедент. Официальная цензура сдалась, но не сдалась «цензура общественная», представленная националистически настроенными журналами, газетами и их авторами. Из статьи в статью переходили совершенно несправедливые обвинения Гроссмана в «русофобии», «национализме» и прочих грехах (статьи А. Казинцева, С. Викулова и иных); особенно раздражал критиков физик Штрум, который всегда, как уже указывалось, не мог угодить своей национальностью.

Тщательно подсчитывалось арифметическое соотношение положительных и отрицательных персонажей в зависимости от их национальности. Даже М. Ганина, вроде бы в таком грехе незамеченная и давшая в «Литературной газете» восторженный отзыв о романе, не удержалась от такой арифметики, подсчитав соотношение политзаключенных и уголовников в советском лагере и

придя выводу, что у Гроссмана политические — в основном евреи, а уголовники — русские (утверждение, кстати, совершенно несправедливое и спекулятивное). Особой фантазии при этом авторы не проявили, повторяя чуть ли не текстуально доводы цензурных и партийных идеологических инстанций самого страшного времени, когда обсуждалась первая часть дилогии в начале 50-х годов, когда антисемитизм стал неотъемлемой частью государственной, партийной идеологии².

Под самый занавес, 31 декабря 1988 г., началась ликвидация «книжного Гулага» — спецфондов крупнейших библиотек, в которые на десятилетия были спрятаны десятки и сотни тысяч книг, журналов и газет. О работе, начатой еще в 1987 г., было доложено в ЦК КПСС заведующим Идеологическим отделом ЦК А. Капто, который сообщает, что Главлит закончил работу по пересмотру «Сводного каталога книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» и «частично «Списка лиц, все произведения которых подлежат изъятию»³.

В этой обширной записке привлекает особое внимание такой фрагмент: «За период с марта 1987 по октябрь 1988 г. возвращено в общие фонды библиотек 7930 изданий, оставлено в спецфондах 462 издания явно антисоветского характера, содержащие клевету на В.И.Ленина, КПСС, Советское государство и советский народ, белогвардейские, сионистские, националистические издания». Как мы видим, даже на 4-м году «перестройки и гласности» «сионистские издания» продолжали оставаться в числе самых опасных и, с точки зрения идеологического аппарата, приравненных к «антисоветским» и «клеветническим».

Что же именно вошло в этот последний бастион спецхрана перед тем, как он спустя два года будет окончательно разрушен? Последний, как следует надеяться, «Сводный список книг, подлежащих исключению ...», вышедший конце 1988 г., позволяет сейчас ответить на этот вопрос с большой точностью⁴. Снабжен он таким

предварительным замечанием: «С выходом в свет настоящего списка считать утратившими силу «Сводный список...» 1973 г. и приказы Главлита с 1959 по 1988 гг. Сводный список введен в действие приказом Главлита от 27 декабря 1988 г.» Из 462 книг, представляющих наибольшую опасность, 53 книги, по нашими подсчетам, составляют «сионистские националистические издания», то есть более 10% – соотношение весьма впечатляющее. Сравнение с предшествующими сводными списками запрещенных изданий свидетельствует, что все, за немногими исключениями, книги подобного рода перекочевали в список 1988 г. По-прежнему в нем фигурируют сионистские (или считающиеся таковыми) издания первого поре-волюционного десятилетия: сборники «Сафрут», «Еврейская мысль», материалы совещаний и конференций «Паолей-Цион», и даже бюллетени конференции Еврейской коммунистической партии (1922 г. – на еврейском языке). Попали в последний список все те же злосчастные медицинские труды «Вопросы биологии и патологии евреев», конечно же – работы основателей и лидеров сионизма: Т. Герцля, Ахад-Гаама, Д. С. Пасманика и других, труды Мартина Бубера. Мотивы включения литературы, надо сказать, совершенно непонятны. Чем руководствовались цензоры, включив, в список, например, сборник «Для сцены. Рассказы, пьесы, песни», составленный И. Добрушиным и выпущенный Центроиздатом в 1929 г. на еврейском языке?

Единственным языком, кроме русского, на котором напечатаны книги, вошедшие в список, был еврейский. Столь же красноречиво выглядят в последнем главлитовском перечне некоторые книги 20-х годов, разоблачающие антисемитизм, попавшие, как уже говорилось, в проксирикционные списки Главлита еще в годы Большого террора, в частности, все те же книги Л. Радищева («Ступени. Против антисемитизма», «Яд») и ряд других. Скорее всего, чиновники Главлита механически внесли в

завершающий перечень все книги такого рода, входившие в предшествующие, без всякого отбора и смысла.

Но тот факт, что «реабилитация» литературы, считавшейся ранее «антисоветской», приведшая к сокращению в конце 1988 г. в десятки раз спецхранилищных фондов, не коснулась практически книг именно этих авторов и именно такой тематики, заставляет задуматься...

В упомянутой выше докладной записке в ЦК сообщалось также, что «одновременно Главлит СССР предлагает вернуть в общие фонды библиотек произведения, изданные в Советской Союзе, авторов-эмигрантов...» Всего перечислено 28 писателей, среди которых почти половина — «лица еврейской национальности»: «Баумволь Р.Л., Белинков А.В. (умер), Влэстару Б.М., Галич А.А. (умер), Керлер И.Б., Копелев Л.З., Копытман М.Р., Мальтинский Х.И., Орлова Р.Д., Табачник Г.Д., Тарсис В.Я. (умер), Телесин З.А., Эткинд Е.Г.». «Предложение Главлита СССР, — говорилось далее, — согласовано с Союзом писателей СССР (т. Карпов). Список произведений названных авторов и справка с обоснованием принятых по ним решений прилагается». Разумеется, далеко не все перечисленные авторы эмигрировали по «еврейской линии»: среди них правозащитники, насильтственно высланные из СССР или вынужденные покинуть страну в силу поставленной перед ними органами КГБ «альтернативы», невозвращенцы, теснейшим образом связанные в общероссийским диссидентским движением. В списке фигурируют имена В.Войновича, Г.Владимова и других писателей; с А.И.Солженицыным, надо сказать, не знали что делать еще целый год, пока, наконец, его книги вернули из спецхранов и позволили печатать на родине его произведения. Обратим внимание также на то, что позволено было вернуть из спецхранов только книги, изданные в СССР, до отъезда авторов: все их зарубежные издания оставались под спудом Главлита.

Наконец, 9 июля 1990 г. вышел приказ начальника Гуота СССР (Главного управления по охране тайн в

печати — так был переименован Главлит в этом году) № 100 «О ликвидации спецхрана»: все книги велено перевести в «открытые», «общие» фонды. Однако 1 августа появился приказ № 107, касавшийся так называемых «трофейных» книг, вывезенных в СССР после войны, и чуть ли не полвека сокрытых от «посторонних глаз». В нем говорилось: «Перевести в общие фонды библиотек и организаций все издания трофейных фондов, за исключением: 1. Произведений Гитлера, Геббельса, Гиммлера, Геринга, Риббентропа. 2. Сугубо антисемитские издания: 1) Антисемитизм как частная форма национального патриотизма. 2) Мельский. У истоков вековой ненависти. Очерки по еврейскому вопросу. 3) Протоколы сионских мудрецов. 3. Коллабрационистские периодические издания на русском языке и языках других народов СССР, выходившие на временно оккупированных территориях СССР, других европейских стран и Германии⁵. В список вошли также две антисемитских, судя по названиям, книги на немецком языке, выбранные, как и другие, явно наудачу из сотен и тысяч изданий. Если еще можно понять мотивы включения произведений лидеров нацизма (почему только перечисленных? нет, например, трудов Розенберга и других идеологов фашизма), то выбор трех антисемитских книг на русском языке уже совершенно загадочен. Тем более, в это время уже совершенно беспрепятственно начали выходить и распространяться в СССР откровенно антисемитские погромные листки, фашистские газеты и журналы.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В ноябре 1991 г., после «первого путча», когда разрушилась коммунистическая империя, Гуот СССР и все его местные инстанции были ликвидированы, принят российский «Закон о печати», отменивший любые виды цензуры. Сняты были все преграды для публикации ранее запрещенных произведений. Одновременно, как это уже бывало, воцарилась не свобода, но российская «воля». Бессилие власти, а может быть, ее игры привели к безбрежной и неконтролируемой публикации антисемитской литературы самого крайнего фашистского толка, изданию и распространению пресловутых «Протоколов сионских мудрецов», «Майн кампф» Гитлера и доморощенных подражательных сочинений такого же толка. Неоднократные попытки привлечения к суду издателей по существующим статьям закона, предусматривающих уголовные преследования за «разжигание национальной вражды», оказались бесплодными. Все издатели неизменно оправдывались судом за «отсутствием умысла». Точнее, суд находил только один: «извлечение коммерческой прибыли», что уже не имело криминального оттенка.

Удивляться, впрочем, особенно нечему. Многие чиновники расформированного Главлита были «трудоустроены» в созданные в 1991 г. Региональные инспекции по защите свободы печати и информации. Вчерашние гонители печати стали вдруг ее защитниками... Красноречивый пример: бывший начальник Леноблгорлита Л.Н. Царев, пересевший в начале «перестройки» в цензурное кресло из кресла сотрудника Отдела пропаганды и агитации Обкома КПСС, был назначен сначала заместителем, а затем начальником Ленинградской инспекции. Более того, на должность главных специалистов инспекции им были приглашены Н.Добрынский и Р.Поликарпова, его

бывшие соратники по цензурному ведомству. Как именно они защищают «свободу печати» видно из многочисленных публикаций, в которых не раз указывалось, что Царев и другие бывшие цензоры, работающие сейчас вместе с ним, не выполняют своих прямых обязанностей. В частности, они умывают руки, равнодушно взирая на разгул фашистской пропаганды, на призывы к насилию и жестокости в петербургской прессе. Журналист приводит поразительный факт: на последнем суде над Безверхим, одним из активных пропагандистов таких идей, со слов последнего выяснилось, что рукописи свои он носил на предварительный просмотр Н. Добрынскому, который удостоверил, что они вполне «невинны» и в них отсутствует «умысел» разжигания национальной вражды¹. Суд, к сожалению, с ним согласился, и издатель откровенно расистских книг был оправдан. Таких примеров — множество...

Один остроумный человек как-то заметил: «Я понимаю, конечно, что развитие идет по спирали, но кто сказал, что следующий виток будет обязательно сверху?». Этот парадокс имеет, увы, прямое отношение к нашему прошлому и быть может еще большее — настоящему.

Как видно из приведенных документов, именно цензура, исполняющая «волю партии», установила атмосферу полнейшего молчания вокруг «неудобной» темы, которая была объявлена табуированной. Нужно, однако, иметь в виду, что молчание в условиях тоталитарного режима часто становилось красноречивее и многозначительней слов. Печать молчала, набрав полный рот крови. Сама фигура умолчания — наряду с массовой публикацией «антисионистской» литературы в годы «застоя» — понималось и толковалось массами как одобрение антисемитизма сверху, что немало способствовало разнуданной кампании, развернутой в националистических журналах, и бытовому его проявлению.

Последствия проводимой в годы тоталитарного режима установки сказываются до сих пор. Ибо, вспомним все

того же Оруэлла, — «если партия может запустить руку в прошлое и сказать о том или ином событии, что его никогда не было — это пострашнее, чем пытка или смерть»².

Лучше всего выразил суть отношения режима к нашей теме В.Гроссман в «Жизни и судьбе»: «В тоталитарных странах, где общество отсутствует, антисемитизм может быть лишь государственным. Государственный антисемитизм — свидетельство того, что государство пытается опереться на дураков, реакционеров, неудачников. на тьму суеверных и злобу голодных... Затем государственный антисемитизм становится истребительным».

В Советском Союзе, в отличие от фашистской Германии, до массового истребления по национальному признаку не дошло, хотя и было на грани этого, если вспомнить дело Еврейского антифашистского комитета и страшное начало 1953 г. Но «геноцид» в отношении литературы и печати мог вполне перерасти в геноцид физический. Почва для этого была хорошо подготовлена многолетней работой цензурных и иных репрессивных органов. Вспомним предупреждение великого английского поэта и публициста Джона Мильтона, который в своей знаменитой «Ареопагитике» — речи перед вымышленным парламентом «О свободе книгопечатания», опубликованной еще в 1644 г., — говорил: «Убить хорошую книгу едва ли не то же, что убить человека...» И когда, добавим мы, начинают с уничтожения книг, неизбежно заканчивают тем, что уничтожают людей... Такова печальная логика истории...

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

¹ В результате этого была написана и издана книга «Закулисами» Министерства правды: Тайная история советской цензуры. 1917 – 1929. СПб., «Академический проект», 1994. 320 с. Собственно еврейская тема в этой книге не затрагивается. Первая и вторая главы настоящей работы отражены частично в следующих публикациях автора: Еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры (1920-е годы) // История евреев в России. СПб., 1993. С.157 – 162. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография» Вып.1.). Hebrew Publications and the Soviet Censor in the 1920s // East European Jewish Affairs. 1993. № 1. S.91 – 100. Еврейская тема глазами советского цензора (По секретным документам Главлита эпохи Большого террора // Евреи в России. История и культура. СПб., 1995. С.186 – 196. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып.3.). Цензурные преследования литературы на иврите в СССР в 20-е годы // Вестник Еврейского университета в Москве. № 1(8). С.175 – 185.

² Эльяшевич Д.А. Русско-еврейская культура и русско-еврейская печать: 1860 – 1945. // Литература о евреях на русском языке. СПб., Академический проект, 1995. С.76.

³ См. подробнее: Цензура // Еврейская энциклопедия. Т.15. СПб., [1912]. С. 794 – 803. В статье содержатся обширные, хотя и не всегда точные сведения по истории цензуры еврейских книг. См. также литературу, указанную в статье.

⁴ Подробнее см. указ. выше статью Д.А Эльяшевича. Насколько мне известно, этот исследователь пишет сейчас специальную работу по истории цензуры еврейской печати в дореволюционной России. В теоретическом плане этот вопрос поставлен и разработан им в статье: Русско-еврейская печать и русско-еврейская культура: к проблеме генезиса // Евреи в России. История и культура. СПб., 1995. С.55 – 74. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып.3.)

ОТ «ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ» К «ВЕЛИКОМУ ПЕРЕЛОМУ»

¹ Подробнее об этом см. указ. выше мою книгу «За кулисами «Министерства правды».

² Авраам Гринбаум. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918 – 1953. // Евреи в России. Историографические очерки. М. – Иерусалим, 1994. С.11.

³ Димаштейн С.М. (1886 – 1937), погиб в годы Большого террора.

⁴ ГАРФ, ф.327, оп.1, д.31, лл. 1, 9.

⁵ Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Авторы-сост. М.Агурский и М.Шкловская. Иерусалим, 1986. С.275.

⁶ Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим. «Библиотека Алия», 1977. С.428.

⁷ Подробнее о деятельности евсекций см.: Эстрайх Г. Еврейские секции компартии (По материалам бывшего Центрального партархива) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С.35 – 45. Для сравнения автор статьи указывает, что «крупнейшая американская газета на идише «Форвертс» выходила в те же годы тиражом 200 тыс. экз» (с.37).

⁸ Там же, с.36.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: «Монархия погибла, а антисемитизм остался». Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х годов. публикация Н.Тепцова // Неизвестная Россия. ХХ век. Вып.3. М.,1993. С.324 – 360.

¹¹ См. подробнее сб. «Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX – XX век. М., – Иерусалим, 1994», в который вошли исследования А.Гринбаума «Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918 – 1953» и Р.Ш.Ганелина и В.Е.Кельнера «Проблемы историографии евреев в России. 2-я половина XIX – 1-я четверть XX вв.»

¹² См. подробнее указанные выше вступит. статьи Д.Эльяшевича и В.Кельнера к библиографии «Литература о евреях на русском языке...».

¹³ Подробнее о создании Главлита и его функциях см.: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»..., с.80 – 112.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.3, д. 2, л.83.

¹⁵ Там же, л.88.

¹⁶ Гринbaum A., указ. соч., С.25. В исследовании Р.Ш.Ганелина и В.Е.Кельнера, (см. сноска 11) подробно проанализировано содержание вышедших выпусков «Еврейской летописи» (с.221 – 226). Здесь же, основываясь на мемуарах С.М.Дубнова «Книга жизни» и других источниках, авторы приводят данные о запрещении статей историка, присланные им в 1929 г. из Берлина в журнал «Еврейская старина», и печатном доносе на них цензора еврейской литературы С.Непомнящего (с.226 – 227). На этом издание еврейских научных журналов в СССР прекратилось.

¹⁷ ЦГА ИПД, ф.16, оп.10, д.10575, л.76.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.2, д.16, лл.13 – 18.

¹⁹ См. подробнее материалы, вошедшие в сборники «Евреи в культуре русского зарубежья», выходящие в Иерусалиме.

²⁰ См. подробнее вступит. статьи Д. Эльяшевича и В. Кельнера к библиографии «Литература о евреях на русском языке...»

²¹ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С.158.

²² См.: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»..., С.194. В главе «Литература и печать русского зарубежья» этой же книги (с.192 – 222) охарактеризовано отношение советской цензуры 20-х годов к эмигрантской печати.

²³ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.2, д.13; далее указываются только листы дела..

²⁴ См. мемуары И.В. Гессена «Годы изгнания. Жизненный путь» (Париж, 1979), в которых приводится ценнейший материал по истории печати русского зарубежья, в частности, об издательстве «Слово», бессменным руководителем которого был автор, и издававшейся им газете «Руль». Обширный материал, посвященный участию еврейской интеллигенции в русской эмигрантской культуре, в том числе в издательском деле и журналистике, приводится в статьях, опубликованных в трех выпусках сборника «Евреи в культуре русского зарубежья» (Иерусалим, 1992 – 1994).

²⁵ См.: Блюм А.В. Характеристика зарубежных издательств (по сведениям ГПУ И Главлит) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. № 183. С.273. Подробнее о Гржебине см.: Юниверг Л.И. З.И. Гржебин его издательская деятельность // Книга: Исслед. и материалы. С.69. М., 1994. С.96 – 121.

²⁶ Г.Алексеев, А.Толстой и А.Дроздов стали возвращенцами, остальные эмигранты не были, сотрудничая, тем не менее (тогда еще это позволялось) в зарубежной русской печати. Овадий Герцович Савич (1896 – 1967) – прозаик, поэт и переводчик.

²⁷ Среди сотрудников издания упоминаются публицист и критик, один соредакторов «Современных записок» Вадим Викторович Руднев (1879 – 1940), журналист и

критик Соломон Владимирович Познер (1905—1946), Борис Сергеевич Мирский (Миркин-Гецевич), Я.Л.Юделевский (Ю.Делевский), известный французский филолог, археолог и общественный деятель Соломон Рейнак.

²⁸ Упоминаются журналист Петр Яковлевич Рысс, прозаик, поэт и публицист Исаак Владимирович Шкловский (1865—1935), выступавший под псевдонимом Дионео, журналист и издатель Соломон Львович Поляков (1875—1945).

²⁹ Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, 1984. С.79.

³⁰ ЦГА ИПД, ф.16, оп.10, д.1054, л.27.

³¹ ЦГАЛИ СПб., ф.281, оп.1, д.46, л. 17.

³² См. раздел «Протесты писателей и ученых против цензурного произвола» в кн.: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»..., с. 262-302.

³³ Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, «Библиотека Алия», 1977. С.423—439.

³⁴ Гильбоа И. Литература на иврите в Советском Союзе // Евреи в Советской России (1917—1967). Иерусалим, «Библиотека Алия», 1975. С.253.

³⁵ См. об этом также в нашей статье: Hebrew Publications and the Soviet Censor in the 1920s // East European Jewish Affairs. 1993. № 1. S.91—100.

³⁶ Гильбоа И. Указ. соч., с.253—254.

³⁷ М.Горький. Из литературного наследия..., С.483.

³⁸ Там же, С.375. Скорее всего, только что вернувшись в СССР Горький не ответил на этот крик о помощи: во всяком случае, сведений об этом нет. См. Гильбоа И. Лашон омедет аль нафша (язык борется за свое существование). Тель-Авив, 1977. С.141—143.

³⁹ Гильбоа И. Литература на иврите в Советском Союзе..., С.254. Автор высказывает предположение, что власти чинили препятствия изданию первого сборника, чем и объясняется факт издания его в Берлине: в СССР было допущено не более трехсот экземпляров.

⁴⁰ Там же, с.249.

⁴¹ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.3, д.30, лл.105-107.

⁴² Учреждение при Совете национальных меньшинств, ведавшее, в частности, и еврейскими делами в области культуры. Наравне с коммунистическими евсекциями нещадно преследовало ивритскую литературу и печать.

⁴³ Стецкий Александр Иванович (1896—1938)-видный партийный работник, позднее (с 1930 г.) зав. Агитпропом ЦК ВКП(б). Странно, что он не был в курсе последних идеологических веяний, пытаясь взять под защиту ивритскую литературу.

⁴⁴ По-видимому, авторы протеста пытались сослаться на «прецедент» - исполнение на древнееврейском языке пьес, ставившихся московским театром «Габима», но за год до этого события театр вынужден был покинуть СССР.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.3, д.27, л.586.

⁴⁶ К сожалению, сведений об этой рукописи и отношении к ней Главлит, негативному, судя по всему, поскольку эта поэма так и появилась в печати, пока обнаружить не удалось.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.3, д.27, л.594.

⁴⁸ М. Горький. Из литературного наследия..., С.490.

⁴⁹ Гильбоа И. Литература на иврите в Советском Союзе..., С.270. Здесь же указаны источники сведений о писателях и поэтах, писавших на иврите в СССР.

⁵⁰ Антология еврейской поэзии ХХ века. Хаим Ленский // Век (Рига). 1990. № 2(5). С.18. В журнале впервые на русском языке опубликована подборка стихотворений Ленского в переводах Валерия Слуцкого, а также воспоминания о поэте его друзей.

⁵¹ См.: Гильбоа И., указ. соч., С.266. Письмо опубликовано тем же автором в его книге «Лашон омедет аль нафшо» («Язык борется за свое существование»). Тель-Авив, «Сифрият Полиам», 1977. С.301—303.

⁵² Антология еврейской поэзии. Хаим Ленский..., С.18. Воспоминания подписаны инициалами Ф.М.

⁵³ ЦГАЛИ СПб., ф.31, оп.3, д.21, лл.92—93, 96.

⁵⁴ Там же, д.20 («Переписка Ленгублита с Политконтролем ГПУ»), лл.606,610, 617, 620.

ГОДЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

¹ Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос... С.22.

² См.: Шимон Абрамский. Биробиджанский проект. 1917 – 1959. // Евреи в Советской России (1917-1967). Иерусалим, 1975. С.107-125.

³ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.1624, л.105.

⁴ Там же, л.107.

⁵ См.: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932 – 1946 гг. Сб.документов. Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1994. С.34. Подробнее см.: Дейч Г.М. Еврейские предки Леина. Нью-Йорк, Телекс, 1991.

⁶ ЦГАЛИ СПб.,ф.281,оп.1,д.56,л.60.

⁷ ЦГА ИПД, ф.24,оп.2-в, д.1624, л.109.

⁸ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.1625,л.158.

⁹ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в,д.1625,,л.157.

¹⁰ Там же, д.2296,л.290.

¹¹ Цензорская правка «Голубой книги» М.М.Зощенко. Публикация С.Печерского // Минувшее. Исторический альманах. Вып.3. М.,1991. С.368.

¹² Подробнее см. Максим Горький. Из литературного наследия..., с.80 – 87. Выброшенные места очерка, полностью напечатанного в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (Спб.,1901), выделены публикаторами курсивом.

¹³ ЦГА ИПД, ф.24,оп.2-в, д.2296, л.107.

¹⁴ Данилова Е. Знак беды? (Над страницами «Жизни и судьбы» Василия Гроссмана) // Вопросы литературы. 1993.Вып.3.С.38. Статья эта, хотя и под другим углом зрения, была подвергнута резкой критике Наталией Ивановой в статье «Бледная копия» (Вопросы литературы.1994.Вып.4.С.339 – 344) в основном за граничащие с

плагиатом заимствования из работы Шимона Маркиша «Пример Василия Гроссмана» (см. о ней далее).

¹⁵ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.2295, л.137 – 138.

¹⁶ Там же, л.40.

¹⁷ Там же, л.137 – 138.

¹⁸ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.2494, л.1

¹⁷ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.2494, л.1

¹⁸ Подробнее об этом см.: Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Кн.1.1938 – 1941. М., 1989.

¹⁹ См.: «А идише левоне» /еврейская луна/ Маршака. Вступит. ст., комментарии и публикация А. Колгановой // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С.178.

²⁰ ЦГА ИПД, ф.24, оп.2-в, д.2296, л.285.

²¹ Там же, д.2862, л.8.

²² См.: М.Горький. Из литературного наследия..., с.370 – 371.

²³ ГАРФ, ф.9425, оп.2, д.19, л.125.

²⁴ Евреи в Советской России..., С.10.

²⁵ Новый мир. 1966. № 9. С.24.

²⁶ Леонгард В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США. Перевод с нем. Лондон, 1889. С.73.

²⁷ ГАРФ, ф.9425, оп.2, д.19, л.171.

²⁸ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М., 1994. С.18.

²⁹ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. - Золотой теленок. М., 1986. С.429.

³⁰ Оруэлл Д. 1984. М., 1992. С.50.

«СОРОКОВЫЕ-РОКОВЫЕ...»

¹ Подробнее см.: Эйнштейн Р. Советское еврейство во Второй мировой войне // Евреи в Советской России (1917 – 1967). Иерусалим, 1975. с.9 – 37.

² Шмерук Х. Литература на идиш в Советском Союзе // Там же, с.234 – 237.

³ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в поледнее сталинское десятилетие. М., 1994. С.9.

⁴ Там же. С.17.

⁵ ГАРФ, ф.9425, оп.2, д.50, лл.19 – 20.

⁶ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана.- Берзнер А. Прощание. М., 1990. С.19.

⁷ Век. 1900. № 4. С.18.

⁸ Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана.- Берзнер А. Прощание..., С.136.

⁹ Шмерук Х, указ. соч., с. 235 – 236.

¹⁰ Киев, МИП «Обериг», 1991. Здесь же помещена подробная история текста и издательской судьбы «Черной книги». Затем она выдержала еще ряд изданий. Самое полное издание текста осуществлено было в 1993 г.: Черная книга. Вильнюс, Йяд, 1993.

¹¹ «Литературный фронт». История политической цензуры 1932 – 1947 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С.165 – 166.

¹² РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.464, л.107.

¹³ Костырченко Г.В., указ. соч., с.118.

¹⁴ Кадровики ЦК в это время часто вторгались в дела литературы, проявляя бдительность. Например, опережая августовское постановление, то же Управление кадрами ЦК 12 августа послало А.А.Кузнецовой донос на сборник рассказов М.М.Зощенко, вышедшего в «Библиотечке «Огонька» в 1946 г. Оно напало на невинный рассказ «Кочерга», который «мог быть напечатан в любой иностранной газете, как образец антисоветской пропаганды: даже кочерга стала дефицитной в Советском Союзе» (См.: Художник и власть: 12 цензурных историй. Публикация А.В.Блюма // Звезда. 1994. № 8. С.88.

¹⁵ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.562, лл.1 – 5.

¹⁶ Материалы об этом приведены в кн.: Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

¹⁷ Борщаговский А., Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994. С.215, 286.

¹⁸ Этому вопросу посвящена большая литература. См., в частности, указ. выше книгу А.Борщаговского, сборник: Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Антифашистского Еврейского Комитета. М., 1994.

¹⁹ Борщаговский А.М., указ.соч.с.385.

²⁰ ГАРФ, ф.9425, оп.72, д.116, л.3.

²¹ Там же, д.131,л.17.

²² Постоянно пополнявшийся и уточнявшийся машинописный список хранится в Секторе русского зарубежья (бывший отдел спецхрана Российской Академии наук) и включает около 800 имен «врагов народа», все произведения которых подлежали изъятию. Пользуюсь случаем поблагодарить К.В.Лютову и сотрудников сектора за предоставленную мне возможность ознакомиться с этим уникальным документом, составленным на основании распоряжений Главлита 40 — начала 50-х годов.

²³ ГАРФ, ф.9425,оп.2,д.124,,л.50.

²⁴ Там же, д.125, л.10.

²⁵ Липкин С., Берзер А., указ. соч., с.236.

²⁶ Этот и другие приводимые далее документы см.: РЦХИДНИ, ф.17, оп.132, д.400, лл.183—193.

²⁷ А.Берзер приводит в своих воспоминаниях стенограммы обсуждений романа, о которых речь идет далее. См.: Липкин С., Берзер А., указ соч.,с.165—243.

²⁸ РЦХИДНИ, ф.17, оп.125, д.187, л.18.

²⁹ ГАРФ, ф.9425, оп.2, д.200, л.5.

³⁰ Там же, д.204,л.7.

³¹ Там же, д.204, л.7.

³² Бесценные свидетельства приведены в его книге «На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 г.» (М.: Книга, 1988).

³³ ГАРФ, ф.9425, оп.2, д.200, л.20.

³⁴ Там же, д.204, л.22.

³⁵ Свирский Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления.1946—1976. Лондон, 1979. С.88.

ОТТЕПЕЛЬ

¹ Этот документ был представлен на выставке, приуроченной к проведению в сентябре 1995 г. В Российской Национальной Библиотеке конференции «Цензура в России и СССР».

² Наблюдение С.Липкина (см. указ. соч., с.53).

³ Эйнштейн А. О сионизме. Речи, письма, статьи. Иерусалим, Библиотека-Алия, 1991. С.57.

⁴ ГАРФ, ф.9425,оп.2,д.217, л.25.

⁵ Там же, л.23.

⁶ Яневич И. Институт мировой литературы в 1930—1970-е годы // Память. Вып.5. Париж, 1982. С.86.

⁷ Максим Горький. Из литературного наследия..., с.24.

⁸ ЦГАЛИ СПб., ф.359, оп.2, д.54, лл.1-2.

⁹ См. «Стенограмму заседания ..», опубликованную в сб. «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана: С разных точек» (М., 1991. С.53). В этом же сборнике опубликован отрывок из статьи Симона Маркиша (сына расстрелянного поэта) «Пример Василия Гроссмана» - проникновенный и очень глубокий взгляд на роман и мотивы обращения писателя к теме еврейства. Полностью статья вошла в капитальную работу автора «Василий Гроссман на еврейские темы», вышедшую в 1985 Г. В Израиле.

¹⁰ Липкин С., указ соч. с.94-95.

¹¹ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С.86—87.

¹² Там же. с.92.

¹³ Липкин С., указ. соч., с.41.

¹⁴ Юсфин А. Еврейская официальная музыка эпохи ее официального несуществования в России // Евреи в России. История и культура. Сб. научных трудов. Вып.3. Петербургский еврейский университет. СПб., 1995. С.203.

¹⁵ Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) // Вопросы литературы. 1993. Вып 4. С.299.

¹⁶ Там же, С.304.

¹⁷ Вокруг публикации мемуаров Ильи Эренбурга. Публикация Е.Берар // Минувшее. Исторический альманах. Вып.8. Париж, 1993. С.390,397. Этой темой давно и успешно занимается Б.Я.Фрезинский. См. его обширные комментарии к наиболее полному изданию мемуаров Эренбурга, вышедших в 1990 г. в трех томах (М., «Советский писатель»). См. также тезисы его доклада: Цензурная судьба мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» // Цензура в России: История и современность. Тезисы Конференции 20-22 сентября 1995 г. Санкт-Петербург. СПб., 1995. С. 54—55.

¹⁸ Лакшин В.Я., указ. соч., С.104.

¹⁹ Документы свидетельствуют... // Вопросы литературы. 1993. Вып.4. С.291.

²⁰ Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации // Вопросы литературы. 1994. Вып.5. С.271.

²¹ Подробнее см.: Корей У. Правовое положение советского еврейства // Евреи в Советской России..., с.61—62.

ЗАСТОЙ

¹ ГАРФ, ф.9604, оп.2, д.626, л.3. См. также указ. выше книгу Г.М.Дейча «Еврейские предки Ленина»

² Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М., 1974. С.139.

³ Липкин С. Декада. М., 1990.С.9.

⁴ Антисемитизм в Советском Союзе: его корни и последствия. Иерусалим. Библиотека-Алия, 1979. С.469—476. Здесь же помещены обширные выдержки из советской прессы.

⁵ Домальский И. Новое в антисемитизме. Социальный очерк // Там же, С. 274. В этой работе и в его книге «Русские евреи вчера и сегодня» (Иерусалим, 1991) подробно исследуется этот вопрос.

⁶ ЦГА ИПД, ф.24, оп.179, д.64, лл.10,122—125.

⁷ ЦГАЛИ СПб., ф.359, оп.2, д.169, лл.12-15.

⁸ Там же, д.208, лл.4-6.

⁹ Там же, д.179, л.7.

¹⁰ Там же, д.108, л.13.

¹¹ Сведения получены автором благодаря сохранившимся на карточках каталога бывшего спецхрана БАН помет «об основаниях» изъятия тех или иных изданий со ссылками на соответствующие приказы и циркуляры союзного и республиканских Главлитов.

¹² ЦГАЛИ СПб., ф.259, оп.2, д.100, лл.52—57.

¹³ Иерусалим, Библиотека Алия, 1990. Подробнее см.: Гринbaum A. Иудаика в СССР // Евреи в России. Историографические очерки. М., — Иерусалим, 1994. С.177.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб., ф.259, оп.2, д.133, лл.30—34.

¹⁵ Там же, д.190, лл.120—123.

¹⁶ Там же, д.203, л.45.

¹⁷ Эти сведения почерпнуты из бесед с сотрудниками Пушкинского дома В.П.Степановым и А.В.Лавровым, непосредственными свидетелями этой акции. По их словам, накануне партрассследования Литературным музеем Пушкинского дома была организована выставка, на которой представлены и книги Г.Э.Сорокина. Ночью (!), узнав о грядущих неприятностях, сотрудники сняли с выставки его книги, объяснив приехавшим по доносу членам комиссии, что авторам «сигнала» все это «помещилось».

ПЕРЕСТРОЙКА

¹ См.: Гринbaum A. Иудаика в СССР, с.177—170.

² Подробнее об этом см.: «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана: С разных точек зрения. М.,1991.

³ Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе. Каталог выставки (приложение).М., 1993, С.38.

⁴ Один из экземпляров хранится в небольшом архиве бывшего Спецхрана Библиотеки РАН (теперь «Сектор Русского зарубежья»).

⁵ Экземпляр, хранящийся в бывшем Спецхране Российской национальной Библиотеки. Из беседы с сотрудниками выяснилось, что эти книги до сих пор хранятся в собрании литературы ДСП (Для служебного пользования), поскольку, по их словам, «его еще никто не отменял», то есть приказ несуществующего учреждения уже несуществующего государства.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

¹ См. подробнее: Золотоносов М. Свобода печати или свобода нарушать закон? // Невское время. 1995. 13 апреля).

² Оруэлл Д. 1984. М., 1992. С.39.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамский Ш. 168
Авидор М. 148
Агурский М. 41, 163
Агурский С. 140
Айзман Д. 105
Александров Г.Ф. 94, 98-99
Алексеев Г. 44, 165
Алигер М.И. 92-97
Аллилуева С.И. 88
Алянский С.М. 152
Ан-ский С.А. 36, 47
Антокольский П.Г. 92
Арамилев А. 109-110
Арсеньев Ю.М. 143
Ахад-Гаам (Гинцберг А.Г.)
31, 105, 144, 147, 136
Ахматова А.А. 97, 169
Аш Ш. 54, 59

Бабель И.Э. 74-75, 82, 105
Бабиченко Д.Л. 168, 172
Багрицкий Э. Г. 95
Бакланов Г.Я. 84
Балтрушайтис Ю. 32
Бамбергер Б. 144, 146
Барашенков В. 116
Барков Б.К. 144
Баумволь Р. 141-142, 157
Бегун В. 137
Безверхий 160
Бейзер М. 149
Бейлис М. 114
Белинков А.В. 157
Бенуа А.Н. 40
Берар Е. 173

Берберова Н.Н.
Бергельсон Д.Р. 65, 88, 102
119
Берзер А.С. 91-92, 171
Берия Л.П. 107, 119
Бершадский В.Д. 112
Бершадский Р. 114
Блинская Г.С. 148
Блок А.А. 53
Блох Я. 41
Блюм А.В. 5, 22, 162-163,
165-166, 170
Блюм К. 89
Боровой С.Я. 73
Борохов Б. 32
Борщаговский А.М. 102,
171
Бояджиев Г.Н. 102
Браун Н.Л. 153
Брахман 78
Бродская Д.Л. 78-79
Брюсов В.Я. 32
Бубеннов М.С. 1089
Бубер М. 140, 156
Буденный С.М. 75
Бунин И.А. 46
Бэм 144
Бялик Х.Н. 32, 52, 55, 61,
64-65, 74, 83

Вергелис А. 150
Вешнев В. 106
Викулов С.В. 154
Винавер М.М. 45-46
Виноградов Н.И. 111

- Вишневский В.В. 128
Вишняк А. 41
Владимов Г.Н. 157
Влэстару Б.М. 142, 157
Вовси М.С. 111-112
Войнович В.Н. 121, 157
Волин Б.М. 68
Вольский А. 46
Вольф Ф. 85
- Габбе Т.Г. 77
Гайдар А.П. 86
Галай М. 84
Галич А.А. 157
Галкин С.З. 65, 92
Ганелин Р.Ш. 164
Ганина М.А. 154
Геббелльс Й. 84, 158
Гейне Г. 94
Генин А. 150
Герман Ю.П. 111
Гернек Ф. 149
Герцль Т. 31, 105, 137, 140,
145, 147, 156
Гершензон М.О. 46, 153
Гессен И.В. 43, 165
Гессен Ю.И. 33, 35
Гильбоа И. 166-167
Гинцберг А.Г. — см. Ахад-
Гаам
Гиппиус З.Н. 46
Гитлер А. 64, 67, 84, 101, 122,
158-159
Гладштейн Я. 98-100
Гнесин М.Ф. 37
Голованов В.С. 123, 129
Гольдберг Б. 99-101, 150
Горький М. 30, 54, 59, 61,
64-65, 68-69, 72, 81-82,
119-120, 124, 149, 166, 168-169,
172
- Гржебин З.И. 43-44, 83, 165
Гринбаум А. 163-164, 174
Гринбаум И. 29
Гринберг И. 140
Гринвальд А. 150
Гринштейн А.М. 111
Гроссман В.С. 74, 90, 106-110,
114, 118, 121-126, 131, 154-155,
161, 168-170, 174
Гурвич А.С. 102
Гуткина Е. 120
- Давидович Л. 144, 147
Данилова Е. 168
Делевский Ю. 45
Дейч Г.М. 168, 173
Дергачева 58-59
Дер Нистер 92
Димаштейн С.М. 29, 163
Добин Е. 140
Добрушин И.Д. 105, 156
Добрынский Н. 159-160
Домальский И. 173
Дон Аминадо — см. Шполян-
ский А.П.
Дроздов А. 44, 165
Дубнов С.М. 32, 164
Дуцман В.А. 45
Дьюи Д. 118
- Евсеев Е. 137, 150
Евтушенко Е.А. 125-126, 133,
149
Еголин А.М. 93, 99
Егоров К. 70
Егоров П.И. 111
Ермилов В.В. 67, 129
- Жаботинский В.Е. 41, 105,
146, 148
Жданов А.А. 97, 100

- Жданов Ю.А. 118
Загорский М. 111
Задунайская З.М. 77
Зальцман С.Д. 40, 42
Замир М. 146
Зеленов Т. 108
Зелюк О. 43
Золотоносов М.А. 175
Зощенко М.М. 71-72, 97, 170
Зускин В.Л. 105
- Иванов Вс. 92
Иванов В.И. 32
Иванова Н.И. 168
Идельсон А. 31, 105
Израилевич Л.Я. 49-51
Ильф И.А. 13, 87, 169
Иоффе О.С. 141
- Каверин В.А. 92
Каган А. 41
Казинцев А. 154
Калинин М.И. 57
Каплан А.Я. 120-121
Капто А. 155
Капутикан С. 143.
Карпов А.54, 60
Катаев В.П. 128
Катаривас Д. 144, 146
Катинов В. 122
Квитко Л.М. 65
Кельнер В.Е. 25, 27, 164-165
Керлер И. 1141
Киров С.М. 60
Киселев Я.П. 151
Кичко Г. 132, 137
Кишин Э. 145, 147
Клячко Л.М. 35
Коган Б.Б. 111
Коган Д. 29
Коган М.Б. 111
- Козаков М.Э. 153
Колганова А.А. 77, 169
Кондратович Е. 124
Копелев Л.З. 157
Копелян И.З. 121
Копытман М.Р. 142-143, 157
Корей У. 173
Корнев Н. 84
Корнеев Л. 150-151
Короленко В.Г. 105, 124
Костырченко Г.В. 24, 95, 170
Кружков В. 108
Кузина Н.Н. 142
Кузнецов А.А. 98, 100, 170
Кузнецов Анатолий 133
Кун Б. 73
Куприн А.И. 71
Кучеров С. 43
- Лавренев Б.А. 153
Лавров А.В. 152, 174
Лакер У. 144, 147
Лакшин В.Я. 123-124, 129,
    172-173
Ланина Т.В. 27
Ларкина М. 144, 147
Ласкер Э. 86
Ласков Х. 144
Лебедев-Полянский П.И. 35,
    168
Лев З. 67
Левин Б.Е. 34
Левит Б.С. 112
Левитан И.И. 95
Ленин В.И. 30, 42, 67-68, 74,
    82, 120, 124, 134-135, 155
Ленский Х. 55, 60-61, 167
Леонгард В. 85, 169
Лермонтов М.Ю. 60
Лесохин 79
Лидин В.Г. 44

- Липкин С. 91, 107, 122, 136,
170-173
- Луначарский А.В. 71
- Любарская А.И. 77
- Лютова К.В. 171
- Лядов А.К. 37
- Магнитский Г. 44
- Майзель Г. 140
- Майоров Г.И. 111
- Маленков Г.М. 93, 107
- Малкевич Я.Б. 148
- Мальтинский Х.И. 157
- Малюгин Л.А. 102.
- Маор И. 163, 166
- Маркиш П. 88, 92, 98-102,
149
- Маркиш С. 169, 172
- Марков А.Я. 126
- Марков Б.А. 138, 142
- Маркс К. 78, 94
- Мармер 99
- Маршак С.Я. 77, 88, 119, 169
- Маршалл С. 144
- Матов И. - см. Саарони И.
- Маяковский В.В. 53
- Меир Г. 16, 145, 147
- Меламед С.И. 76
- Меламуд Х. 103
- Мельский 158
- Мендельсон Я. 94
- Мережин А. 37-38
- Мильнер М.А. 36-40, 52
- Мильтон Д. 161
- Милюков П.Н. 45, 47
- Мирский Б.С.(Миркин-
Гецевич) 45-47, 166
- Михоэлс С.М. 66, 88, 101,
105, 111-112, 150
- Молотов В.М. 66, 83-84
- Мордвинкин 57
- Мочалов В. 130
- Надава И. 145
- Неймарк Д. 48
- Некрасов В.П. 125
- Непомнящий С. 164
- Новак Ш. 53
- Новик 34, 36
- Нордау М. 31, 140
- Нусинов И.М. 98-99, 102
- Ньютона И. 94
- Озеров Л.А. 125
- Омельченко К. 103
- Оппенгеймер Ф. 94
- Орлова Р.Д. 157
- Оруэлл Д. 84, 87, 100, 109,
119, 161, 175
- Островский З.С. 74
- Павлов И.П. 76
- Палатник С. 57
- Папориш И. 146
- Пасманик Д. 31, 46, 105, 156
- Пастернак Б.Л. 152-153
- Паустовский К.Г. 129-130
- Первенцев А.А. 109
- Перец И.Л. 32, 40, 119
- Персов И. 102
- Петров Е.П. 13, 87, 169
- Печерский С. 168
- Пильняк Б.А. 69, 82
- Плеханов Г.В. 70
- Поволоцкий Я. 41
- Познер С.В. 45, 166
- Поликарпов Д.А. 129
- Поликарпова Р. 159
- Полока Г. 136
- Поляков С.Л. 46, 166
- Померанцев В. 116
- Пономарев Б.Н. 105
- Поскребышев А.Н. 107

- Пушкин А.С. 60
Рабинович А.З. 48
Радищев Л.Н. 80-81, 140, 156
Рапопорт Я.Л. 113
Рассел Б. 118
Реверсман М. 36
Рейнак С. 45, 166
Рейснер Л.М. 82
Ренан Э. 146, 148
Риббентроп И. 66, 83, 158
Родичев 46
Розенберг А. 84, 158
Романов Г.В. 138
Романов П.И. 127
Руднев В.В. 45, 165
Рудштейн М.Л. 145
Рысс П.Я. 46, 166
- Саарони И. (Матов И.)** 55-60
Сабашникова М.В. и С.В. 33
Савич О.Г. 44, 165
Садчиков Н. 82, 85, 90
Самойлов Д.С. 88
Светлов М.А. 95
Свирский Г. 171 • .
Симонов К.М. 102, 106, 114
Славин Л.И. 136
Слиозберг Г.Б. 46
Слуцкий Б.А. 130-131
Слуцкий В. 167
Смирнов В.М. 149
Смирнов Е.И. 111
Соболев Л.С. 135
Соколянский М. 73
Солженицын А.И. 128, 131, 157
Соловьев В.С. 136, 173
Сологуб Ф.К. 32
Смоляр Г.Д. 97
- Сорокин Г.Э. 152-153, 174
Софронов А.В. 102
Сталин И.В. 42, 66, 78, 84, 87-88, 108-109, 116
Стариков Д. 126
Степанов В.П. 174
Стецкий А.И. 57, 167
Струве Г.П. 46, 166
Суслов М.А. 108, 121
Сфорим М.М. 65, 19
Сэбин А. 145, 147
Сэмюэль Э. 144, 147
- Табачник Г.Д. 157
Тагер А.С. 71
Тарсис В.Я. 157
Твардовский А.Т. 107, 122, 124, 128
Телесин З.А. 141, 157
Тельман Э. 85
Тепцов Н. 164
Тимашук Л.Ф. 114
Толстой А.К. 60
Толстой А.Н. 44, 165
Толстой Л.Н. 70, 120
Трайний И.П. 59
Троцкий Л.Б. 42
Тувим Ю. 130
- Фадеев А.А. 101, 105, 107, 109-110
Файгенфельд 43
Фаст Г. 144, 147
Федин К.А. 128
Фейхтвангер Л. 85, 110
Фельдман А.И. 111
Фефер И. 65, 102
Филипсон М. 48
Фрезинский Б.Я. 173
Фридман Д. 32
Фрумкин А.П. 112

- Хаакия 43
Ходасевич В.Ф. 32, 83
Хрущев Н.С. 107, 119, 123,
129, 131
Царев Л.Н. 159
Чаковский А.Б. 110
Чаплин Ч. 95
Чеберяк В. 114
Чевычелов Д. 77
Черняк Б.Х. 67
Черчилль У. 144
Черчилль Р. 144
Чуковская Л.К. 77, 169
Чудкаев С.Е. 67

Шагинян М.С. 67-68, 134-135
Шазар З. 54, 146
Шварц Н. 55, 59-60
Швейд Э. 147
Шверник Н.М. 135
Шестакова И.С. 148
Шкловская М. 163
Шкловский И.В. 46, 166
Шмерук Х. 169-170
Шолом-Алейхем 31, 55, 65,
100, 119-120
Шолохов М.А. 107
Шостакович Д.Д. 126
- Шполянский А.П. (Дон
Аминадо) 86-87, 169
Штерн Л.С. 104, 116-117
Шуб Д. 144, 146
Шубникова Т.А. 120

Щербаков М. 98
Щипачев С.П. 128
Щуко В.А. 40
Эбан А. 146
Эйзенштейн С.М. 88
Эйнштейн А. 92, 100, 107,
117-118, 149, 172
Эйнштейн Р. 83, 169
Эльяшевич Д.А. 22, 25, 27,
162-165
Эренбург И.Г. 88, 92, 95-96,
116, 125, 127-130, 149, 173
Эстрайх Г. 163
Эткинд Е.Г. 157
Эттингер Я.Г. 111
Юдин С.С. 104, 116-117
Юзовский И.И. 102
Юниверг Л. И. 165
Юсфин А.Г. 126, 172
Юшкевич С.С. 105

Яневич И. 172
Яffe Л.Б. 32, 83

SUMMARY

An eternal Jewish problem always has been in focus of the society and the state. The first experienced contradictory feelings - from hate to sympathy, while the latter for centuries of Russian history constantly persecuted Jewish culture, including literature and press.

A book is devoted to a problem which was of great interest for specialists in Judaic, history and philology. However, owing to restrictions and inaccessibility of censorial archival collections it could not be studied thoroughly. An author introduces to the audience a large corpus of documents from Glavlit and other governmental institutions. It is considered as a source to reconstruct an evolution of censorial policy regarding Jewish problem in the USSR. Glavlit and its local branches clearly expressed an official line of policy, followed by secret directions of ideological leaders of the Communist Party. The used documents give a possibility to revise all peculiarities and subtle nuances of attitudes to Jewish press, literature and Jewish problem as a whole.

At the same time, examination of censorial actions helps to retrace and fix a time of rise of state anti-Semitism and its development.

The author of the book reviews, in particular, repressive sanction of the censorship (and of the authorities in general) with respect to, first of all, Jewish publications in national languages (Hebrew and Yiddish) without taking into account of their content, secondly, which with respect to writers, poets and scientists of «inconvenient nationality» and finally and thirdly, with respect of Jewish topic in Russian literature and press.

The book is written as a number of essays, each of them is devoted to a certain period of Soviet history, from its beginning to the epoch of «perestroyka and glasnost».

- Chapter 1. From the Great October to the Great change.
- Chapter 2. During the Great Terror years.
- Chapter 3. Fatal 1940-ies.
- Chapter 4. «The thaw».
- Chapter 5. «The dead season».
- Chapter 6. «Perestroyka».

The book can be interesting not only for specialists but for every reader who are not indifferent to this theme.

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Эльяшевич. В советском галуте.....	5
От автора.....	23
От «великого Октября» к «великому перелому».....	28
Годы Большого террора. 1930—1941.....	64
«Сороковые-рековье». 1941—1953.....	88
Оттепель. 1953—1964.....	116
Застой. 1965—1985.....	133
Перестройка. 1985—1991.....	154
Вместо эпилога.....	159
Примечания.....	162
Указатель имен.....	176
Summary.....	183

Арлен Викторович Блюм
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

ISBN 5-88976-4
ЛР N 064064 от 05.05.95

Формат 60x90/16. Печ. л. 9. Тираж 1 000 экз. Зак. 37

Издание подготовлено Петербургским Еврейским Университетом

Изготовлено при содействии
Просветительно-издательского центра АДИА-М+ДЕАН
Санкт-Петербург, Пушкинская ул. 10

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии N1 ВО "Наука"
199034, С.-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

В 1993—1995 гг.
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫПУСТИЛ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

Д.А.ЭЛЬЯШЕВИЧ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ
В АРХИВАХ СНГ И СТРАН БАЛТИИ

Предварительный список архивных фондов

(выпущено совместно с Историко-архивным институтом Российской государственного гуманитарного университета и издательством «Акрополь»)

В справочнике приводятся сведения о 938 архивных фондах еврейских общественных организаций и государственных учреждений, ведавших делами еврейского населения, а также собраниях личных документов участников общественно-политической, научной и культурной жизни российского еврейства. Эти фонды хранятся в 92 государственных и ведомственных архивах 61 города бывшего СССР.

Издание является первым опытом справочно-информационного пособия по архивным материалам, освещющим историю евреев в Восточной Европе. Оно снабжено обширной вступительной статьей, посвященной истории формирования фондов еврейской тематики и их особенностям, а также вспомогательными указателями (именным, предметным и географическим).

В настоящее время готовится второе исправленное и дополненное издание справочника

* * *

ЛИТЕРАТУРА О ЕВРЕЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, 1890—1947

КНИГИ, БРОШЮРЫ, ОТТИСКИ СТАТЕЙ,
ОРГАНЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Библиографический указатель

Составители Д.А.Эльяшевич, В.Е.Кельнер

(Выпущено совместно с Российской национальной библиотекой
и издательством «Гуманитарное агентство «Академический проект»»)

Библиографический справочник является продолжением «Систематического указателя литературы о евреях на русском языке, 1708—1889» (С.-Петербург, 1892). В нем содержится свыше 6 000 библиографических записей, распределенных по 136 рубрикам. В указателе учтены русскоязычные издания, посвященные всем сторонам жизни евреев и изданные как в Российской империи и СССР, так и в других странах. Он является самым полным из всех существующих библиографических работ аналогичного характера. В указателе помещена написанная Д.А.Эльяшевичем обширная вступительная статья «Русско-еврейская культура и русско-еврейская печать», в которой впервые излагается история русско-еврейского книжного дела и периодической печати с 1860 по 1945 г. В статье В.Е.Кельнера «Русско-еврейское книжное дело» приводятся сведения по истории некоторых издательств, выпускавших литературу о евреях и для евреев. В справочнике имеется 3 вспомогательных указателя (алфавитный — авторов и заглавий; издающих организаций; географический).

* * *

ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ
Серия «ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»

Выпуск 1

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Ответственный редактор Д.А.Эльяшевич

В сборнике помещены статьи исследователей из республик бывшего СССР и ученых из Израиля, Великобритании, США, посвященные различным аспектам источниковедения и историографии истории евреев в России в XIX—XX вв. Он издан по итогам организованной Петербургским еврейским университетом в 1992 г. первой международной научной конференции «Евреи в России».

* * *

Выпуск 2

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ НА УКРАИНЕ И В БЕЛОРУССИИ
ЭКСПЕДИЦИИ. ПАМЯТНИКИ. НАХОДКИ

Ответственный редактор В.А.Дымшиц

В статьях, помещенных в сборнике, рассматриваются проблемы истории евреев Украины и Белоруссии. В основе публикуемых работ — материалы историко-этнографических экспедиций Института исследований еврейской диаспоры Петербургского еврейского университета и изысканий, проведенных в архивах и библиотеках бывшего СССР. Особое внимание уделяется бывшей Подольской губернии, где сотрудниками университета проводились наиболее интенсивные исследования.

* * *

Выпуск 3

ЕВРЕИ В РОССИИ
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Ответственный редактор Д.А.Эльяшевич

В третьем выпуске серии материал распределен по рубрикам «Источниковедение и историография», «Русско-еврейская культура», «Дискуссии». Особое внимание уделяется здесь истории русско-еврейской печати, еврейской литературе на русском языке, еврейской теме в произведениях русских писателей. Монографические статьи посвящены творчеству Бен-Ами и вкладу С.Ан-ского в этнографию российского еврейства. Как и в предыдущих выпусках, широко освещаются проблемы источниковедения и архивоведения. Авторами выпуска являются исследователи из России и стран СНГ, Великобритании, Италии, Израиля.

ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ
Серия «ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»

Выпуск 4

**ЕВРЕИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
ЭКСПЕДИЦИИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ**

Ответственный редактор Т. Вышенская

Издание является первым сборником статей, посвященным истории, этнографии и культуре бухарских евреев, а также других этнических и религиозных еврейских групп Средней Азии. Оно содержит статьи и публикации, обобщающие материалы историко-этнографических экспедиций сотрудников Петербургского еврейского университета в Узбекистан в 90-е гг. Большое внимание уделяется материалам исторической проблематики. В качестве приложений в сборнике опубликованы описания некоторых архивных коллекций, библиографические заметки и др.

* * *

**ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ**

Главный редактор Д. А. Эльяшевич

Выпуски 1 (1992 г.), 2 (1993 г.)

На русском и английском языках

Бюллетень посвящен актуальным проблемам еврейской педагогики. Предназначен преимущественно для преподавателей еврейских школ различного профиля.

* * .*

**ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛ**

Главные редакторы И. Дворкин, А. Ротман

Выходит 4 раза в год

Издается с января 1993 г.

В издаваемом Институтом проблем еврейской педагогики Петербургского еврейского университета научно-методическом ежеквартальном журнале «Еврейская школа» освещаются различные проблемы организации и деятельности системы еврейского национального образования и воспитания. На его страницах публикуются статьи по актуальным вопросам педагогики и психологии, методические материалы, проводятся заочные дискуссии. Авторами журнала выступают ученые, методисты и учителя-практики из СНГ, стран Балтии и Израиля. Это единственное периодическое издание подобной тематики в бывшем СССР.

* * *

ЛЕНИНГРАДСКАЯ АГАДА

Подарочное издание. Богато иллюстрировано рисунками детей, обучающихся в воскресных школах при Петербургском еврейском университете. В книге имеются краткие вступительные статьи р. Адина Штейнзальца, А. Остриня (ДЖОЙНТ), проф. Б. Наркиса (Еврейский университет, Иерусалим), И. Дворкина (ПЕУ).

* * *

БЕЙТ-СЭФЕР ДЕТСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редактор И. Дворкин

Материалы альманаха предназначены всем, кто интересуется еврейской традицией: детям — дошкольникам и школьникам, мамам и папам, бабушкам и дедушкам. Цветные иллюстрации Т. Погорельской и Ю. Александрова сопровождают в нем рассказы из еврейской истории, сказки и легенды, занимательные уроки Торы и иврита.

* * *

КНИГА РУТ ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ: ШАВУОТ

Г.Х.КОЭН ПРЕПОДАВАНИЕ КНИГИ РУТ

Пособие для учителя

(Выпущено совместно с Институтом еврейских рукописей (Иерусалим) и Ассоциацией преподавателей еврейской традиции «Ламед»)

Две брошюры, являющиеся первыми в серии «Еврейские классические тексты в школе», представляют собой книгу Рут (параллельный текст — русский и иврит) и методическую разработку по ней для учителя, переведенную с иврита А. Ротманом.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИУДАИКА

Том 1

A.В.БЛЮМ

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ПОД СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРОЙ.

В монографии изучены репрессивные санкции советской цензуры, адресованные изданиям на иврите и идише, писателям и поэтам еврейской национальности и еврейской теме в русской литературе и печати. Книга написана на основе большого массива ранее засекреченных документов из архивных фондов Главлитта и других контролирующих инстанций.

**ПЕТЕРБУРГСКИМ ЕВРЕЙСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ**

ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ

Серия «ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ГЕРМЕНЕВТИКА»

Выпуск 1

ГРЕКИ И ЕВРЕИ

ДИАЛОГ В ПОКОЛЕНИЯХ

Ответственный редактор А. Львов

В первом выпуске новой серии «Трудов по иудаике» помещены статьи, освещающие различные аспекты еврейской философии и ее взаимодействия с инонациональными культурными традициями. Многие статьи сборника посвящены анализу философского наследия Маймонида. Большое внимание уделяется также философским проблемам истории литературы и искусства. Авторами сборника являются ученые из России, Франции, Израиля, США. Он издается по итогам международной научной конференции «Греки и евреи», проведенной Петербургском еврейском университете в январе 1995 г.

* * *

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИУДАИКА

Том 2

Д. А. ЭЛЬЯШЕВИЧ

САМОДЕРЖАВИЕ И ЕВРЕИ

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ В ЗЕРКАЛЕ
ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

Монография, написанная на основе анализа и обобщения большого корпуса архивных и печатных источников, посвящена совершенно неизученной до настоящего времени теме — истории становления и функционирования цензуры еврейских изданий в России с 1797 по 1917 г. Цензурная практика рассматривается в ней в общем контексте развития взаимоотношений правительства и еврейского общества. Большое внимание автор уделяет истории Хаскалы и феномену русско-еврейской культуры. В монографии прослеживается также история еврейского, в том числе русско-еврейского книжного дела и периодической печати в дореволюционной России.

* * *

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИУДАИКА

Том 3

Е.И.МЕЛАМЕД

ИЗ ЕВРЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ. ОЧЕРКИ И РАЗЫСКАНИЯ.

Собранные здесь «Сюжеты» частично уже публиковались в научной периодике. Как и другие работы того же автора, их отличает внимание к забытым именам и новизна фактической информации. И те из них, в которых исследуются различные аспекты еврейской темы в биографии и творческом наследии В.Г.Короленко, и те, что посвящены известным некогда деятелям Хаскалы (Я.М.Эйхенбаум, Л.М.Биншток и др.) в значительной мере основаны на архивных находках.

Книга снабжена научно-справочным аппаратом и предназначена для всех интересующихся историей и культурой евреев в России.

* * *

СЕРИЯ «ЕВРЕЙСКИЕ МЕМУАРЫ»

Задача серии — представить совершенно неизвестные современному российскому читателю и часто недоступные ему в силу различных причин мемуары и воспоминания о жизни евреев в Российской империи и СССР.

Все книги данной серии будут снабжены вступительными статьями и обширными комментариями. Они предназначены как для специалистов-историков, так и для более широких кругов заинтересованных читателей.

Серия «Еврейские мемуары» будет состоять из следующих выпусков:

С.М.Дубнов. Книга жизни. Т. I-3.

С.Гинзбург. Вчерашний Петербург. (Перевод с идиш).

Паулина Венгерова. Воспоминания бабушки. (Перевод с немецкого).

М.Г.Маргулис. Мои воспоминания.

М.Бейлис. История моих страданий. (Перевод с идиш).

Сионизм в России. Сборник воспоминаний.

Исчезнувшая жизнь. Российские евреи-эмигранты о себе
и своем прошлом.

АДРЕС ДЛЯ ЗАКАЗОВ

Россия 196247 Санкт-Петербург, а/я 10

тел. (812)316-38-30

факс (812)268-75-68

E-mail univer@jewuni.spb.su

In 1993—1995
**PETERSBURG JEWISH UNIVERSITY
PUBLISHED THE FOLLOWING PUBLICATIONS**

**DOCUMENTARY SOURCES ON JEWISH HISTORY
IN THE ARCHIVES OF THE CIS AND THE BALTIC STATES**

BY DMITRI ELYASHEVITCH

The preliminary list of collections

(Published jointly with the Historical and Archival Institute affiliated with the Russian State University of Humanities and «Acropolis» publishing house)

The reference book contains information about 948 collections of Jewish public organizations, state institutions which were in charge of Jewish affairs and of the persons who were the active participants of political, scientific and cultural life of Russian Jewry. All these collections are kept in 92 state and departmental archives in 61 towns of the former USSR.

This publication presents the first attempt to compose the reference handbook on archive materials related to Jewish history in Eastern Europe. It is provided with the extensive introduction devoted to the history of the collections connected with Jewish affairs and some peculiarities of these collections and also with some indexes (nominal, subject and geographical).

Today the 2nd edited version of the reference book is prepared for publishing.

LITERATURE ON JEWS IN RUSSIAN. 1890—1947
BOOKS, BROCHURES, REPRINTS OF ARTICLES,
PERIODICAL EDITIONS

Bibliographical index

Compiled by Dmitri A. Elyashevitch and Victor E. Kelner

*(published jointly with the National Library of Russia
and «Academical project» publishing house)*

The bibliographical reference book is a chronological sequel of «Systematic Index of the Literature on Jews in Russian. 1708—1889» (St. Petersburg, 1892). It contains over 6000 bibliographical entries in 136 chapters. The index comprises the editions in Russian dedicated to all sides of the life of Jews and published not only in Russian Empire and the USSR but also in some other countries. It is the most complete bibliographical research of this kind. The reference book is provided with the extensive introductory article «The Russian-Jewish Culture and the Russian-Jewish Press» by Dmitri A. Elyashevitch dealied with the history of Jewish book-publishing and periodicals from 1860 to 1945 and the introductory article «The Russian-Jewish book-publishing» by Viktor E. Kelner which presents some information about the history of publishing-houses issued the books for Jews and about Jews. The reference book has 3 indexes (alphabetical — for authors and names of publications; index of publishing houses and other organizations and geographical one).

TRANSACTIONS ON JUDAIC HISTORY AND ETHNOGRAPHY

1st issue

THE HISTORY OF JEWS IN RUSSIA

THE PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY AND STUDY OF SOURCES

Editor-in-chief Dmitri A. Elyashevitch

The book contains the collected articles by different researchers from the former USSR, Israel, Great Britain and the USA. The articles are dedicated to the problems of historiography and study of sources of Jewish history in Russia during the XIX-XX centuries. It was published according to the proceedings of the 1st «Jews in Russia» International Scientific Conference hold in 1992 in St. Petersburg by Petersburg Jewish University.

2nd issue

THE HISTORY OF JEWS IN THE UKRAINE AND BYELORUSSIA EXPEDITIONS. MONUMENTS. FINDS.

Editor-in-chief Valery A. Dymshitz

The collected articles discuss the problems of the history of Jews in the Ukraine and Byelorussia. All information is based on the results of the historical and ethnographical expeditions of the Institute for Jewish Diaspora Research Works affiliated with the Petersburg Jewish University and also some investigations hold in the archives and libraries of the former USSR. The special attention is paid to the region of Podolskaya gubernia (province).

3d issue

JEWS IN RUSSIA THE HISTORY AND CULTURE

Editor-in-chief Dmitri A. Elyashevitch

The collected articles of the issue are devided into 3 parts: «Historiography and Study of Sources», «The Russian-Jewish culture» and «Discussions». Some published works deal with the history of the Russian-Jewish press, Jewish literature written in Russian language, Jewish problem and Jewish topic in Russian literature. The monographic articles are devoted to Ben-Ami heritage and S.An-sky' donation to the ethnography of Russian Jewry. As the previous issues the collection discuss some problems of study of sources. The authors of the collection are researchers from the former USSR, Great Britain, Italy and Israel.

TRANSACTIONS ON JUDAIC HISTORY AND ETHNOGRAPHY

4th issue

JEWS OF THE CENTRAL ASIA IN THE PRESENT AND THE PAST EXPEDITIONS, RESEARCHES, PUBLICATIONS

Editor-in-chief T.Vyshenskaya

The first book of collected articles dedicated to the history, ethnography and culture of Jews of Bukhara and other ethnical and religious Jewish groups of the Central Asia. The articles and publications generalize the materials of research expeditions of Petersburg Jewish University to Uzbekistan hold in 1990-ies. There are discussed various historical aspects of the Central-Asian Jewry. Some bibliographical and archival works are inclosed.

PROBLEMS OF JEWISH EDUCATION NEWS LETTER

Editor-in-chief D.Elyashevitch

1st (1992) and 2nd (1993) issues

Russian and English versions

The bulletin is devoted to the current problems of Jewish pedagogics and intended mainly for teachers of different Jewish schools.

JEWISH SCHOOL QUARTERLY MAGAZINE

Editors-in-chief I.Dvorkin, A.Rothman

Published since January, 1993

«Jewish school», a scientific and methodical magazine published by Petersburg Jewish University, is dedicated to different problems of organization and activities of the whole system of Jewish national education. The magazine contains articles on the current problems of psychology and pedagogics, methodical materials, discussions. The authors of the magazine are researchers and teachers of the states of CIS, Baltic republics and Israel. «Jewish school» is the only periodical on such themes on the territory of the former USSR.

LENINGRAD HAGADDAH

A gift book illuminated by pictures of children studying in supplementary schools attached to Petersburg Jewish University. The hagaddah itself is following by introductions of r.Adin Steinsaltz, A.Ostrin (Jewish Joint Distributing Committee), prof.B.Narkiss (The Hebrew University of Jerusalem), I.Dvorkin (Petersburg Jewish University).

BEIT-SEFER
JEWISH MISCELLANY FOR CHILDREN
Editor Ilya Dvorkin

The miscellany is intended to everybody who is interested in Jewish tradition: to children of different ages, their parents and grandparents. It is illustrated by T.Pogorelskaya and Yu.Alexandrov and contains some tales on Jewish history, religion and language.

MAGILAT RUTH
JEWISH FESTIVALS: SHAVUOT
G.KOHEN
TEACHING OF THE BOOK OF RUTH
A handbook for teachers

(Published jointly by the Institute for Jewish manuscripts (Jerusalem) and «Lamed» Association of the teachers of Jewish tradition)

These two booklets, which begin the series of books «Jewish classical texts at the school», present the Book of Ruth with Russian and Hebrew texts and methodical working-out for teachers translated into Russian by A.Rothman.

ST.PETERSBURG JUDAIC
• . Vol. 1 .
ARLEN V.BLUM
JEWISH PROBLEM UNDER SOVIET CENSORSHIP
1917-1991

A monograph deals with history of censorship of Jewish publications, literature on Jews and works by Jews in the USSR. For the first time an author, professor A.V.Blum, doctor of Philology, presents numerous documents from archive collections of Glavlit and its local branches which were inaccessible for researches during long time. The examination of these sources allows to revise the almost half a century of history of state anti-Semitism and to retrace the basic periods of its evolution.

PETERSBURG JEWISH UNIVERSITY
HAS PREPARED FOR PUBLISHING THE FOLLOWING PUBLICATIONS:

**TRANSACTIONS ON JUDAIC
PHILOSOPHY, CULTUROLOGY AND HERMENEUTICS**

1st issue

**GREEKS AND JEWS:
THE DIALOGUE THROUGHOUT GENERATIONS**

Editor-in-chief A.Lvov

The 1st issue of «Philosophy, culturology and hermeneutics» series of «Transactions on Judaic» consists of articles discussing different aspects of Jewish philosophy and its interrelations with other non-Jewish cultural traditions. Some articles of the collection are dedicated to analysis of the Maimonides' heritage and also some questions of the history of literature and art. The collection is published according to the proceedings of the International scientific conference of the same name hold by Petersburg Jewish University in January, 1995.

ST.PETERSBURG JUDAIC

Vol. 2

**RUSSIAN MONARCHY AND JEWS:
CENSORSHIP POLICY AS A REFLECTION
OF THE STATE ANTISEMITISM**

by Dmitri A.Elyashevitch

A monograph composed on the base of analysis and generalization of the great corpus of archive and published sources. It is devoted to the absolutely unexplored subject — the history of censorship of Jewish publications in Russia from 1797 to 1917. Censorial practice is considered in the context of development of interrelations between the Government and Jewish society.

The special attention is paid to the history of Haskalah and a phenomenon of the Russian-Jewish culture. The author of the monograph also makes an attempt to retrace the history of Jewish book-publishing and press including their Russian-Jewish section in pre-revolutionary Russia.

ST.PETERSBURG JUDAIC

Vol. 3

EFIM I. MELAMED

FROM JEWISH SUBJECTS. ESSAYS AND RESEARCHES

The subjects gathered here have been published partly in scientific periodicals Likewise other works by the same author they are notable for their attention towards forgotten names and novelty of the factual information. Both the materials that research different aspects of the Jewish theme in Vladimir Korolenko's biography and literary heritage and those devoted to distinguished workers of Haskalah (Jakob Eichenbaum, Lev Bienstok and others) in a large measure are founded on the archival finds. The book is supplied with apparatus criticus and is meant for everybody who is interested in Jewish history and culture.

* * *

«JEWISH MEMOIRS» SERIES

The aim of series is to present a corpus of memoirs and recollections about Jewish life in the Russian Empire and the USSR which is absolutely unknown to contemporary Russian audience and quite often remains inaccessible for it for some reasons.

All editions of the series will be supplied with introductory articles and extensive comments. The series are intended both for historians and other readers concerned in Russian Jewry.

«Jewish memoirs» series will present:

S.M.Dubnov. Book of life. Three-volume edition.

S.Ginsburg. Amolike Peterburg (translated from Yiddish).

Pauline Wengeroff. Memorien einer grossmutter (translated from German).

M.G.Margulis. My Recollections.

M.Beilis. The history of my suffering (translated from Yiddish).

Zionism in Russia. Collected memoirs.

Bund in Russia. Collected memoirs.

An extinct life. Russian Jews-emigrants talk about their past and themselves.

PLEASE SEND YOUR ORDERS:

P.O.Box 10 St. Petersburg 196247, Russia.

Fax: (812) 268-7568

e-mail: univer@jewuni.spb.su

Дорогие читатели!
Издательский отдел Петербургского
еврейского университета
благодарит Вас за внимание
к нашим публикациям.

Свои отзывы, пожелания, предложения
Вы можете высказать по адресу

Россия 196247 Санкт-Петербург а/я 10
тел. (812) 316-38-30
факс (812) 268-75-68
E-mail univer@jewuni.spb.su